

В4Р7(2Р-4Кем)
0-38

ОГНИ

№ 2
2002

КУЗБАССА

ИЗДАНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КУЗБАССА

В НОМЕРЕ:

**Выпуск посвящен 55-летнему юбилею
Дня шахтера – славного российского праздника**

- * Беседа писателя Иосифа Куралова с генеральным директором ОАО "Холдинговая компания "Кузбассразрезуголь" Анатолием Приставкой
- * **Поэзия:** А.Курицын, Д.Клестов, И.Куралов, В.Коврижных, Б.Бурмистров, С.Донбай, В.Баянов, В.Шумилов, В.Махалов, В.Щелканов, С.Печеник, А.Катков, А.Иленко, А.Патшин
- * **Проза:** В.Мазаев, А.Кругляков, Ю.Лавряшина, Е.Дубро, Л.Лягов, В.Иванов, М.Орлов, Г.Веселов, Г.Юров
- * **Лики земляков:** Г.Ярыгин, Г.Емельянов
- * **Православные чтения:** Л.Никонова

1947

Тогдашние гиганты производства:
экскаватор на полкуба и трехтонный самосвал
на разрезе "Красный Брод"

Нынешние малыши:
экскаватор на 8 м³ и самосвал на 40 тонн

2002

Главн
В. М.

Ответ
С. Л.

Редк
Б. В.
В. В.
А. И.
И. А.
Ю. А.
В. М.
В. В.
Л. А.
Г. Е.

Худо
В. П.

Рукопи
не реце
и не во

Адрес
650099,
Советс
Телефо

Альмана
зарегист
региона
по защи
и средст

Свидете
от 3 авг

ХР(к8)

84Р7(РР-4Кем)
0-38

ИЗДАНИЕ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
КУЗБАССА

ОГНИ КУЗБАССА

№ 2
2002 г.
спецвыпуск

R.S.L. KEMEROVO

151335

Главный редактор
В. М. БАЯНОВ

Ответственный секретарь
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Б. В. БУРМИСТРОВ,
В. В. ИВАНОВ,
А. И. КАТКОВ,
И. А. КУРАЛОВ,
Ю. А. ЛАВРЯШИНА,
В. М. МАЗАЕВ,
В. В. МАХАЛОВ,
Л. А. НИКОНОВА,
Г. Е. ЮРОВ

Художник
В. П. КРАВЧУК

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции:

650099, г. Кемерово,
Советский проспект, 40.
Телефон 36-85-14.

Альманах «Огни Кузбасса»
зарегистрирован Омской
региональной инспекцией
по защите свободы печати
и средств массовой информации.

Свидетельство № Г-0659
от 3 августа 1995 года.

ЭТОТ НОМЕР АЛЬМАНАХА ВЫХОДИТ
БЛАГОДАРЯ ПОДДЕРЖКЕ ОАО «ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«КУЗБАССРАЗРЕЗУГОЛЬ», ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПРИСТАВКА

Любовь Никонова

БОГОСЛУЖЕНИЕ В КУЗБАССКОМ ГОРОДКЕ

Это в храме поют в экстремальном краю:
«Изведи из темницы душу мою...»

А в ответ — с четырех неизбывных сторон
налегает лишь смог, этот черный «озон».

«Изведи из темницы...» — печалится хор.
Но в глубоком чаду утопает собор.

Сколько ж надо молитв, песнопений и слез,
чтобы облако смога чуть-чуть разошлось?

Между тем светозарный, нездешний на вид,
у подсвечника ясный ребенок стоит...

И не ведает он окружающей тьмы,
от которой и в церкви не скроемся мы...

Но он знает движением детского сердца,
что такое икона «Взыгранье Младенца».

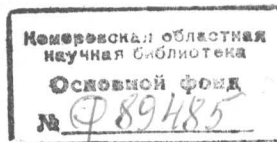
Знает он, развиваясь, как вешний листочек,
что такое икона «Живоносный Источник».

И, вкушая частицы церковного Хлеба,
знает сущность иконы «Благодатное Небо».

Мы, покрытые угольной пылью, глядим,
как сияет он чистым обличем своим...

Слышишь, милый, ты слышишь в светлейшем раю:
«Изведи из темницы душу мою...»?

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

— Анато.
басской про
довать воен
фронта, а е
рались мос
унизить эту
же собира
сокие и мас
ховность, ду
своей деяте
тесь на них.
промышлен
шей литерат
ров такого
номера жур
ный и дале
— Любо
писатель или
жен быть вс
самому себе
ховной жизн
ным жив чел
массовой ра
показуха. Не
есть у наших
30 тысяч
пани. Огром
оставлять в
ходит у него
конкурсы худ
фестиваль-к
«Играй, гарм
лективы гор
дители наше
конкурсе «Иг
ровки, при п
«Оле Лукойе
ной площади
кого поселка
беда — пели
думаем о бу
веке — при
детского твор
ствие дети на
пресс-службе
дети горняко
телях, перед
го директора
В холдин
и оказалось,
талантливых
поэмы шлю

НЕ УГЛЕМ ЕДИНЫМ

Беседа писателя Иосифа КУРАЛОВА с генеральным директором
ОАО «Холдинговая компания «Кузбассразрезуголь» Анатолием ПРИСТАВКОЙ

— Анатолий Григорьевич, Вы — один из генералов кузбасской промышленности. Мы, писатели, если и далее следовать военной терминологии, — бойцы литературного фронта, а еще мы — работники культуры и, как бы ни старались московские идеологи новорусского капитализма унижить эту формулу — инженеры человеческих душ, а также собиратели и хранители духовности. Уверены, что высокие и масштабные понятия — литература, культура, духовность, душевность, нравственность — близки Вам, в своей деятельности Вы соприкасаетесь с ними, опираетесь на них. Расскажите, как помогает крупная кузбасская промышленность созданию, укреплению, сбережению нашей литературы, культуры, духовности. Одним из примеров такого сотрудничества может служить выпуск этого номера журнала. Но ведь наверняка это не единственный и далеко не самый крупный пример.

— Любой человек, не важно, кто он по профессии — писатель или горняк, шахтер или металлург, не только должен быть всесторонне развит, но и обязан, прежде всего самому себе обязан, жить наполненной и интересной духовной жизнью. Я не устаю повторять: «Не хлебом единым жив человек!» В компании создан отдел культурно-массовой работы. И это не просто прихоть, не какая-то показуха. Необходимость в творчестве, самовыражении есть у наших работников.

30 тысяч кузбассовцев трудятся на предприятиях компании. Огромный коллектив! У каждого — семья, дети. И оставлять в стороне то, чем живет человек, то, что происходит у него в душе, никак нельзя. Поэтому мы возродили конкурсы художественной самодеятельности, проводим фестиваль-конкурс народного, фольклорного творчества «Играй, гармонь! Звени, частушка!» Самодеятельные коллективы горняков компании известны по России. Победители нашего фестиваля участвовали во всероссийском конкурсе «Играй, гармонь!» в Иваново. Ребятишки из Кедровки, при поддержке разреза занимающиеся в студии «Оле Лукойе», в прошлом году 9 мая выступили на Красной площади в Москве. Представляете, дети из горняцкого поселка в самый великий наш праздник — День Победы — пели и плясали на главной площади страны! Мы думаем о будущем, заботимся о тех, кому жить в новом веке — при поддержке компании проводится конкурс детского творчества «Дети Солнца», в нем принимают участие дети наших работников. На разрезе «Бачатский» при пресс-службе работает кружок юных корреспондентов — дети горняков пишут о своем родном крае, о своих родителях, перед Днем шахтера взяли интервью у генерального директора разреза.

В холдинге возродили газету «Открытые горизонты», и оказалось, что на наших разрезах трудится множество талантливых людей. Стихи, частушки, очерки, даже целые поэмы шлют в редакцию газеты наши горняки, инженер-

но-технические работники, ветераны «Кузбассразрезугля». И эти публикации читают на каждом разрезе. Это же очень здорово, когда можешь видеть творчество своих коллег и по работе, и по увлечению.

Всем известно, что в горняцких поселках наши разрезы активно поддерживают учреждения культуры — помогают в ремонте Домов культуры, библиотек, отстраивают школы.

Стихи, песни, творчество, участие в самодеятельности — вот то, чем живет сейчас и чем в свободное от работы время занимается горняк «Кузбассразрезугля». Это наша культура, с которой мы живем и которую стараемся при-
вивать нашим детям.

— Холдинговая компания «Кузбассразрезуголь» — крупнейшее в нашей стране предприятие по добыче угля и одно из лучших по экономическим показателям во всей российской промышленности. Уровень ваших достижений высок. Отсюда сложность стоящих перед трудовыми коллективами задач: не просто удержать достигнутый уровень, но и двигаться вперед. Одно из направлений этого движения — повышение конкурентоспособности добываемых компанией углей. Не могли бы Вы сказать об этом подробнее?

— Действительно, по итогам работы в прошлом году, наша компания признана лучшей в России. Мы не только добываем больше всех угля, но и являемся крупнейшим российским экспортером — в 29 странах мира знают и ценят качество «черного золота», добытого горняками «Кузбассразрезугля». Однако есть у нас и проблемы — а где без них?

Компания имеет относительно слабую по кузбасским меркам сырьевую базу угля. У нас нет запасов угля ценных коксующихся марок, а их в Кузбассе сейчас добывается около 80 % от добычи в России. Угля марки СС — наиболее ценного энергетического — только 22 %. Есть небольшие запасы угля, используемого при коксовании в качестве отошающих добавок. Кроме того, еще недавно, 5–7 лет назад, переработке, облагораживанию подвергалось только около 30 % товарной продукции. 70 % угля отгружалось в рядовом виде, значительное количество угля терялось в разубоженной породной массе. Наши конкуренты при лучшей структуре сырьевой базы уже в те годы подвергали переработке, обогащению более 65 % продукции. Рынок ставит задачу производства товарной продукции высокого передела, с большей добавленной стоимостью, лучших потребительских свойств. По современным оценкам, сегодня в мире конкурентоспособны лишь те производства, более 30–40 % продукции которых потребляется за рубежом, т. е. признается мировым сообществом приемлемой по соотношению цена — качество — поставки. Сегодня мы тоже достигли объема переработки 63 % (с учетом переработки коксующихся углей на сторонних

фабриках) и стремимся довести ее до 75–80 %. В 2000 году было 55 %. Сегодня на экспорт отгружается 38 % продукции, а в 2000 г. было 32 %. Значительное количество угля добывается из разубоженной горной массы, т. е. из потерь делается экспортная продукция. В Европе наш уголь успешно конкурирует с польским, американским, австралийским, южно-африканским, китайским. Значительный рост добычи угля и улучшения качества товарной продукции планируется и на 2003 г. Работы по улучшению качества угля продолжают развиваться темпами, превышающими темпы роста объемов добычи. Построены в этом году на разрезе «Бачатский» энергетическая обогатительная фабрика и сортировка, сортировки на разрезах «Моховский» и «Талдинский», обогатительные установки с КНС для обогащения разубоженного угля на разрезах «Сартаки» и «Калтанский». В 2003–2005 гг. предусматривается строительство обогатительной фабрики для коксующихся углей на разрезах «Бачатский» и «Красный Брод», ОФ на разрезе «Талдинский», обогатительная установка на разрезе «Красный Брод», дробильные комплексы на других разрезах. В компании существует обширная программа по развитию углепереработки на ближайшую и отдаленную перспективу. На самом деле это очень простая цепочка — продаем не рядовой, а обогащенный уголь — получаем больше денег, соответственно увеличивается и зарплата у наших горняков. Плюс к этому — новые обогатительные фабрики, сортировки — это и новые рабочие места.

— В Кузбассе знают о напряженной каждодневной работе нашего Губернатора Амана Гумировича Тулеева по снижению железнодорожных тарифов для перевозки угля. Думается, кузбасские шахтеры всецело поддерживают своего Губернатора в его деятельности. Какие плоды может принести эта работа руководимой Вами компании?

— По этому вопросу я бы вначале высказался в таком плане, что если бы А. Г. Тулеев на момент намерений МПС об. упразднении (ликвидации) Кемеровской железной дороги был нашим Губернатором, то этой бы ликвидации не произошло.

Мы имеем 18 лет опыта работы с Кемеровской железной дорогой, в том числе и когда ее возглавлял А. Г. Тулеев, и хорошо знаем, что железная дорога не просто структура, предоставляющая услуги по перевозкам. Это еще и принципиальный, с государственной позиции, орган, воздействующий на многие процессы деятельности промышленности — через соглашения, единые технологические процессы (ЕТП) и договоры, не дающий многим руководителям скрывать свои просчеты и недоработки в вопросах развития производства и выполнения мер, направленных на эффективное использование вагонов.

Что касается тарифной политики на железнодорожном транспорте, проводимой Губернатором А. Г. Тулеевым, то в этом вопросе проявились его профессионализм и государственность. Возглавив область, он увидел, что

главное звено в жизни и деятельности области — ж.-д. транспорт, обеспечивающий 84 % перевозок Западно-Сибирской железной дороги, без определенных общественно-политических схем в виде генеральных соглашений, объединяющих МПС, дорогу и область и смягчающих тарифную нагрузку при перевозках, не обойтись.

Соглашения между Министерством путей сообщения, Западно-Сибирской железной дорогой и Администрацией Кемеровской области дали резкий толчок повышению производства в Кузбассе. Благодаря генеральным соглашениям, принимаемым с 1997 года, через которые холдинг и весь угольный и промышленный Кузбасс могут гибко применять тарифную политику, мы ежегодно смогли увеличивать объем отгрузки и поставки в среднем на 1,7 млн тонн, а на экспорт за этот период объем отгрузки увеличился в 2 раза. В этих соглашениях дорога нам предоставляла и скидки с тарифа при перевозках на внутреннем рынке (на энергетику до 35 %), и льготные спецставки для поставки на экспорт. В общих объемах перевозки угля Западно-Сибирской железной дорогой доля холдинговой компании составляет около 30 %, в том числе на экспорт — 50 %. В процессе подготовки генеральных соглашений А. Г. Тулеев и специалисты АКО всегда приглашали и нас, мы при этом имели возможность оценить роль Губернатора в принятии решений по тарифной политике, которые в итоге принимались и Министерством путей сообщения.

Сегодня в связи с реформами на железной дороге меняется и тарифная политика, и, как вы знаете, Иосиф Абдурахманович, эти изменения усложняют нашу работу по отдельным направлениям поставок внутри России, особенно в летний период. Проведенная унификация ж.-д. тарифов по преysкуранту 10-01 «Тарифного руководства № 1» от 01.08.2001 г. и от 07.07.2002 г., которая подняла величину стоимости ж.-д. тарифов на уголь соответственно на 18 и 6,8 %, безусловно, проявила себя сдерживающим фактором на рынке для потребителя нашей продукции.

И в этой ситуации наш Губернатор правильно выбрал направление в постановке вопроса установления сезонного ж.-д. тарифа. Эту идею он огласил на заседании президиума Госсовета по основным направлениям государственной политики развития угольной отрасли в г. Междуреченске 29 августа. При значительно уменьшенном ж.-д. тарифе на весенне-летний период (до 30 % на регионы центра, северо-запада и востока РФ) получатель правильно ориентируется и сможет равномерно по году вести закупку угля. Будет в итоге снято напряжение на зимний период как на железной дороге с вагонами и пропуском поездов, так и на рынке угля в целом. И самое главное, в этой ситуации хватит вагонов для нормальной и размеренной работы.

Безусловно, нам и в дальнейшем весьма важна позиция губернатора в тарифной политике. Такое повыше-

ное наш
темпами
тности.
что на 3
нашего п
тельств
России в
рубеж до
бычу в об
а в целом
оду плани
должны о
видите, м
в общей д
Мы не
та, кроме
для нас э
живое уча
росе «Куз
стоинству
ей хороше
и жизни о

— О со
ров «Кузба
Уровень со
зависть. Но
простор для

— Дейс
циальной п
динения и
Достаточно
все меры с
их семей и
левым тари
компания,
бельно, сре
цию Соглаш
ные средст

Одно из
рос поддер
ботникам и
курортном
время дети
ные лагеря
ского морей
ли более тр
Доля работ
15 % от пол
проезд из К
сии, затрат
принимает н
тельным мед
необходимо

ное наше внимание продиктовано довольно быстрыми темпами роста добычи в нашем бассейне и у нас в частности. Так, в 2002 году мы добудем 39,3 млн тонн угля, что на 3 млн тонн больше, чем в 2001 году. Темп роста нашего производства 8,2 % — выше планируемых показателей по промышленному комплексу России в 2 раза. В 2010 году мы планируем превысить рубеж добычи — 50 млн тонн (вообще прогнозируем добычу в объеме 52 миллиона 350 тысяч тонн), рост 133,0 %, а в целом по Кузнецкому бассейну добыча к этому периоду планируется в объеме 165 млн тонн, и все это мы должны отгрузить в вагоны и доставить потребителю. Как видите, мы стабильно удерживаем планку на уровне 30 % в общей добыче по бассейну.

Мы не затрагивали сейчас других проблем транспорта, кроме железнодорожных тарифов и наличия вагонов, для нас этот вопрос всегда на первом месте. Поэтому живое участие губернатора в столь важном для нас вопросе «Кузбассразрезуглем» будет всегда оценено по достоинству, и главную оценку мы будем подтверждать своей хорошей работой по всем направлениям нашей жизни и жизни области.

— О социальной защищенности трудящихся и пенсионеров «Кузбассразрезугля» знают и за пределами компании. Уровень соцзащиты вызывает удивление, уважение, у иных — зависть. Но, видимо, этот уровень не предел? Есть и здесь простор для движения вперед? Расскажите, пожалуйста.

— Действительно, на сегодня компания по уровню социальной программы превосходит многие угольные объединения и предприятия как в Кузбассе, так и в России. Достаточно сказать, что в ней предусмотрены абсолютно все меры социально-экономической защиты работников, их семей и пенсионеров компании, обозначенные Отраслевым тарифным соглашением на 2001–2003 гг. При этом компания, работая в целом (по сумме разрезов) рентабельно, средств государственной поддержки на реализацию Соглашения не получает, расходуя для этого собственные средства из прибыли.

Одно из важнейших мест в программе занимает вопрос поддержания здоровья людей. Практически всем работникам и многим ветеранам, нуждающимся в санаторно-курортном лечении, предоставляются путевки. В летнее время дети работников направляются в оздоровительные лагеря и лучшие детские здравницы Черного и Азовского морей России. В этом году набрались сил, отдохнули более трех с половиной тысяч детей наших работников. Доля работников на приобретение путевок не превышает 15 % от полной ее стоимости. Учитывая высокие цены на проезд из Кузбасса к комфортным местам отдыха России, затраты на проезд работников и их семей компания принимает на себя. Все работники обеспечены дополнительным медицинским страхованием, что позволяет им при необходимости пройти бесплатное стационарное лече-

ние в клиниках и больницах. Ежегодные затраты из прибыли на оздоровление работников и их семей составляют около 80 миллионов рублей. Это почти половина месячного фонда заработной платы трудящихся компании.

В результате реформирования в стране жилищно-коммунального хозяйства постоянно возрастает нагрузка на семейный бюджет. Компенсировать эту нагрузку ростом заработной платы не всегда удается, поэтому компания оказывает целевую поддержку работникам и ветеранам. Тем, кто проживает в частных домах, предоставляется на отопление т. н. «пайковый» уголь по нормам коллективного договора. Проживающим в коммунальных квартирах компенсируются фактические затраты на отопление. Ежегодные расходы компании по данному направлению социальной программы составляют около 50 миллионов рублей.

Более 36 миллионов рублей компания расходует на материальную поддержку пенсионеров. Это единовременные пособия при выходе работников на заслуженный отдых. Размер пособия составляет, в среднем, примерно трехмесячный заработок. Ветеранам труда выплачивается ежемесячно дополнительная пенсия, ее сумма в зависимости от стажа работы назначается от 150 до 300 рублей. Оказывается материальная помощь к праздникам: День шахтера, День Победы, День пожилого человека, День матери.

Значительные расходы компания направляет в поддержку мероприятий, осуществляемых в Кузбассе по инициативе Губернатора области А. Г. Тулеева. С прошлого года компания выплачивает ежемесячное пособие детям военнослужащих и милиционеров, погибших при выполнении служебного долга в Чеченской республике. Оказывается помощь и детям работников компании, которые погибли на производстве. Также ежемесячно 58 семьям оказывается материальная помощь в размере 2,5 тысячи рублей на каждого ребенка до его совершеннолетия.

Предоставляем работникам беспроцентные кредиты на улучшение жилищных условий. Программа рассчитана на ежегодное денежное вложение в размере 60 млн руб., благодаря чему компания поддерживает и улучшает кадровый потенциал. В компании активно культивируется здоровый образ жизни. Как я уже говорил, проводятся круглогодичные спартакиады, конкурсы-смотры художественной самодельности, КВНы, туристические слеты, в которых принимают участие работники всех предприятий компании. Совсем недавно провели первую спартакиаду среди детей горняков. В 2002 г. по нашей инициативе возрождена спартакиада шахтеров Кузбасса, в которой приняли участие другие угольные компании области.

— Помните аббревиатуру времен развитого социализма — «соцкультбыт»? Этим тяжеловесным словом назывались все социальные, культурные, бытовые учреждения, финансируемые крупным промышленным предприятием и составляющие в его индустриальном пространстве особую сферу — этот самый соцкультбыт. В девяностые годы многие предприятия от него избавились, отдав на попече-

ние местных администраций. А как обстоят в этом отношении дела у Вашей компании? И каковы перспективы?

— Вопросами соцкультбыта ведает на сегодняшний день в ОАО «ХК «Кузбассразрезуголь» Дирекция по социальным вопросам. Так же, как и в самой компании, в составе каждого из 13 разрезов находится структура, отвечающая за все социальные аспекты работы данного предприятия. Сфера «соцкультбыта» на разрезах представлена весьма широко: детские сады, столовые, здравпункты, турбазы, оздоровительные лагеря и профилактории, общежития, спортивные комплексы (стадионы) и дворцы культуры, объекты жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), местные телестудии (в трех горняцких поселках — Кедровке, Краснобродском и Бачатском существует собственное, разрезовское телевидение). С осени 2000 года в доверительном управлении компании — все жилищно-коммунальное хозяйство двух поселков: Краснобродского и Бачатского. Забрали мы их себе, так как была реальная угроза заморозить поселки зимой, местные власти с проблемами не справлялись, а ведь в этих поселках основное население — наши горняки.

Ежегодно совместно со специалистами разрезов компания формирует и утверждает «Программу социального развития предприятий», включающую в себя расчеты денежных средств, необходимых для проведения текущих и капитальных ремонтов и содержания на достойном уровне тех самых социальных объектов. Дополнительно к этим объектам наша компания получает социальные заказы и от местных администраций, например, от администрации г. Белова. То есть, несмотря на передачу части объектов в муниципальную собственность, наши разрезы оказывали и продолжают оказывать помощь в проведении ремонтов объектов городов и поселков и благоустройстве жилых массивов.

На сегодняшний день продолжается процесс передачи социальных объектов в муниципальную собственность по территориальной принадлежности. Но это, как уже было сказано, не мешает нам совместно с администрациями городов и районов оказывать содействие в содержании этих объектов. Чтобы не быть голословным, приведу конкретные цифры.

Если в 1999 году на содержание соцкультбыта потрачено чуть больше 60 миллионов, то за девять месяцев нынешнего года затраты в два с половиной раза больше — 162 миллиона 472 тысячи рублей. Мы сознательно идем на такие траты. Не может быть хорошим работником человек, если он живет в старом, неотреставрированном доме, если его ребенок учится в холодной, неотопляемой школе, если на работу он идет по грязным и неосвещенным улицам поселка. Поэтому, вкладывая деньги в ремонт ЖКХ, строительство домов и социальных объектов, благоустройство горняцких поселков, мы получаем реаль-

ную отдачу в виде новых трудовых рекордов и высокопроизводительной работы наших горняков.

— День шахтера — один из самых главных праздников жителей Кузбасса. В этом году День шахтера был особым. Исполнилось 55 лет со дня учреждения этого праздника. А в 2003 году — 60 лет нашей области, главному угольному региону СССР и сегодняшней России. Поделитесь своими мыслями в связи с этими датами.

— Кузбасс был, есть и будет главным угольным регионом России. Для горняков компании нынешний год — вдвойне юбилейный. 55 лет тому назад началась добыча угля открытым способом в Кемеровской области — был пущен в строй Краснобродский разрез в Беловском районе (ныне ОАО «Разрез «Красный Брод») — один из лучших в компании). Мы достойно трудимся в столь знаменательный год. Компания добилась наивысших производственных показателей. Последний раз такие результаты были достигнуты еще при советской власти, в далеком теперь 1989 году.

Ну а в году 55-летия празднования Дня шахтера и приближающегося 60-летия нашей области хотелось бы, чтобы правительство наконец получило ясную программу развития отрасли на перспективу в структуре ТЭК и более совершенную законодательную базу. Очень трудно работать во времена постоянных перемен в налоговом, горном и земельном законодательстве. Мы имеем серьезные планы дальнейшего развития горного производства, решения социальных проблем трудовых коллективов, создания новых рабочих мест. Для реализации этих планов нужна благоприятная обстановка. Поэтому большие надежды связываем мы с прошедшим заседанием Президиума Госсовета по угольной отрасли.

— Анатолий Григорьевич, мы знаем, что поколение российских руководителей, которым за сорок, еще в советских школах, вузах получило образование, на котором, образно говоря, можно ставить знак качества, и имеют соответствующий образованию уровень культуры. А сегодня хватает ли у Вас времени читать новые книги, смотреть кино, ходить в театр, на концерты, посещать выставки? Есть ли поэты, прозаики, художники, композиторы, певцы, артисты — неважно, классики или современники, московские или кузбасские, которые вызывают у Вас особый интерес? Расскажите о Ваших пристрастиях в литературе и искусстве.

— Как любой человек, рожденный в Сибири, где перемешалось много национальностей, я очень люблю фольклор, народное искусство. Конкурсы частушек, проводимые в компании, всегда открываю сам — исполняю несколько частушек. Конечно, вокальные данные у меня не очень, но зрителям нравится. Люблю стихи, можно сказать, обожаю. Есть какая-то красота в рифмованных словах...

Александр

Александр
«Пионерка»
чальником у
на пенсию, в
чером произ

ПОЧУВ
НАД СО

Поэт Рос
Нашел ко
Про дере
Который
И басовит
Что двое
Он мне на
В чью ми
Реформы,
Детишек
(Когда, то
Какие дети
Он дышит
Полжизни
Он поглош

Зато когда
Шахтер с
Все беды
И солнцу
Душа лику
Отстойники
Ей-богу, бр
Чтобы хот

Нас по
Нам су
Мы —
В труд

Каждый
За втор
Не бер
За доб

Александр КУРИЦЫН

Александр Иванович работал 35 лет на шахте «Пионерка» проходчиком, горным мастером, начальником участка и несколько лет, после выхода на пенсию, в объединении «Беловоуголь» диспетчером производственного отдела

ПОЧУВСТВУЙ НАД СОБОЙ КУЗБАСС!

СТОИТ СТАТЬ ШАХТЕРОМ

Поэт России Николай Некрасов
Нашел когда-то грустные слова
Про деревенского малютку Власа,
Который на лошадке вез дрова.
И басовито говорил с укором,
Что двое «пашут» — семеро едят...
Он мне напомнил нашего шахтера,
В чью миску тоже многие глядят.
Реформы, займы, фонды и налоги...
Детишек нет — бездетность оплаты
(Когда, того гляди, протянешь ноги,
Какие дети, Господи, прости?)
Он дышит пылью, он грызет породу,
Полжизни под землей, во тьме, как крот,
Он поглощает окись углерода
и выдыхает сероводород.
Зато когда, как в знаменитой песне,
Шахтер с зарей выходит на-гора,
Все беды прочь, дыши, пока не треснешь,
И солнцу и теплу кричи: «Ура!»
Душа ликует. Все отраднó взору:
Отстойники, отвалы, бункера...
Ей-богу, братцы, стоит стать шахтером,
Чтобы хоть раз подняться на-гора!

ТАКОЙ ХАРАКТЕР

Нас позвало в забой не богатство.
Нам судьбою иное дано.
Мы — шахтеры, подземное братство,
В трудный час мы всегда заодно.

Каждый день мы уходим на смену.
За вторженье прости нас, Земля,
Не бери непомерную цену
За добытые тонны угля.

Мы мужали в опасных забоях.
Нас крестили метан и вода.
Мы порою рискуем собою,
Но чужою судьбой — никогда.
Потому что такая работа
И характер шахтерский такой,
Что не киснет от боли и пота,
А искрит, как гранит под киркой.

ШАХТЕРЫ — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ НАРОД

Шахтеры — удивительный народ.
Вся живность на земле стремится к свету.
А у шахтеров все наоборот:
Он лезет вглубь, вгрызается в планету.
И уголек, что миллионы лет
Земля от всех надежно укрывала,
Копает, выдает на белый свет
Нахально, как из своего подвала.
Он роет в чреве матушки-Земли
Длиннющие ходы и переходы,
А по лицу ее давно пошли
Прыщи отвалов вынутой породы.
Но и старушка тоже не проста.
И своего не уступает даром.
Разит внезапно, как из-за куста,
То взрывом, то завалом, то пожаром.
А уж подарком точно наделит.
Преподнесет верней, чем по прогнозам,
К десятилетию — радикулит,
А в двадцать — поощряет силикозом.
Но этот удивительный народ
Шутить способен на ступеньках плахи.
А шутки солоны, как едкий пот
На до пупа распахнутой рубaxe.
Иной полузадавленный мужик
Смеется над собой, от боли серый,
А попадись такому на язык,
Уж он тебе отпустит полной мерой.
А этот, с виду штатный зубоскал,
Не может ни минуты без подначек.
Но за друзей пойдет в любой завал,

Не спрячется. А это много значит!
Сто грамм для друга он всегда найдет,
Поделится последней сигаретой...
Шахтеры — замечательный народ!
Горжусь, что я прописан в касте этой!

ЗА НАС, ШАХТЕРЫ!

В грудь неба вбитые копры
И терриконников бугры,
И скаты эстакадных крыш
Во чистом поле,
И поседевшие чубы,
И мокрые от пота лбы,
И наспех сбитые гробы —
Вот наша доля.

Мы выбрали опасный труд.
Наш путь к углю тернист и крут.
Нас черномазыми зовут.
Мы не в обиде.
Но ты спустись в забой хоть раз,
Почувствуй над собой Кузбасс
И выдай уголь на-гора,
Тогда увидим.

А мы полжизни в темноте,
В пыли, в грязи и в тесноте,
Порой ползем на животе
В глухих забоях.
Порой у смерти на краю
Работу делаем свою
И можем друга, как в бою,
Прикрыть собою.

Была нам матерью страна,
Но обескровлена она.
Надежды тонкая струна
Порвется скоро.
Пока еще не пробил час,
Поднимем, братцы, тост на нас.
Дай Бог, чтоб не в последний раз.
За нас, шахтеры!

НЕ ЗАГОНЯЙТЕ ШАХТЕРОВ В УГОЛ

Опять шахтеров загоняют в угол.
Девятый вал реформ накрыл страну,
И все, кого кормил российский уголь,
По замыслу Кремля идут ко дну.

Исчезли в прошлом трудовые вахты.
Страна ждала от горняков угля.
Сегодня гребят коксовые шахты,
Бросают, топят шахтные поля.

Ужели уголь стал для нас обузой?
Иль некуда девать его в стране?
Зачем тогда дерьмо с Экибастуза
Ввозить в страну по бешеной цене?

Зачем нам казахстанская порода,
Когда пылает уголь на складах?
Зачем калечить легкие народа,
Зимой детей морозить в городах?

Чем неугоден вам народ российский,
Что вы готовы в пыль его стереть?
Но, если столько лет с ним так по-свински!..
Тут и ягненок может озвереть.

Не стоит в угол загонять шахтеров.
Прорвет плотину наглый беспредел.
Спаси нас, Боже Праведный, коль скоро
В России грянет новый передел.

Я немало дорог протоптал.
Жизнь изрядно меня потрепала.
Не скажу, чтоб смертельно устал,
И желание жить не пропало.

Но, как прежде, уже не страшит
Черный призрак костлявой старухи.
Все вокруг копошится, спешит
В круговерти мирской заварухи.

В УГОЛ

Этот ритм и меня захватил,
Словно птицу летящая стая,
То, что раньше проспал, упустил,
Я теперь, может быть, наверстаю.

Потому, хоть с трудом, но иду,
О прожитом пишу, как умею.
И покуда я не упаду,
В жизни что-то я сделать успею.

Пусть не так я, как надо, спою,
И не то, что другие укажут,
А исполню я песню свою
Так, как разум и совесть подскажут.

И когда я шагну за порог,
За спиною закроются двери,
Люди скажут: «Он делал, что мог,
И в Россию неистово верил».

МЫСЛИ

Ночь тащится косматой гусеницей.
Таращу воспаленные глаза.
Противной дрожью стягивает мышцы.
Все спят и слова некому сказать.

А ночь ползет, не хочет торопиться,
Тревожная повисла тишина.
Быть может, потому и мне не спится,
Что слишком беспокойно спит страна?

Откуда ж взяться на Руси покою?
Разбой, разврат, предательство и ложь.
О Русь! Как больно знать тебя такою!
Как жалок финиш, к которому идешь!

И эта боль рождает злые мысли.
Я, как в обойму, ставлю их в строку,
Чтоб грянула она, как точный выстрел,
Пускай последний на моем веку.

г. Белово

Владимир Мазаев

Я ЗАБУДУ ТЕБЯ

(элегическая повесть)

Я возвращался поездом из очередной командировки.

По специальности был я в те молодые славные времена инженер-наладчик. Поточные линии нашего завода внедрялись на предприятиях легкой промышленности во всех концах страны. Как специалист был у начальства на счету, любопытен, легко на подъем, безотказен, поэтому мотаться и жить вне дома приходилось частенько и подолгу.

По вагонной трансляции объявили город, к которому подъезжали, и я тотчас вышел из купе, стал у окна. Замелькал бесконечный пригород, переезды с очередями машин; длинные, как казармы, ряды частных гаражей, сады и огороды в июньской кипени.

Лет пять-шесть назад мне пришлось бывать в этом сибирском городе. Тогдашний приезд, помню, был связан с работой на фаянсовом заводе, на нем монтировалась наша линия. Линия не шла, капризничала, и командировка моя затянулась...

Я с интересом и слегка волнуясь глядел на поплывшие мимо многоэтажные кварталы, на здания-кубы из стекла и бетона — когда все это успели нагородить?

Поезд пошел по насыпи, мелькнул кусочек городской панорамы — курящиеся густо и угрюмо трубы заводов, плавный изгиб реки с песчаным островом посередине, знакомая мне пестрая горбатая шуба соснового бора над ней.

Тут уж я по-настоящему разволновался...

В наш вагон сели на стоянке несколько пассажиров — три или четыре женщины и мужчина. Я невольно обратил на мужчину внимание. Высокий и прямой, озабоченное хмурое лицо, азиатский разрез глаз, лет тридцати семи, а то и старше. В одной руке нес чемодан и мягкую хозяйственную сумку, а другой держал крепко за руку мальчика. Мальчишка был крепыш, с крутолобой, давненько уже стриженной головой. Когда они протискивались мимо меня, я заметил на округлом затылке мальчишки два зазорных завитка. Проще говоря, две макушки.

Или этой «родственной» чертой (у меня самого две макушки), или чем другим — мальчуган этот сразу как-то стал мне симпатичен. Вскоре поезд снова катил, то ныряя в таежные сопки, то вырываясь на простор заболоченных чахлых березняков.

В зеркальную дверь моего купе протиснулась любопытствующая, уже знакомая мне мордашка — новый пассажир совершал ознакомительный обход вагона. Я позвал мальчика, угостил яблоком, и мы стали друзьями.

Через несколько минут заглянул озабоченный отец мальчика, спросил, не мешает ли малыш; я уверил, что нисколько.

Мужчина был смугл, черноволос, а у мальчика и брови, и даже ресницы рыжеваты. И я, чтобы наладить, как говорится, контакт, шутливо заметил — и тут же понял: не очень-то ловко — насчет этого их внешнего несходства.

Мужчина — ответить бы тоже шуткой? — глянул вдруг растерянно и в то же время вызывающе, привлек мальчишку к себе, к своим коленям, сказал сухо:

— Это мой сын.

Я был откровенно смущен такой неожиданной реакцией. Какое болезненное самолюбие, подумал я.

Минуту или две в купе длилось молчание, только бесечно на мальчишечьих зубах похрустывало яблоко.

— Шурик, — сказал мужчина, — ты бы не бегал по вагону, побудь с дядей, а я схожу в вагон-ресторан, куплю тебе поесть чего-нибудь. Вы не возражаете? — вопрос был адресован мне, в нем как бы заключено было прощение за мою бестактную шутку.

Я не возражал, разумеется, и мы с Шуриком остались вдвоем.

На диванной полке валялся иллюстрированный журнал. Шурик полистал его, посмотрел картинки, потом попросил карандаш. Такого не нашлось, я полез в свой дорожный баул, достал коробочку фломастеров. Дома меня ждала дочка трех лет, она была у меня большой любительницей рисовать фломастером. Этот подарок я вез ей.

На скучной картинке весенней березовой рощи Шура стал сосредоточенно пририсовывать к голым веткам какие-то кругляшки.

— Что? Яблоки выросли? — спросил я.

— Не! — ответил Шура серьезно. — Это на деревьях напухли бочки.

— Набухли почки, — поправил я.

Шура вскинул на меня свои зеленоватые чистые глаза, сказал:

— И говорю же: напухли бочки!

Я решил переменить тему, спросил, сколько ему лет. И он ответил, что пять с половиной.

Что еще можно спросить у малыша? И я спросил:

— А где твоя мама?

— В бо-
рисунка.

— А ку-

— К ба-

поправит

— А кто

— Худо

— Худо

— Нет,

— Чаш

— Ну е

Я замо

двумя кру

во, то вле

зовый кон

вая роща у

«напухших

это. Он во

— А лис

Я подум

Наступи

— Твоя

не унимало

— Ага, н

Я снова

няв мое мо

— Ну, дя

— Пью, -

— Ну вот

рисовала!

— Ну-ну

Продолж

мастер. Пр

того. Вмиг

возникло не

ходульках,

лоли сдобн

— А это?

— Это м

— У тебя

— Нет, —

Он нако

пристрастн

опробованн

было, он за

День кло

нительно ле

док. Было ж

пельки забл

— Давай

— Давай

нул мне рук

Сдергива

плотное кре

— В больнице, — сказал Шура, не отрываясь от рисунка.

— А куда вы с папой едете?

— К бабушке. Я там буду жить, пока мама не поправится.

— А кто у тебя мама?

— Художница, — сказал Шура.

— Художница? Она что, рисует картины?

— Нет, чашки.

— Чашки? Это как?

— Ну еще тарелочки, — добавил Шура.

Я замолчал. Опушенный затылок мальчика с двумя крупными завитушками склонялся то вправо, то влево и синхронно этому высовывался розовый кончик языка. Работа шла вовсю. Березовая роща уже изнемогала под массой изумительно «напухших бочек». Я осторожно намекнул ему на это. Он возразил:

— А листочков что ли бывает мало?

Я подумал и согласился: да, действительно.

Наступило молчание.

— Твоя мама работает на фаянсовом заводе? — не унимался я.

— Ага, на заводе.

Я снова умолк. Шура взглянул на меня. Приняв мое молчание за непонятливость, воскликнул:

— Ну, дядя! Вы чай пьете?

— Пью, — сознался я.

— Ну вот, а на чашке нарисовано, это мама нарисовала!

— Ну-ну... — поспешил понять я.

Продолжал гулять по роще неугомонный фломастер. Правда, теперь уже другого цвета — желтого. Вмиг вырос частокол ромашек. Под ними возникло нечто пухлое, продолговатое, на четырех ходулках, как если бы на длинную палочку накололи сдобный батон.

— А это? — поинтересовался я.

— Это моя собачка Булька.

— У тебя есть собачка?

— Нет, — сказал твердо Шура. — Я только хочу.

Он наконец оторвался от рисунка, оглядел пристрастно, потрогал фломастеры других, еще не опробованных им цветов, однако места больше не было, он задумался.

День клонился к вечеру. Солнце за окном стремительно летело сквозь хвою придорожных посадок. Было жарко. Щеки у Шуры разругались, капельки заблестели на верхней губе, на переносице.

— Давай снимем свитерок, — предложил я.

— Давай! — охотно согласился Шура и протянул мне руки. — А то он чешется!

Сдергивая с мальчика свитерок, я ощутил его плотное крепкое тельце. Теперь он сидел передо

мной в белой трогательной маечке, взъерошенный тугим воротом свитерка, весь точно просвеченный сквозь мутноватое стекло закатным солнцем, — живой человек, уже твердо знающий, что листья на деревьях бывают из почек, что у него будет собака по имени Булька и что цветы на чашках, из которых все пьют чай, рисует его мама.

— Шурик, а как зовут твою маму, ты знаешь?

— Маму зовут Аделина Григорьевна, — старательно выговорил тот.

Я медленно отклонился к жесткому пластику диванной стенки. Вынул платок, тщательно вытер лицо, шею. Ослабил галстук. В этих цельнометаллических вагонах вечно не работает вентиляция. Душегубка, а не вагон. И окно не опустишь — заклинено вмертвую.

На столике лежал блок сигарет. Его белые, глянцево-чистые бока привлекли внимание мальчика. Хитренько взглянув в мою сторону, он потянулся к блоку фломастером.

11 — А вот этим дяди будут недовольны, — занудно-назидательным голосом произнес я.

Шура остановил руку, встревоженно спросил:

— Какие дяди?

— Что едут со мной в купе. Ушли играть в преферанс.

— В префе... в как играть?

— В преферанс.

— Я такой игры не знаю. — Шурины рыжеватые бровки озабоченно сдвинулись.

— Ну и слава богу, — пробормотал я, встал и с силой откатил дверь, дышать было нечем. Прежде чем дверь откатилась, я увидел в зеркале себя — в первое мгновение не узнал, мелькнуло — кто? Раздернутый галстук, плотно сжатый рот, волосы прилипли ко лбу, уставившиеся на меня в упор глаза растеряны. Нелепо, но тут же следом подумалось: мы ведь никогда не видим себя, свое лицо в минуты смятенности, горя, гнева, душевного потрясения. Вот почему мы, наверное, так плохо знаем себя...

В проходе гуляла та же зыбкая вагонная духота. Опершись о дверной косяк, я медленно обернулся.

— Шура, а сколько тебе лет?

— Пять с половиной, сказал! Вы, дядя, уже спрашивали. — Шура явно жалел, что приобрел себе такого туповатого друга.

Мимо по качавшемуся проходу сновали пассажиры, отталкиваясь от стенок и поручня руками. Поезд, выйдя на простор Транссибирской магистрали, несся с бешеной скоростью. За окном взлетали и падали провода. Металлический косяк двери передавал мне свою глухую напряженную дрожь.

В конце вагона показался с охапкой бумажных свертков Шури́н папа.

— Шурик! — позвал он, заглянув в наше купе. — Идем к себе, обедать будем. Скажи дяде спасибо.

— Спасибо! — Шурик заелозил попкой, сползая с дивана. Фломастеры сразу же были забыты, а с ними забыт и я — случайный и не очень интересный попутчик.

— Свитерок не забудь!

Мальчик схватил свою одежду и выбежал, неловко ткнувшись об меня голым плечиком.

Я остался в купе один.

Сейчас я частенько, особенно в часы одиночества, пытаюсь вернуться в ту далекую теперь поездку, до боли хочу вызвать в памяти нежное ускользающее лицо мальчика, его глаза. Каждый раз при этом во мне что-то обрывается. Точно уходит кусочек жизни. Меня охватывает нечто схожее с душевной паникой. Я чувствую в себе фаталиста, убежденного, что даже непостижимые — наподобие этой встречи — случайности в нашей суетной жизни неким высшим судом строго оговорены...

Перегон оказался на редкость затяжным. Я сидел, отрешенно глядя в окно. Вот уже два часа без устали громыхает наш скорый, змеятся ленты перелесков, взблескивают плоские озера с кочковатыми радужными берегами; исхлестанные дороги убегают неизвестно куда — в степь, в маревую дымку заката, и остановки как будто не предвидятся.

И вдруг я, цепenea в душе, физически ощутил, как ноет у меня то место на бедре, о которое мальчишка, выбежав, ударился голым мягким плечиком...

Я крепко, до ряби в глазах, потер лицо, горло. Все остальные мои движения принадлежали другому человеку, которого в себе до этой минуты не подозревал. Я вынул баул и побросал в него свои дорожные вещи. Сдернул с шеи галстук, кинул туда же.

Потом взял плащ и ушел в тамбур соседнего вагона. Мне не хотелось встречаться со своими преферансистами, объяснять свой поступок. Да и мог ли я что-то вразумительное объяснить?

На первой же станции я сошел.

Всю ночь просидел-продремал — то в тесном и душном зале ожидания, то на скамейке у входа в вокзал, склонившись на баул. И ночные часы эти были переполнены обрывками томительных полуснов-полувоспоминаний, моей душевной смятенностью.

В город первым же обратным поездом я вернулся в жаркий полдень.

Выйдя на привокзальную площадь, от которой тремя лучами расходились главные улицы, я остановился. И подумал при этом: если мальчика решили увезти к бабушке — значит, дело серьезно.

В киоске горсправки я попросил адреса всех крупных больниц. Мне дали два адреса, один из них я сразу выделил в наиболее вероятный. Я взял такси и уже через полчаса стоял перед воротами обширного больничного городка. В мою бытность здесь, помнится, была еще пустынная заболоченная окраина и только велись осушительные работы. Сейчас за невысокой, из дырчатых бетонных плит оградой, обсаженной линией молодых тополей и березок, возвышалось несколько корпусов. Зеленъ полян пересекалась узенькими асфальтированными дорожками.

В фойе главного корпуса отыскал я окошечко справочной. Белый кафель стен, белые плафоны, белая эмаль мусорниц, бело-матовое стекло служебных перегородок — все это тревожно ослепило, даже несколько придавило меня. Люди, чего-то ожидавшие в низких креслах вдоль стен и стоявшие в очередях к разным службам, разговаривали редко, вполголоса. Лишь телефонный звонок за перегородкой справочной звонил резко и пронзительно, бесцеремонно.

За окошечком с прозрачным оградительным стеклом сидела полненькая девушка со сложной, тщательно продуманной прической. Стараясь быть деловым, лаконичным, я объяснил: ищу человека, который, по моим предположениям, лежит в этой больнице.

— Отделение? — коротко осведомилась «справочная», стойко глядя мимо меня.

— Этого я не знаю, — сказал я.

— С чем положили вашего человека?

Я натянуто улыбнулся: тоже не знаю.

Девушка шевельнула нетерпеливо плечом, яркие губки ее вытянулись в скептическую трубочку.

— Фамилия?

— У нее сейчас другая фамилия, она сменила, — заторопился я. — А зовут Аделина Григорьевна.

Девушка в первый раз, кажется, вскинула взгляд, посмотрела на меня внимательно — так, вероятно, смотрит врач на пациента, неумело симулирующего болезнь.

— Да вы что, смеетесь, что ли? У нас полторы тысячи больных. Мы в алфавитном порядке пишем. Узнайте хоть фамилию, потом приходите.

— Зато имя редкое, — вставил я.

— Имя ни при чем... Давно поступила?

— На прошлой неделе, — быстро сказал я, сообразив, что, если еще раз произнесу сакраментальное «не знаю», она просто бросит со мной разговаривать.

— Простите, а кто она вам?

— Очень хорошая знакомая, — сказал я, попытавшись соответствующей интонацией придать характеристике вес и значительность.

Девушка приподняла уже трубку, решив, вероятно, с кем-то посоветоваться, но тут же вернула на место.

— Мужчина, у меня много работы. Вы задерживаете.

— Послушайте, — взмолился я, — неужели, по-вашему, очень хорошие знакомые не заслуживают того, чтобы их навестили?

— Отчего же? Но очень хороших знакомых и знать должны хорошо. — И она потрогала ладонью прическу, будто убеждаясь — не нарушилась ли та за время длинного и нудного со мной разговора.

— Логично, — сказал я, вынужденный оценить тонкую язвительность ее замечания. — Но понимаете, мы расстались несколько лет назад, она вышла замуж...

В глазах девушки мелькнула искорка внеслужебного интереса. Да и на моем лице огорчение проступило, должно быть, столь искренне, что она заколебалась.

Тут меня сзади требовательно, грубо хлопнули по плечу:

— Мужик, сколько можно!

— Ну ладно, вот что, — сказала девушка и повернула к себе часики, свободно болтавшиеся у нее на запястье. — Моя смена кончается через пятьдесят минут. Если хотите — подождите, что-нибудь придумаем. А сейчас я в самом деле ничем не могу помочь... Следующий!

Спустя час девушка появилась через служебный вход в глубине, остановилась посреди фойе, ища меня глазами. Я поспешно встал, пошел на встречу.

Девушка была невысокого роста, этакая юная толстушка, но в ходьбе довольно энергичная. Легкий сарафанчик (белый халат она сняла) едва прикрывал коленки. Она привела меня в комнату, всю по стенам опоясанную стеллажами, с конторским столом у окна и телефоном. Молча села за стол, меня жестом усадила напротив, взяла карандаш.

— Ну — давайте ваши данные, — сказала она.

— Значит, так. Зовут Аделина Григорьевна, возраст двадцать девять, профессия художник-декоратор... — На этом я запнулся. — Вот, пожалуй, и все... Да! Вероятное место работы — фаянсовый завод.

— Вероятное, — усмехнулась девушка. — Ну — задачка. Домашний адрес вам тоже, конечно, неизвестен... Попробуем так. Обзвонить санпропускники. Учтите, их у нас целых три. Начнем с тре-

тьего, там Лидка Шульгина сегодня дежурит, подружка моя.

Она набрала номер.

— Лидка, привет. Это Оля... Нет, Лидок, я по делу. Надо отыскать больную. Поступила в гинекологию в течение этой недели. Да, к вам, я же говорю. Запиши данные. — Оля при этом глянула на меня, вздохнула. Вот, мол, и врать уже приходится, иначе и искать не будут. Потом быстро продиктовала с листка, добавила: — Фамилии нету, в том-то и дело. Лидок, будь умницей, пролистай свои grosсбухи, очень важно... Зато имя редкое! Через сколько звякнут?.. Ну спасибо, ты уж постарайся, ладно? Ну давай!

Следующий номер Оля набирала менее уверенно. Ожидая отзыва, проговорила озабоченно:

— А в первом такие гримзы сидят...

Однако «гримзы из первого» восприняли Олину просьбу довольно спокойно, пообещали поискать, отчего полное личико ее засияло, она прошептала в трубку:

— Благодарю вас, через двадцать минут перезвоню. — Нажала кнопку. — Под настроение попала, не иначе, — объяснила она.

Осечка случилась на последнем, третьем звонке. После того как Оля передала данные, а там что-то ответили, она сказала с вызовом:

— Никто не считает, что вам делать нечего. Вас по-человечески просят, это же исключительный случай... Фамилии нет, зато имя редкое, да... Ну и что, и приду, и сама поищу, если надо будет, подумаетесь...

Трубка запищала, как задавленная, и Оля бросила ее на аппарат.

— Заработались, — сказала она, презрительно глядя на аппарат. Обернулась ко мне. — Ладно, может, без них справимся. Может, из этих двух кто найдет. А то придется туда бежать.

— Я могу и сам, — предложил я.

— Что вы — не допустят. Там еще почище гримзы сидят...

Ну и заварил же я кашу. Думал — это просто. А если ее вообще здесь нет?

Оля с озабоченным видом крутанула на запястье браслет с часиками.

— Вы, наверное, торопитесь, — сказал я.

— На свадьбу приглашена! — Оля засмеялась чему-то и знакомым мне жестом потрогала волосы. — Ничего, успею. Главное — прическа готовая. Вчера вечером соорудила, спать пришлось чуть не сидя, ужас.

Внезапно распахнулась дверь, девчонка в марлевой косыночке с порога затараторила:

— Вот ты где! А я сказала — ушла. А они руга-

ются на чем свет. Ты запрашивала второй сан-пропускник? Ну вот, а сидишь тут посиживаешь, поговариваешь. Беги к нашему телефону.

— Чего же они! — Оля вскочила. — Я же обещала сама, вот ненормальные!

Обе выбежали. Я остался сидеть в наступившей тишине, тиская в руках газету с завернутыми в нее несколькими гвоздичками, наугад купленными мной еще там, на привокзальной площади.

Минут через пять Оля вернулась, протянула мне узкий листок бумажки. Я прочитал: «Гумирова Аделина Григорьевна, корпус 7, палата 15».

Я вертел в руках бумажку. Гумирова... Гумирова...

— Она?

Мне показалось, славная толстенькая Оля смотрит на меня сочувствующе.

— Да, да, — наконец спохватился я. — Думаю, что она. Большое спасибо, Олечка. Вы очень добры, не теряйте этого качества. Счастливого погулять на свадьбе!

Корпус семь располагался в глубине больничного городка, это была его окраина, тихий шелестящий листвою угол и без того не очень людной территории. Розоватые четырехэтажные здания с большими окнами, несколько служебных построек из белого силикатного кирпича, прогулочные аллеи со скамеечками составляли здесь как бы самостоятельный комплекс. Завеса посадок закрывала весь нижний этаж и часть второго, а сразу же за корпусом, густо заросшего молодой упрямой гривкой камыша и осоки.

День был пятничный, а в правилах распорядка, который я прочитал при входе, было указано: свидания с больными по воскресеньям. Я пошел к заведующему корпусом, достал свое командировочное, сказал, что проездом, и мне разрешили посетить больную из пятнадцатой палаты, но только несколько позже, после четырех часов — сейчас самое время процедур.

Была половина третьего. Оставшиеся полтора часа я воспринял даже с некоторым облегчением. Я вдруг с трепетом душевным почувствовал — во мне совсем не осталось решимости... Из меня будто разом вытряхнуло ее — еще в тот момент, когда уловил сочувствие в глазах толстушки Оли, протягивающей мне бумажку. А особенно когда прочитал, подойдя, на черной стеклянной доске название корпуса...

Я вышел на улицу, свернул в кустарниковую аллею. Сел на скамейку из красных реек. Скамью покрасили недавно: краска, капнувшая на песок рядом, блестела еще свежо, точно кровь. Здесь

была слабая тень, теплый ветерок шевелил, опрокидывал листву, в кустах стрекотала обеспокоенная птица.

Газетный сверток я совсем затискал в потной руке, и он приобрел жалкий, истерзанный вид. Я развернул его. Бутончики цветов сникли, два-три стебля надломлены. Я отбросил их, оставшиеся тщательно завернул снова — ничего, в воде отойдут, отстоятся.

Со стыдом сегодня думаю: какой ерундой была озабочена в те минуты моя голова! Тискал по-гимназически цветы, а сквозь ветви видел торцевую стену корпуса семь, пожарную лестницу посередине, ряд широких окон с откиннутыми фрамугами. Толстые шнуры фрамуг свисали, как приспущенные флаги.

...В дни той затянувшейся командировки на фаянсовый завод жил я в доме молодых специалистов, в его гостиничной половине. Здесь же, только в боковой пристройке, располагалось общежитие рабочей молодежи, где жила (занимала «койко-место») Лина. Родом она была с Владимирщины, сюда прибыла по распределению, после окончания училища художественно-прикладного искусства.

Характер у Лины был живой, общительный. В цехе она тащила кучу нагрузок. Всегда кому-то что-то пробивала, что-то устраивала. Это я знал хорошо, потому что, как только речь заходила о встрече, она тут же начинала лихорадочно вспоминать: свободна ли. Но она была молодцом. Если час оказывался занят, она говорила озабоченно: «Сегодня у меня местком, но я с него через полчаса сбегу. Милый, ты подождешь полчаса? Ну и порядок». Или: «Говоришь, в субботу вечером? Ой, хорошо! В субботу вечером девки день рождения задумали. Я так и скажу: девки, у меня свидание! Это для них святое дело, хоть от чего освободят». Когда я на это начинал фальшиво тянуть: «Ну как же, Линок, если день рождения и тебе хочется...», она смеялась: «Ой, мы в этом году каждый из нас по два раза отметили, перетопчутся».

Росточка Лина была среднего, стройненькая, обувь носила на самом высоком, десять сантиметров, часто щеголяла в джинсах. Но любила и легкие светлые платья. Свои цвета луковой шелухи прямые волосы, когда на работе, закручивала в небрежный узел, в остальное время освобождала, перехватив у затылка костяной пружинкой. Пользовалась тушью, вечером подсинивала веки. Курила сигареты с фильтром. Про косметику говорила так: боевая раскраска. Вдруг остановится, зажмет зеркальце, скажет простоудушно: «Ой, погоди, милый, подновлю свою боевую раскраску».

Познак
Прошу про
босоножк

Я рабо
денным п
нер и поп
Там в кон
нет, то ли
в перерыв

Я перес
нии. Стоял
ками, с др
ков. Рядом
бокалами
порядочно
ция получа
ном смысл
украшенна
там ягодка
муфельную
дукции. Тру
ниц. Сейчас
го стояла па
переобувал

И вот, д
узлы, я то и
гал в сторо

Какое ту
и фасонов!
ком (эти, как
кие побитые
больше все
ренских, с
простеньких
ремешков и

Внимани
пробковых п
игрушки. Да
трогательно,
лет, — можн
необыкновен
держал в рук

Опробова
отошел и ос
шью руки.

Стала соб
точках с зака
ках, женщины
Задержавши
вдруг захотел
ковых босон
дного момент
когда начал
стогубые бо
мимо. Она с

Познакомились мы благодаря ее босоножкам. Прошу прощения, но это так. Именно — благодаря босоножкам, которые она тогда носила.

Я работал на пуске второй очереди. Перед обеденным перерывом меня вызвал главный инженер и попросил сходить к соседям в первый цех. Там в конвейере появились сбои, а ремонтника нет, то ли заболел, то ли запил. Сходить надо было в перерыв, пока конвейер отключен.

Я пересек опустевший цех, прошел в конец линии. Стояли длинные столы — с кистями и красками, с длинной шеренгой вертящихся стульчиков. Рядом — загруженные фаянсовыми толстыми бокалами ручные тележки. Именно на этих беспорядочно заваленных столах заводская продукция получала окончательное оформление. В полном смысле — последний штрих. Отсюда посуда, украшенная цветочками-лепесточками, разными там ягодками и поясками, уходила для обжига в муфельную печь, а оттуда — на склад готовой продукции. Трудилась здесь бригада женщин-художниц. Сейчас стульчики пустовали, но возле каждого стояла пара обуви, — придя на место, женщины переобувались в мягкие без каблуков тапки.

И вот, двигаясь вдоль линии и заглядывая в узлы, я то и дело наткнулся на эту обувку, отодвигал в сторону.

Какое тут было замечательное собрание мод и фасонов! Туфельки на высоком, туфли на низком (эти, как правило, больших размеров), старенькие побитые танкетки, лакированные лодочки. Но больше всего босоножек — белых, красных, пестреньких, с золотыми заклепками. И совершенно простеньких, и с умопомрачительным переплетом ремешков и пряжек.

Внимание мое привлекли босоножки на крутых пробковых платформах — беленькие, изящные, как игрушки. Даже по тому, как они стояли — по-детски трогательно, носок вплотную к носку, а пяточки вразлет, — можно было утверждать: их носит девушка необыкновенных качеств. Я даже приподнял их, подержал в руке. Они были к тому же невесомы.

Опробовав линию, — она везла нормально, — я отошел и остановился в сторонке, вытирая ветошью руки.

Стала собираться бригада. В форменных курточках с закатанными рукавами, в розовых косынках, женщины были малоотличимы друг от друга. Задержавшись возле их столов, я слукавил. Мне вдруг захотелось взглянуть на хозяйку белых пробковых босоножек. Стульчик ее до самого последнего момента оставался пустым. Прибежала она, когда начальник смены уже врубил линию и толстогубые бокалы, важно покачиваясь, поплыли мимо. Она села, схватила с тележки первый бо-

кал, поставила на вертящийся столик — склонилась. Та же форменная с простроченными швами курточка, та же тугая косынка — требование техники безопасности при работе с вращающимися механизмами. Встретил бы на территории — не задержался, пожалуй, взглядом.

Соседка что-то сказала ей, обе при этом оглянулись на меня, засмеялись. Неужели я тарасился так откровенно, что поглупело лицо?

Потом увидел ее в заводской столовой, в очереди, она болтала с подругами, в мочках ушей взблескивали камушки. Заметил на остановке, одним автобусом ехали на смену. Было тесно, нас прижало друг к другу. Я произнес какую-то веселую чепуху насчет пикового автобуса как мощного средства сближения. Она глянула на меня снизу вверх, улыбнулась.

— Ой, это не вы на прошлой неделе чинили нам линию?

— А что, плохо получилось? — Я был польщен ее памятью.

— Да нет, ничего, бегают. Просто вы с тех пор почему-то стали ниже ростом.

— Это наверное потому, что вы стоите на моей ноге, — сказал я.

— Ой, правда? А как удобно! Придется вам потерпеть — больше тут некуда.

— Потерплю, немного осталось, — сказал я великодушно и сразу же почувствовал сердцем толчок, какой бывает от нечаянной находки.

Пришла она в мою комнату в доме молодых специалистов после нашей субботней прогулки на речной остров.

День выдался жаркий, мы подгорели на солнце, особенно Лина, у нее был открытый купальник. Когда она перекачивалась на живот, горячие песчинки сбегались в золотистый желобок ее спины и я старательно выдувал их оттуда. Она тихо смеялась — «перестань», болтала ногами, ей было щекотно.

На пляже провалялись мы целый день и к вечеру захотели зверски есть. По пути домой заглянули в кафе, мест не было.

В общежитской столовой, куда мы вошли, клубилась духота, пахло подгорелым жиром. После свежести реки сидеть здесь было кошунством. Я вспомнил, что в холодильнике у меня бутылка пива. «Хочу пива», — заявила Лина, одарив меня тем самым тайной надеждой. Мы купили в буфете кулек холодных котлет, два малосольных огурца, пирожков с капустой.

Когда вошли ко мне, Лина, оглядевшись, схватила свою пляжную сумочку, заперлась в ванной, успев проговорить: «Ой, мамочка, хочу охладиться, горю», зашумела душем.

Я постоял у раскрытого холодильника, глядя на позорно сиротливую бутылку пива, поскреб затылок. Конечно, это свинство.

Надо бы что-то предпринять.

Дверь моего номера выходила в общий коридор — система была уныло гостиничная. Выйдя и заперев дверь на ключ, ибо по нашим демократическим порядкам в нее мог сунуть нос всякий, кому не лень, я сбегал в кафе, в которое мы недавно заглядывали.

Когда я вернулся, Лина, в джинсах и в розовом батничке, уже сидела настороженно на диване, ждала.

— Ага, — сказала она, покосившись на шампанское, — сразу и под замок.

— Только ради сохранности, извини, — сказал я. — Чтоб джигиты не выкрали.

— Я так и поняла, уже кто-то ломился.

— Вот прохиндеи, ну не расстраивайся, они шутили.

Лина вздохнула, оглядываясь:

— Здесь такая слышимость. Дежурная на первом этаже ругается, а как будто под дверью.

— Она и под дверью может, — успокоил я. — Просто к этому надо привыкнуть.

Мы сели за стол, я развинтил на пробке петлю. Лина отломала от шоколадной плитки кусочек, кинула в стакан. Шоколадка на дне засеребрилась пузырьками и вдруг подпрыгнула, как живая. Опустилась на дно и снова подпрыгнула.

— Занятно, — сказал я. — Да ты опытная женщина.

— Ага, — засмеялась Лина. — И учти — коварная. И люблю шампанское с шоколадом, как ты угадал? За что выпьем?

— За нас с тобой, — сказал я не моргнув.

Она пристально посмотрела на меня, пытаясь прочесть в моих глазах подтекст, согласилась:

— Годится. Сегодня у меня был чудесный день, спасибо тебе.

— Да, но ты сгорела.

— А я всю дорогу так, — сказала она беспечно, но тоже, кажется, с подтекстом. — Защитного пигмента не хватает!

Мы просидели за столом до сумерек, ели пирожки с холодными котлетами, потихоньку запивая шампанским и заедая огурцом. Лина с увлечением рассказывала про свой город Владимир, про его древности — кремль, Золотые ворота. Инициатива разговора всегда была в ее руках. Зажгли за окном светильники. Сполохи автомобильных огней заполнили комнату тихим серебристым мерцанием, точно далекой светомузыкой.

— А храм Покрова-на-Нерли, — проговорила Лина своим чуть осипшим от купания голосом. —

Ты, конечно, видел на картинке, но это совсем не то! Дело даже не в архитектуре, хотя она сама по себе прекрасна. Вернее, не столько в архитектуре... — Ладонью похлопала по темному столу, ища сигареты, не нашла, продолжала: — Понимаешь, там железнодорожная линия и автобусы доезжают только до нее, дальше пешком. По-моему, специально сделано, чтобы пешком, иначе не воспримешь... — В этот момент в Лине, я почувствовал, проснулся художник. — Представь: переходишь линию, там как раз остановочная платформа, впереди — луг. Луг, луг... Вдали облако зелени, дубы, идешь по лугу, по тропе, километра полтора, не меньше... Идешь, идешь и вот — что-то белое! Восходит над зеленью. Над дубами. Ты идешь, а оно восходит!.. Господи, чудо...

Я уже, честно, не очень вникал в то, что рассказывала Лина и что, казалось мне, безнадежно уводит нас от существенного. Я вдруг обнял ее, она на полуслове умолкла, прикоснувшись к моей руке щекой.

— Ты сама чудо, — с больно ударившим сердцем пробормотал я.

— Ну уж. — Я ощутил ее слабый нежный кивок. Плечи ее даже сквозь ткань батничка были горячи.

— Не болят?

— Немножко, — шепнула она, — но все равно теперь облезу — кошмар. Я думаю, — добавила она озабоченным тоном, — не пора ли зажечь свет, а то сигареты куда-то сгibli.

Я наклонился к ней, нашел губами теплую ямку под ухом, поцеловал.

— Пора, — сказал я разочарованно, встал и послушно щелкнул выключателем, хотя — признаюсь теперь — с самого пляжа, с безобидного выдувания песчинок из желобка ее спины, все во мне затосковало от желания ее тела.

Лина защурилась в резком свете, заморгала. Потом глянула в зеркало, встревожилась: пятна от солнечных ожогов стали отчетливее, расплылись по щекам и лбу.

— Фу, как ошпаренная кошка, — воскликнула она. — Нет, выключи, пожалуйста...

И потом, уже сидя на краешке кровати, белея двумя незагорелыми полосками, проговорила жалобно-умоляюще:

— Не надо бы, не теперь... Ведь завтра мы в глаза друг другу не поглядим...

Но это была минута, когда в словах уже нет никакого смысла.

Она стала бывать у меня.

Эти первые дни! Сладость ночных стыдных разговоров, вполслова, вполфразы, одним дыханием. Сон и бодрствование вперемешку. То знобкие, то

жаркие ком-
паузы. Мин-
шевные св-
они рвутся

Увидев
Горького, Л

— Не ли-
сказал: жал

это неправ-
— Что н

— А то. В-
да не сдел

— Это ои-
люционноп

классиком
— Нет, —

цы, отвеча-
того време

всех жалко
— И мен

— Тебя?
руках, вста

ясь. — Тебя
Волосы

поперхнул-
овал ее пл

выше прав-
тугой, холо

же почувст-
нях, вся наг

— Что э-
— Где?

— Да во-
— Погод

Она сос-
села там в

жигалка, за-
ла курить л

Вернула
им гладким

мое ухо:
— У тебя

ужасно бес-
— Ну ты

такого пово-
рит и буде

дет неприя-
И я вос

— Лино-
Лина вз

— Дипло-
всего один

расписатьс-
— Что ж

жаркие комнатные сумерки, головокружительные паузы. Минуты, когда закрепляются тончайшие душевные связи. Минуты, когда они рвутся. Когда они рвутся...

Увидев на полочке среди прочих книг томик Горького, Лина заявила:

— Не люблю. Нет, не за произведения. А что сказал: жалость, мол, унижает. И все поверили. А это неправда.

— Что неправда?

— А то. Если человек жалеет другого, он никогда не сделает подлости. И вообще...

— Это он для того времени сказал, для дореволюционного, — попытался я примирить Лину с классиком пролетарской литературы.

— Нет, — возразила Лина тоном первой ученицы, отвечающей у доски. — Писатель пишет для того времени, в которое его читают. Мне так вот всех жалко.

— И меня? — пошутил я.

— Тебя?.. — Она, голенькая, крутанулась в моих руках, встала на колени, склонилась всматриваясь. — Тебя, милый, еще не за что!

Волосы ее посыпались мне на лицо. Я слегка поперхнулся ими, поднял руку, нащупал теплый овал ее плеча. Ладонь моя заскользила, и чуть выше правого соска ощутил я под нежной кожей тугий, холодно перекатывающийся комочек. И тут же почувствовал: Лина, стоя надо мной на коленях, вся напряглась.

— Что это у тебя?

— Где?

— Да вот... Ну-ка наклонись ближе.

— Погоди, милый. Курить ужасно хочется.

Она соскочила на пол, ушлепала на диванчик, села там в уголок, подобрала ноги. Стрельнула зажигалка, затлел глазок сигареты. — Лина не умела курить лежа.

Вернулась вскоре, прижалась ко мне всем своим гладким прохладным телом, задышала в самое ухо:

— У тебя много было... нет, сперва отвернись, я ужасно бессовестная, наглая.... Много было до меня?

— Ну ты даешь... — Я аж закричал в душе от такого поворота. Если скажу — никого — не поверит и будет права. А если скажу: много — ей будет неприятно, да и мне тоже.

И я воскликнул:

— Линок, да пошли они все на фиг!

Лина вздохнула:

— Дипломат... А вот я признаюсь: у меня был всего один друг. Фактически он был мне мужем, расписаться только не успели.

— Что же помешало? — Я почувствовал с удив-

лением, что уязвлен. «Муж» в ее устах прозвучало для меня как скребок ножа по оконному стеклу.

Лина рассмеялась неожиданно, откатившись от меня. Я взглянул на нее: над чем это она?

— Я-то думала, почему он все время дрожит? Представляешь, через сколько-то узнала — ему нету еще семнадцати! В школе механизаторов учился, рослый такой парнишка, а я только в училище поступила. Заявляется вдруг его папашка из деревни — тоже механизатор, ручищи во! — и прямо на глазах нашей квартирной хозяйки (я-то на занятиях была) — ремнем его! Выдрал! Представляешь, какой оголтелый садизм. И увез домой.

— Таким образом, деревня лишилась молодого специалиста, а ты овдовела, — подытожил я.

Лина вдруг обиделась.

— Ничего смешного, — сказала она, хотя сама только что смеялась. — Типичный сельский домострой.

Я привлек ее к себе, прикоснулся губами повыше правой груди.

— И все же, Линок, — что это?

— Да ничего особенного, вот пристал!.. Врачи говорят: затвердение ткани.

— И больше ничего?

— Говорят: если хочешь, можем удалить, а то живи так.

— Ну а ты?

— Решила жить так.

— Ты говоришь мне правду?

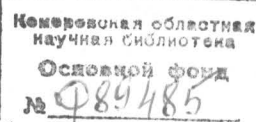
— Я всегда говорю тебе правду.

Лина поначалу, казалось мне, вела себя не совсем последовательно. То я не мог уговорить ее зайти хоть на пару минут, а то появлялась внезапно сама, с пакетом в руке; коротко поцеловав меня, небрежно говорила отходя:

— Хочу сегодня остаться, не возражаешь? Только чур — лягу на диванчике, ага? Но сперва позволь нырнуть в твою ванну — у нас в душевой не пропихнешься.

Выйдя из ванной, в халатике, с обмотанной полотенцем головой, порозовевшая, бросала недовольно:

— Ну вот, смыла всю боевую раскраску, теперь не смотри на меня, пока не обсохну и не обновлю, ага? — Потом садилась в угол диванчика, доставала из пакета книжку, принималась сосредоточенно читать. Однако хватало ее ненадолго. Захлопнув книгу, требовала: — Подойди ко мне. — И глаза у нее при этом были зеленее обычного, чуть испуганные от собственной решимости. Я подходил, садился. Она обхватывала мою голову ладонями, еще влажными от ванны. — Он в самом деле не смотрит, хоть не говори ему ничего! — Поло-

тенце с нее при этом сваливалось и шумно падала на пол книга.

В довершение всего под халатиком ничего не оказывалось...

Где-то вычитал выражение «неистовство страсти» и посчитал, помню, его плодом писательского ума — не более. Зря посчитал. Лина являла именно такую страсть, бурную, всепоглощающую. Вроде лесного пожара...

В эти моменты она казалась мне подозрительно искусственной, изобретательной, с бьющей фонтаном инициативой, а выпоротый отцовским ремнем ее малолетний муж, «единственный ее мужчина» — выдумкой веселых и находчивых. Но стоило зазвучать в коридоре чьим-то шагам, Лина — даже в интимнейшие минуты! — мгновенно остывала — вся сжималась, цепенела.

— Нет уж, нет уж! — хныкала по-детски она, скользнув по мне, когда шаги затихали удаляясь. — Тут разве привыкнешь, когда идут прямо к тебе в постель...

Полуавтоматическая линия второй очереди, на которой мы топтались вот уже четыре месяца, давала сбои. Сроки поджимали. Все чаще приходилось оставаться сверхурочно. А сентябрь — срок пуска линии — был уже рядом. Случилось так, что мы несколько дней не виделись. Сегодня же высвечивалась такая возможность.

В обеденный перерыв я побежал в первый цех. Длинный прилавок рисовальщиц пустовал. Я черкнул записку. Она начиналась так: «Шоколадка-Подпрыгивающая-в-Стакане, жду тебя вечером, как всегда...».

Около рабочего места Лины стояла тележка, на которой в этот раз теснились молочно-белые, готовые для росписи широкие вазы. Я бросил записку в одну из ваз.

Вечером, встретившись, мы прогулялись по набережной, потом перешли мост, по круглой металлической лестнице-трапу поднялись в бор. Запыхавшись, остановились под соснами, оглянулись на город. Река внизу, отражая закат, была гладкой и выпуклой, точно ее надули розовым дымом. Шум транспорта, потоком идущего по мосту, долетал сюда приглушенным ворчанием. Промышленная гарь висела над растянувшимися до горизонта городскими строениями, расплываясь в сиреневые прозрачные ленты.

Лина зацепилась ладонью о мое плечо, склонила голову.

— Знаешь, милый, если ты будешь и впредь передавать таким способом записки, моя производительность ужасно возрастет.

— Это почему же?

— Ну как же! Я буду вынуждена расписывать как можно больше посуды. Чтобы скорее найти записку!

— Я об этом не подумал, — заметил я. — Надо будет оформить в качестве рацпредложения.

Лина рассмеялась. Она была в легком осеннем пальтишке в крупную клетку, щеки от ходьбы в гору зарделись, на шее пульсировала жилка.

— Люблю тебя, — сказал я.

— Нет, это я люблю, — возразила она.

Такой у нас с ней придумался веселый диалог, вроде игры.

В глубине бора, в его зеленоватом сумраке светилась огнями открытая веранда ресторана «Лето». Ворковала радиомузыка, несколько пар качались, как сомнамбулы, в задумчивом старомодном танце. Издалека было видно: есть свободные столики.

— Зайдем?

— Мы заняли столик у самого барьера. В более чем скромном меню шампанского не было. Я попросил бутылку «Буратино» и пару салатов.

Лина сидела напротив, полуобернувшись в зал. Дощатый пол шевелился под ногами танцующих, шевелились тонконогие стулья, на которых мы сидели. На Лине был вязаный пестрый жилет поверх алого батничка, волосы гладко забраны под пружинку. Глаза ее блестели. С куста рябины, росшей рядом с верандой, слетел оранжевый листок, спланировал на стол. Лина взяла его: не отводя взгляда от танцующих, прикусила влажными зубами. В груди у меня больно перекатилось: прекрасная моя женщина...

Официантка принесла заказ. Лина мелкими глотками выпила стакан, взялась за салат. Ковырнув вилкой, отодвинула тарелку.

— Что, не понравилось? — спросил я.

— Ага.

— Ага в смысле нет? — уточнил я.

— Ага, — она слабо улыбнулась.

— Попросим что-нибудь другое?

На лицо ее, еще минуту назад такое чистое и умиротворенное, набежала тень. Между бровей легла складочка.

— Знаешь что, уйдем отсюда.

— Да мы только сели!

— Ну и что.

— А может, посидим еще, потанцуем?

Она встала, пошла с веранды. Перепады ее настроения были мгновенны, почти неуловимы.

Под ресторанным крыльцом на бетонном обломке сидела объемистая тетка. Перед ней цинковое ведро с белыми и сиреневыми цветами, похожими

на астрочки. Спускаясь по ступенькам, я приобнял Лину, мы остановились перед цинковым ведром.

— Почем цветы?

— Рублик штука, молодые люди. Берите, не пожалеете. Выбирайте, какие на вас глядят.

— Выбирай, — предложил я Лине, — какие на тебя глядят. — Настроение ее, я видел, хуже некуда. И я посчитал, букетик в руках ей сейчас не помешает.

Она помедлила, вид свежих цветов согнал с переносья морщинку. Наклонившись, выдернула из ведра одну по одной девять астрочек, поднесла к лицу.

Я протянул цветочнице десятку. Толстые губы ее поплыли.

— Дак недодано, молодой человек.

Я удивился.

— Как же? Девять штук по рублю, считайте.

— Дак нет. Которые девушка ваша взяла — эти по полтора.

Меня почему-то задела эта ее мелкая запоздалая жадность.

— Вы же сами сказали — по рублю.

— Дак это — вон те, которые помельче, — уперлась неожиданно тетка. — А которые ваша девушка выбрала — те по полтора.

Лина нервно перебирала в пальцах влажные стебли.

— Да отдай ей, сколько просит, пойдем.

— Нет, подожди. — Я снова повернулся к торговке. — Где помельче, покажите. Все одинаковые.

— Раз ваша девушка выбрала, значит, не одинаковые, ай, молодой человек! — пропела тетка.

Я растерянно замолчал. Перед наглостью я всегда теряюсь. А тут вообще отупел. Коммерция коммерцией — но зачем наглеть?

Лина, вместо того чтобы поддержать меня, кинула в ведро цветы, быстро пошла по дорожке. Я догнал, взял за локоть: ну чего ты? Она оглянулась на меня, отдернула локоть, в глазах блеснули слезы!

— Я... я держу цветы... — голос ее срывался, — держу... а ты... торгуешься.

Я оторопел: час от часу...

— Да дело разве в этом? Ты видела ее наглость?

— Я держала цветы. Как ты не можешь понять?..

Я промолчал: я действительно не мог понять. Бог с ней, с этой теткой и ее копеечной жадностью. Лина права. Не морковь же покупаем! Но с другой стороны — «ваша девушка, ваша девушка!» Расчет старой тумбы, что молодой человек постесняется мелочиться...

Так, в полном молчании, мы спустились по гул-

кой лестнице на берег, перешли мост. Запоздалый глассер промчался под мостом, и опрокинутые огни в темной воде полетели вслед, запрыгали, точно искры раздутого ветром костра.

Взошли на набережную — людную в этот час, разноголосую. Она была бело освещена. Светильники на тонких изогнутых мачтах нависали как кобры. В саду, примыкавшему к набережной, мягко синкопировал эстрадный оркестр. Я прислушался. Не сильный, но с чувством голос певицы доносил:

Унижаться любя не хочу и не буду,

Я забуду тебя, я тебя позабуду.

Ты приносишь беду, ты с ума меняводишь.

Только как я уйду, если ты не уходишь...

Мы смешались с толпой гуляющих. Это была по преимуществу молодежь зеленая, подростки. Взрослые ходили парами. В живом, праздном и хаотичном движении идти в одиночку неуютно. Лина взяла меня под руку.

19 — Не злись, — сказала она, заглядывая мне в лицо. — Я же дура, женщина. Не надо обращать на меня внимания. Не сердись?

Когда женщина расстраивается по пустякам, значит, причина достаточно серьезна, подумал я, а сказал:

— У тебя боевая раскраска не в порядке.

— Ой, правда? Давай присядем, вон на скамье свободно.

Мы свернули с набережной, сели. Лина вынула зеркальце, платочек, занялась собой. Покончив с глазами и застегнув сумочку, спросила как бы между прочим:

— Кстати, когда отбываешь?

Вот оно. Ждал этого вопроса, был, казалось, готов к нему, но все равно заюлил отчего-то, забегал глазами.

— Линия уже практически сдана, — промямлил я, — остались одни недоделки... На неделю, может, две...

Проводил я Лину до дверей общежития. Нет, подумал я с легкой досадой, с этим надо завязывать. Сцену заката — прямо жена.

На следующее утро в дверь ко мне громынула кулаком дежурная и крикнула злобно, что меня — к телефону (услуга эта у наших дежурных не была в чести). Я спустился вниз, взял со стола трубку.

— Милый, сделай скорбное лицо, — сказала Лина, — у тебя умерла любимая тетя...

— Что? Что? — не понял я.

— Ага, иначе бы дежурная разве позвала? А теперь слушай. У одной знакомой дача пустует. Есть возможность взять ключи и провести выходные

на лоне. Если, конечно, тебя не задушат твои сверхурочные. Но решать надо, — добавила она, — сию минуту, знакомая уезжает, потому и звоню в пожарном порядке.

— Когда похороны? — я покосился на сидящую рядом дежурную.

— Говорю же — в воскресенье! — весело закричала Лина, так что я вынужден был крепче прижать к уху трубку. — Электричка уходит в субботу, в семь вечера.

— Я постараюсь быть, не плачь, — произнес я скорбным голосом. — Тетя бы не одобрила этого.

— Целую тебя! — засмеялась Лина, и тотчас же раздали короткие гудки отбоя. Я бережно положил трубку на аппарат, будто это была не трубка, а цветы на могилу моей любимой, но несуществующей тети.

Езды на электричке — минут сорок. Справа протянулся монотонный блеск речной глади, слева — то и дело обрушивались грохотанье и сумрак подступающих к насыпи скал, заросших увядающей тайгой, — мелькнет яркая, как сноп пламени, листва осин, проплывет сгорбленный, в тяжелой сентябрьской зелени кедр. Веселые, колоритные места и совсем рядом, о чем я и представления не имел, живя в этом задымленном, громяющем мегаполисе.

Дача оказалась крестьянским домом среди деревни. Причем деревни довольно обширной. Три или четыре порядка домов, сбиваясь и перемешиваясь, толпились вдоль протоки. Но коренных жителей в ней почти не оставалось. Жили главным образом горожане-дачники, пенсионеры, да и то лишь от весны до осени.

Все это рассказала Лина, пока мы шли от станции по тропинке среди редкого, пронзительно желтеющего под закатным солнцем березняка.

Дом был старый, приземистый, с крышей, темной от мха, с голубыми ставнями и застекленной верандой — явно уже дачного происхождения. Зато была масса разноцветья — багрянца черемухи, желтизны берез и рябин, стойкой зелени смородинника и хмеля. Все это росло весело и хаотично, топорщилось, вздымалось там и сям непролазными куртинами, свисало с антенной рогульки.

Слева и справа в ряду стояли дома-дачи, тоже густо задернувшиеся от улицы завесой палисадов, — трудно было при беглом взгляде отличить один дом от другого. Дорвавшиеся до земли пенсионеры-урбанисты будто взяли обязательство не оставить свободного клочка.

На веранде от охапок укропа, веников из каких-то целебных трав пахло остывшей баней. Громоздились вдоль стен банки, ведра, огородный ин-

струмент. Мы вошли в дом. За плотно прикрытыми ставнями темно, глухо. Лина нашла керосиновую лампу со стеклом, ее золотистый непривычный свет медленно разлился по дому.

Посреди избы высилась печь, а за ней в дальнем углу — застеленная лоскутным одеялом деревянная кровать с резными спинками. Их украшали фигуры, похожие на кегли. Взоры наши невольно задержались на этом монументальном сооружении, рассчитанном не на одно супружеское поколение.

Лина отвела взгляд. Я засмеялся, привлек ее к себе.

— Люблю тебя, — сказал я, на что она, покачав головой, довольно нелогично, как показалось, произнесла:

— Ого, смотри, дров-то! Давай растопим печь!

Через пять минут по-крестьянски приземистая печь утробно гудела; зайчики огня заплясали на широких бородавчатых половицах. Я сходил по воду, поставил чайник. Пока мы раскладывали наши скудные вещи, выгружали на стол продукты, занимались мелкими, но приятными делами благоустройства предстоящего уединенного ночлега — затрясся жизнерадостно чайник.

Стало тепло и уютно, накатило ощущение обретенного покоя, точно мы с Линой вернулись в свой собственный, уже позабытый дом и нашли его в полном порядке.

Сквозь ставни не доносилось ни звука. Да и откуда им взяться, если большинство дач уже пустовало и, когда мы проходили вечерней улицей, было безлюдно, лишь где-то жалобно побреживала собака да на протоке постукивал заблудившийся мотор браконьера. А сейчас и вообще ночь.

Постель сперва была холодна, неудобна. Мы быстро, темпераментно нагрели ее — при этом так сплелись, что Лина под конец спросила со смехом: господи, а это чья нога?..

Комнату трепетно и романтично подсвечивал печной огонь. Мы наслаждались тишиной, дровяным горьковатым теплом и абсолютным уединением. Ни злобного голоса дежурной за тонкими дверями, ни беспрестанного угрожающего шествия шагов «прямо к тебе в постель».

А что, подумал я, пресыщенно покосившись на Лину, почему бы, черт возьми, нам не иметь собственного дома? Как говаривали в старину: очага? Я бы ловил неводом рыбу, а Лина бы пряла свою пряжу. Пора, пора причаливать к семейному берегу. Привыкать к преимуществам постоянства и отвыкать от преимуществ случайных встреч. Меня тянет к ней, с ней мне легко, покойно, и, когда я обнимаю ее, жаркую, сладостно-податливую, неутомимую, я готов поверить во что угодно. Даже

в существование такой химерической штуки, как душевное родство...

И в этот самый момент раздался грохот, мы оба подскочили. Грохотало со стороны веранды. В первое мгновение я ничего не мог сообразить, лежал обалделый. Потом дошло: кто-то садит кулаком в дверь и веранда гудит, как адский резонатор.

— Хозяива! — раздался хриплый голос.

— Ой, мы же, кажется, не заперлись! — пискнула Лина и панически потащила на себя одеяло.

Я стал лихорадочно одеваться — совершенно не мог понять, кого тут в такую пору могло принести? Вот тебе тишина и безлюдье, вот тебе и абсолютное уединение!

— Эй, хозяива! — Человек был уже на веранде, звякнули банки, покатилося опрокинутое ведро, он ругнулся. — Есть тут кто живой?

Я выскочил босой на веранду, держа перед собой лампу.

Шаря по стенке руками, осыпая веники, стоял маленького роста мужичонка в толстом ватнике, облепленном репьями, и шапке-ушанке. Через плечо перекинута ружье-одностовка. Свет лампы ослепил его, он заморгал, заморщился носом-пуговкой, вглядываясь в меня настороженно.

— В чем дело? — довольно недружелюбно спросил я, подумав при этом: такой мелкий, а столько шума. — Чего орешь? Заблудился?

Мужичонка отступил к середине веранды, припадая на левую ногу, и схватился обеими руками за скрученный сыромятный ремень своей берданы, пытаясь, должно быть, таким маневром сохранить устойчивость.

— Сторож я здесь, — сипло сказал он моргая, и я сразу понял: поздний гость в некотором поддании. — Обхожу, вижу — печь, искры. А хозяива давно съехала. Как так? Обязан проверить, кто такие, чего тут смекают. Рази хозяин будешь? — спросил он, и по ухмылке на заросшем щетиной личике было ясно: он знает хозяев дачи, поэтому хитрить не стоит.

— Не совсем, — ответил я. — Но мы с их разрешения.

— Аха... так-так... гхм, — закивал согласно сторож. — И с кем тут?

— С женой, — сказал я. — Она уже спит.

— Ну да... аха, спит. Ладно, — как бы милостиво разрешил он и переступил валенками в растоптанных потрескавшихся галошах. По всему, вопрос был исчерпан и бдительному стражу можно продолжать обход, однако он не торопился. Босые ноги мои на холодном полу веранды уже окончили. Я ждал.

— А как фамилие? — спросил вдруг он, и безгубый, в колючках рот его подозрительно напрягся.

— Моя, что ли?

— Ну да — хозяивов!

— Ты что же, не веришь? — уже не злясь, а удивляясь служебному рвению дачного сторожа, спросил я.

— Верю — не верю, а проверить обязан. Всякой бомжи развелось.

— Фамилию знает жена, — сказал я. — Не будить же человека из-за этого. Давай отложим до утра, там разберемся. И — у меня ноги окончены.

Мужичонка опустил наконец ремень, обеими руками покрутил шапку, точно привинчивая ее к голове.

— Ночи теперь крутые, — согласился он и сухо шмыгнул пуговкой. — Работа окаянная, собачья — на морозном ветру, на холоду...

Ах, вон в чем дело! — дошло до меня. Я быстро вернулся в избу, взял со стола бутылку и первый попавшийся стакан. Не забыл сунуть на ходу ноги в туфли.

Лина шевельнулась под одеялом, спросила шепотом:

— Кто?

— Сторож это, я с ним потолкую.

На веранде стояла заваленная травой низенькая раскоряченная скамейка.

— У меня только сухое, а ты наверное крепкое уважаешь.

Я разгреб на скамейке место. Мужичонка скобочился на бутылку, которую я вопросительно держал в руке, вздернул за плечом берданку, торопливо бормотнул:

— Ладно... это... сойдет. Плескни!

Стоя пить он не захотел. Присел на скамейку, сказал: «Максимом меня зовут, со знакомством, значаща», — хыкнул и не спеша, с достоинством, стал опрокидывать стакан. На дне забегало несколько чаинок, он лишь на секунду приостановился, и тут же чаинки с последними каплями резво исчезли у него во рту.

Промокнув рот кулаком, поставил стакан рядом с бутылкой, в которой еще оставалось, сипло выдохнул:

— А сам чего жа?

Я покачал головой: не хочу.

— Нету нынче тех крепостей, — проговорил Максим глубокомысленно, вытягивая из кармана ватника сплюснутую пачку «Прибоя». Видать по всему, уйти от недопитой бутылки он не мог, не тот принцип.

Я вылил остатки в стакан, тем самым поощрив Максима к дальнейшим действиям. Он сразу же выпил, оттолкнулся от скамьи, решительно поднялся на ноги. И тут случилось непредвиденное. Он стал заваливаться, падать в сторону, да странно как-

то — не подгибая ног, солдатиком. Я едва успел подхватить его, поддержать. Крякнув, он вздернул ружейный ремень, шагнул и снова стал падать — в ту же сторону. На этот раз я не успел, и Максим всем телом хряснулся о стенку, загудела веранда.

Берданка, соскользнув, щелкнула прикладом по банке. Банка со звяком рассыпалась.

Я помог подняться ему, он, тупо глядя вперед, утвердился на ногах, шагнул два-три раза — и пошел стремительно клониться боком.

Я был поражен: когда он, в пять минут, успел так мертвую опьянеть? И от чего? От полутора стаканов «не тех крепостей».

Но я понял другое. При любой разгадке этого феномена идти самостоятельно он явно не способен.

Я задул в лампе огонь, вывел Максима за калитку.

Небо слегка отсвечивало, и на фоне его тускло рисовались вершины деревьев да куцые обрезы крыш. Ниже — все лежало в глухой вязкой мгле.

Я потряс Максима.

— Где ты живешь?

Он махнул рукой: там. При этом сильно покачнулся, с него свалилась шапка. Я присел, пошарил вокруг по земле — нету, куда-то откатилась.

— Ладно, — потеряв терпение, сказал я, — утром отыщется, пошли. — Мне это стало изрядно надоедать.

Взяв в одну руку берданку, подхватил его другой поперек живота и почти понес. Дом Максима оказался не так далеко, но я, несмотря на ночную свежесть, крепко взопрел. Левая нога у него совсем уж не шагала, волоклась, как неживая, даже странно.

Я протаскил его в калитку, которую он мне указал, посадил на ступеньку крыльца, прислонил рядом его боевое оружие.

— Ну все, здесь сам докарабкаешься. А не то выйдет твоя старушка и накостыляет мне шею.

Максим легко, охотно отцепился от меня, в темноте личико его совсем округлилось в тыковку; он гулко хлопнул ладонью по колену вытянутой ноги и вдруг просипел почти трезвым голосом:

— Эт-то я думаю, чего валюсь. Эт-то у меня, оказывается, протез-курва отстегнулся...

Обратно я шел быстро, почти бежал. Куртины палисадников слева и справа вздымались черными недвижимыми облаками. Ни огонька, ни звука. Вот и наш просвет. Спит ли уже Лина или ждет, недоумевая и тревожась: куда я запропастился? Волна нежности, какой я, кажется, никогда в себе не обнаруживал, омыла сердце: скорей, скорей! Я протянул руку к калитке — и сразу почуял неладное. Наша

закрывалась деревянной скрипучей вертушкой, здесь же был какой-то проволочный крючок.

А черт, досада. Я вернулся на дорогу. Ничего, сейчас сообразим. Ага, кажется, не дошел малость — следующий. Но у следующего двора калитки совсем не оказалось. Коридор из белеющего штакетника привел меня прямоком к двери чужих незнакомых сеней. Я снова вышел на середину улицы.

Глаза мои присмотрелись к мраку и различали уже кое-какие предметы: водосливную бочку, скворечник над глыбой сеновала, врытый на углу двора рельс — ограждение лихому трактористу, — телеграфный столб с переключателем. Ни один из этих предметов мне ничего не говорил: я их просто не помнил.

Наваждение какое-то, мистика, шальной сдвиг моей зрительной памяти! Я же абсолютно точно знал: дом, куда я стремлюсь, совсем недалеко, рядом. Может быть, вон та черная масса — он и есть. Но стоило приблизиться, и я убеждался — нет, не то. Раз два вламывался в какие-то кусты, расцарапал щеку. Неужели, когда тащил Максима, проглядел поворот и выперся на соседний порядок? Где теперь этот поворот?

Лина там совсем в панике. Еще бы: ушел в ночь — и с концом. А она одна и рядом пустые заколоченные дома, и даже собаки не гавкают, вывезенные в город или брошенные тут и молчаливо озлобившиеся. Как я жалел, что выходя задул на веранде лампу!

Возле дороги затемнело — колодина, камень ли? Я решил присесть. Оказалось — вкопанная торчком автомобильная покрывка. Я сел, уткнулся лицом в колени. В более глупом и беспомощном положении бывать, кажется, не приходилось.

Одет я был сверхлегко — куртка на голое тело, туфли на босу ногу. А ночь с высоким, тускло серебрившимся небом так и оплескивает льдом. Я уже приготовил себя к позору. То есть, думаю, вернуться к этому алкашу, заставлю его пристегнуть ногу, и пусть наконец он проводит меня. Иначе я просто-напросто околею.

Обручем каленым стало сжимать поясницу, поползло колючками вдоль позвонков. Стукнули зубы, я поднял голову — и на какое-то время взяла меня оторопь. Не было ни дороги впереди, ни излома изгороди рядом, ни хоть слабого, но мерцанья над головой. Кругом — только густая погребная мгла. Будто накрыли меня шерстяным колпаком.

Я вскочил, нашаривая ногами твердость натопанной земли, сделал несколько шагов, сам не знаю куда. И ощутил — на волосы мне и брови, на кожу рук, которые вытягивал вперед, как слепой, оседает пахнущая тиной водяная пыль. Стало тут доходить

шкой, здесь

Ничего, сей-

малость —

калитки со-

щего шта-

и чужих не-

дину улицы.

и различали

бочку, скво-

а углу двора

сту, — теле-

дин из этих

их просто не

альной сдвиг

лютно точно

едалеко, ря-

— он и есть.

ся — нет, не

усты, расца-

аксима, про-

ний порядок?

е бы: ушел в

ядом пустые

е гавкают, вы-

т и молчали-

выходя задул

одина, камень

— вкопанная

Я сел, уткнул-

и беспомощ-

приходилось.

на голое тело,

им, тускло се-

вает льдом. Я

ть, думаю, вер-

истегнуть ногу,

. Иначе я про-

ь поясицу, по-

Стукнули зубы,

емя взяла меня

еди, ни излома

о мерцанья над

огребная мгла.

олпаком.

вердость нато-

гов, сам не знаю

брови, на кожу

слепой, оседает

ло тут доходить

до меня, что это накатывает с поймы речной туман.

Я бродил в киселе тумана, как лунатик. Трава, когда я оступался с тропы, опаляла холодом щиколотки. Меня сотрясала дрожь. И я снова подумал о Лине, но теперь совсем иначе — недобро. Сколько времени нет меня — значит, неспроста. Могла бы обеспокоиться, вылезть из-под теплого одеяла, знак подать. Ну хотя бы позвать громко, я бы услышал.

...В доме было тепло, тихо. Так тихо, что я даже немножечко чего-то струсил. Нашел спички, огонь выхватил из черноты угла резную спинку с кеглями, их острые тени прыгали по стене, точно сдуваемые ветром. Лина спала.

Она спала! Дрянь! Лицо ее было умиротворенно, почти безмятежно, по крайней мере, мне так виделось. Ей, наверное, снились легкие райские сны.

Печь загасла, но шершавые беленые бока ее были благостно горячи. Я прижался спиной, затылком, меня бил озноб — стоял, пока не загло лопатки. Мне казалось, я так намерзся, что уж и не отогреюсь. Дрянь!..

Утром проснулся я первым. Повернувшись к Лине, я долго, пристально смотрел на нее. Она свернулась собачкой, грудки торчком, ладони в сомкнутых коленях. Веки ее трепетали в последних, отлетающих снах.

Я протянул воровато руку.

Ладонь моя скользнула привычным уже путем по тайникам ее тела. Молодого прекрасного ее тела, которым она всегда, в уединенную минуту, так легко и, я бы сказал, жертвенно одаряла меня. И по которому я уже по-настоящему тосковал. (Так, вероятно, тоскует алкоголик по похмельной рюмке. Метафора рискованная, но если не придирааться, то не очень.)

Лина сладко вытянулась, откинула руку, глубоко вздохнула.

Ну не дрянь ли...

Больше терпеть я не мог.

В щели ставен пробивался свет. Серебряные нити рассеивали пахнущий сухими травами сумрак дома, высветляли в желтом вихре разбросанных по подушке волос ее зардевшееся лицо.

Она не спросила, где я был ночью, почему долго не возвращался. Вообще — не разомкнула губ и глаз не открыла, пока я эгоистично терзал ее. Только дыхание предательски сорвалось в короткий стон, и пальцы ее судорожно стиснули мой затылок...

Ровно в четыре я выбрался из кустарниковой аллеи, вошел в корпус.

В гардеробной мне велели разуться, выдали

халат, большие матерчатые шлепанцы. Вслед за дежурной сестрой я поднялся на второй этаж. Коридор, покрытый голубым пластиком, блестел, точно застывший ручей. Я и шел по нему, как по льду, держа в руке в качестве спасательного средства сверток с букетиком гвоздик. Коридор был бесконечным, пахло карболкой.

Шарканье моих безразмерных шлепанцев отставало от дробного, уверенного щелканья каблукочков. Встретилась пожилая санитарка с коляской, нагруженной тюком белья, потянуло откуда-то супом, где-то звякнул звонок. Мы миновали холл, весь в зарослях цветов, с круглым аквариумом, будто недреманное око, и парой низких продавленных кресел. В одном из них сидел мужчина в спортивном синем трико, читал. Неужели здесь еще можно что-то читать? Что он читает?

Все это я фиксировал машинально, подыскивая слова, которые сейчас скажу, которыми объясню свое поведение. А может, сперва записку?.. Ну чего уж теперь об этом — поздно...

Щелканье каблукочков прервалось, сестра обернулась: «Подождите здесь», — скрылась за высокой белой дверью.

Не было ее минуты. И за эту минуту нервы мои совсем расхлоснулись. Я отошел к окну.

Стукнула за спиной дверь. Сестра заметила строго: «Больная с процедур, утомлена, постарайтесь не утруждать слишком».

Лину я нашел глазами сразу. Койка ее стояла у стены — прямо от входа.

Она полулежала на серых сплюснутых подушках, укрытая одеялом по пояс, в мятой спортивной куртке, коротко, до плеч, подстриженная, похудевшая, с легкой под глазами тенью. Но в общем изменилась мало. У меня на мгновение тихой ползучей болью защемило сердце: такой близкой и родной и в то же время такой отчужденной она увиделась мне среди этих белых глянцево-стен — не ожидал, не думал, не мог вообразить!..

В палате были еще две койки. Одна пустовала, а на другой, опустив на пол ноги, сидела пожилая женщина в толстых очках, вязала.

Пока я подходил, лицо Лины оставалось напряженным — не узнавала? Поодаль стоял единственный стул, я прихватил его за спинку, перенес ближе к койке, сел. Я старался держаться как можно раскованнее — наверняка мне это плохо удавалось.

— Ну, здравствуй... — с усилием сказал я, развернул бумагу и положил на тумбочку рядом с изголовьем цветы.

— Господи, — выдохнула Лина, не сводя с меня глаз. — Сестра говорит: к вам пришли, у меня сра-

зу: Женя вернулся! Почему, думаю, так рано, что опять
стряслось?... А это ты... Невероятно... Откуда?

— Проездом, — сказал я.

Она продолжала вглядываться в меня, будто все
еще с трудом узнавала.

— Значит, все ездешь?

— Да вот езжу. Работа.

— Все такой же, — сказала Лина и вдруг улыб-
нулась растерянно, пригладила у виска желтую
прядку. — А я волосы обрезала. Зря, правда?

— У тебя были великолепные волосы, — сказал
я. — Но короткая прическа тебе тоже идет.

— Зато хлопот никаких, особенно с мытьем, —
как бы не соглашаясь со мной, заметила Лина.

Нет, все же она похудела, а голос стал мягче,
женственней, что ли? Как она жила эти шесть лет?
Давно ли вышла замуж?

А спросил самое заурядное: как она себя чув-
ствует.

— А всяко! С утра совсем ничего... А к вечеру...
Да нет, чего там... Вот процедуры досаждают. Так
ведь — на то и больница... Ой, цветы, — вдруг ска-
зала, спохватилась она, беря гвоздички, — их бы в
воду надо!

Женщина, сидевшая на соседней койке, отло-
жила вязание, взяла со стола графин.

— Я сейчас принесу.

— Спасибо, Анна Алексеевна, — поблагодарила
Лина.

Мы остались вдвоем...

Теперь, вблизи, в лице ее, в тенях глаз с трепе-
щущими ресницами мне почудилась тщательно за-
давливаемая взволнованность, — или это оттого,
что ушло напряжение первых минут?

— А ты как? Живешь-то? — спросила она.

— Нормально.

— Семья?

— Дочке три годика, — сказал я.

— Ой, дочка. А у меня сын. Ждала девочку, да и
врачи предсказывали, а оказался сын. Славный
такой человечек. Жаль, ты не увидишь.

— Я видел его, — сказал я. — Встретились вче-
ра в поезде, случайно, поверь.

Лина слегка побледнела.

— Как — встретились?... Погоди, его в самом
деле Женя вчера поездом повез к маме. Господи,
невероятно, ты что, так вот и... узнал его?

— Иначе бы не сидел здесь.

— Неправда, ты не мог узнать, — проговорила Лина
жалобно, сразу больно напомнив мне интонацией
ту, прежнюю Лину, пришедшую когда-то ко мне в
«гостинку» с обожженными на пляже плечами.

Вернулась Анна Алексеевна с графином воды,

налила в бутылку из-под кефира, поставила на
тумбочку. Лина стала проталкивать цветок за цвет-
ком в бутылку, стебли в горлышко плохо попада-
ли, ломались. Соседка снова вышла, уже без вся-
кого предлога, мы оба проводили ее молчаливыми
взглядами. Вода в бутылке светилась, отбрасы-
вая игольчатые блики. И тогда я спросил:

— Лина, почему ты не сказала?

Она осторожно поправила одну гвоздичку, пе-
ревела на меня взгляд:

— Что я должна была сказать?

— Ты же прекрасно понимаешь — что.

— Нет, не понимаю.

— Лина, я же видел его своими глазами.

— Ну и что?

— Да ты погоди — как «что»?

— Вот именно.

Разговор зашел в тупик. Я замолчал.

Она протянула над головой обе руки, ухватилась
за ободок кровати спинки, морщась подтянулась —
никак, видно, не могла найти выболевшему телу
удобного положения. Под распахнувшимся воро-
том засветился уголок бинта.

Эта слабая гримаса боли, которую она не су-
мела скрыть, и этот уголок бинта, перетянувшего
грудь, вдруг напомнили мне грубую, потрясаю-
щую реальность обстановки. Острой жалостью, и
виной, и непоправимостью сжало сердце. К чему
затял я этот разговор — запоздалый, бессмыс-
ленный, продиктованный разве что моим уязвлен-
ным самолюбием, чем же еще?

— Ну зачем бы я тебе сказала? — Лина смот-
рела уже твердым, открытым взглядом, руки ее ле-
жали вдоль одеяла. — Ты был так уступчив. Я ду-
мала, это от любви... а это от бесхарактерности...
И ты бы остался. Из-за ребенка. Сделал бы одол-
жение. Пойми, что бы это за жизнь была?... А сей-
час я счастлива... любима.

«Счастлива... любима...». Да где мы в конце
концов находимся?!

Теперь я видел отчетливо: она утомлена, ды-
шит сквозь полураскрытые спекшиеся губы. Ро-
зовые пятна на скулах. Надо прощаться, уходить.
Но я никак не мог решиться. Я спросил:

— А ты... любишь его?

— Да, но совсем по-другому! — быстро произ-
несла она, и я опять с запозданием понял внут-
ренне напрягшись: ждала, не хотела этого моего
вопроса, а я, чурбан... — Женя мой — прекрасный
человек, сердечный, умный. Мне с ним тепло.
Шурик зовет его папой, они большие друзья.

Глаза ее влажно заблестели, но она справи-
лась с собой:

— Как зовут дочку-то?
— Дашенька.
— Ой, молодцы. А я поддалась моде. Сашек сейчас кругом — пруд пруди... Хотела бы взглянуть на твою Дашеньку...

Я подумал: спросит сейчас про жену, но она не спросила, и я в душе был благодарен ей за это.

Помолчали.

— А Шурик что — не ходит в садик? — спросил я.

— Ходил зиму, а сейчас у них там вдруг с чего-то ремонт затеяли, куда его? Ну, Женя предложил — давай к маме...

Поговорили еще о чем-то — незначительном, случайном.

— Лина, — решился наконец я, — мне пора, у вас тут порядки необыкновенно суровые.

Она слабо и как-то напряженно кивнула, смежив на мгновение ресницы. Склонившись, я взял в ладони ее лицо, не удержался, стал целовать — глаза, волосы, которые когда-то напоминали мне цвет луковой шелухи.

И тут нервы ее сдали. Она заплакала, тяжело, навзрыд, сквозь спазмы. Ее точно прорвало:

— Зачем ты... Зачем ты пришел? Чего тебе от меня?.. Шесть лет ни письма, ни звука. Ты умер, понимаешь? Исчез, растворился, тебя не существует... не должно существовать...

Ее лихорадило, руки цеплялись за мои склоненные плечи, за шею, одновременно отталкивая, а сам я падал в пропасть.

— Господи, кому понадобилась ваша встреча в поезде! Перед кем я еще провинилась?.. Если бы я не родила, я бы давно... понимаешь?.. Сашенька меня спас... Это чудо, что я его тогда почувствовала...

Она задохнулась, замолчала. Потом:

— Я ушла из общежития, сняла комнатку в частном доме, спряталась от всех. Первое время, пока не родился Саша, со мной творилось необъяснимое, чертовщина какая-то. Дом оказался с домовым. Исчезали прямо из-под рук мелкие вещи. Среди ночи сама собой вспыхивала и гасла настольная лампа. Как-то утром обнаружила на подоконнике твое выцарапанное имя. Возненавидела часы-будильник, на ночь упрятывала под матрац — они грохотали...

Постепенно она затихла, выплеснулась.

Ладони ее соскользнули с моих онемевших от напряжения плеч.

Я встал, она тоже — приподнялась на локоть, сжимая у горла распахивающийся ворот куртки, прощаясь.

...Я вышел на крыльцо, остановился, торопиться теперь было некуда. Поезд мой ушел, следующий будет только завтра, после полудня, если достану билет. Ну и черт с ним — ушел!

Тонкой болью покалывало затылок, я присел на ступеньку с ужасающим ощущением опустошенности, крепко зажмурился.

Солнце падало к горизонту, красновато слепило сквозь веки. Неужели, думал я, нужны годы, потрясения, подобные пережитому мной вчера в поезде и тут вот — в больничной палате — чтобы понять то, что должно быть понято сразу, с самого начала. Или уж оставалось бы непонятым до жизненного конца...

И еще ночь провел я на вокзале, а утром с гудящей головой снова отправился в больничный городок.

Я дождался, когда возле справочного окошка никого не будет, подошел. Поздоровавшись, спросил, как прошла свадьба.

Оля узнала меня, улыбнулась полненькими губами, глаза красные, невыспавшиеся, — таким наивным выглядел со стороны и я.

— На уровне мировых, — сказала она. — Подарили молодым столовый сервиз из сорока восьми предметов!

— Ого, зачем так много, особенно молодым?

— Дареного много не бывает, — засмеялась быстро, на язык Оля и привычным движением прикоснулась несколько раз к прическе, хотя та уже не имела вчерашнего праздничного вида — свадьба свое взяла. — А как чувствует себя ваша знакомая, виделись?

— Да, Олечка, спасибо вам. Теперь я ваш вечный должник. Но у меня еще просьба, последняя. — Я достал из баула плитку шоколада. Под обертку с одной стороны подсунул я деньги, а с другой — заранее написанную бумажку. — Здесь, — сказал я, — мой адрес и для памяти — имя моей знакомой, отделение, палата... Олечка, если с ней что-то вдруг случится, станет плохо... совсем, вы понимаете? Прошу, отбейте телеграмму. Из одного слова, ну, скажем: приезжай. Обещаете? Приезжай, и все. Мне не к кому здесь больше обратиться.

Оля пошевелила бровками, покосилась на плитку.

— Только заберите это!

— Виноват, не подумал, хотел как лучше. Тогда угостите подруг.

— А если нет? — спросила Оля.

— Что — нет?

— Если все будет хорошо. Сейчас оттуда многие выходят.

— Тогда прекрасно. Тогда никакой телеграммы, и я буду знать, что...

— Нет уж, чего захотели. Если все хорошо, я отобью на всю вашу сумму. Будете тогда знать! Вот!

— Вы молодец, Оля. Впрочем, я уже повторяюсь. Правда, буду ждать длинную телеграмму. Обязательно длинную.

После полудня разбитый двумя бессонными ночами я сидел в поезде, в общем вагоне. Место мое было у окна, возле самого входа. Когда открывалась дверь, из тамбура гулом врвался стук колес, звяканье сцепки, волной проходил мимо воздух.

А за окном проносился тот же полустепной сибирский пейзаж, что и два дня назад, — игривые ленты сквозных перелесков, кругляши солончаковых озер, проселочные безымянные загадочные дороги в никуда, одиноко пылящие, точно заблудившиеся, грузовички.

И все тот же долгий, многочасовой безостановочный перегон...

Телеграмма пришла через полтора месяца, в ней стояло не одно слово, а два: «Приезжайте скорей». Я был внутренне готов, кажется, к этому, но все равно — телеграмма меня ошеломила.

Погода на этот раз была пасмурной. Накануне пролил дождь, площадка перед седьмым корпусом морщилась холодной рябью луж. Грива кустов вокруг отяжелела, кое-где слабо пробивалась янтарем, и стволы тополей налились влажной сочащейся чернотой.

В палату меня не пустили. Я понял: там Лины уже нет, куда-то переведена.

Я стоял на крыльце корпуса, не знал, что же делать, в полной душевной подавленности. Рев авиационных двигателей, толчея аэропортовских очередей, нервотрепка летнего воздушного пути — все это еще не остыло во мне, гудело и словно подталкивало к действию — куда-то бежать, что-то предпринять...

Возле колодца двое рабочих звякали инструментом, налаживали мотопомпу, деловито поругиваясь. По бумажной обертке от мороженого ползала запоздалая оса. Ветер завихрялся вокруг урны, двигал со скрипом бумажку, оса взлетала и снова упрямо садилась — жалкая жертва даровых сладостей.

Вдруг вижу: по ступенькам подымается мужчина. Смуглый лоб, широко расставленные глаза, в лице выражение сосредоточенности.

Я, конечно же, узнал его.

Он прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону. В руке сетка с большим, неумело сверну-

тым кульком из газеты. Кулек раскачивался при каждом шаге, вертелся, ударял по плащу.

Я медленно пересек асфальтированный мокрый двор, свернул в аллею.

Вот и скамья из узких крашенных реек. Рейки вылинялы, кое-где облупились, осыпались — солнце и дожди делали свое дело. Неужто прошло только шесть недель? Если как тогда присесть на скамью, видны будут окна с широкими синеватыми фрамугами, третий и четвертый этажи, а второго этажа только половинка.

Как быстро тянутся вверх молодые тополя, но и их уже коснулся август. Несколько крупных листьев то там, то тут обвяли, зачернели прожилками, в которых остановился сок, обведены тленом, хотя кроны при общем взгляде — еще в густой, зрелой зелени и до листопада далеко.

Застучала, зафыркала нервно мотопомпа — заглохла. В тишине дробно щелкнули по листве, по моей склоненной спине, запузырились в лужах капли начавшегося дождя.

26

Я не заметил, как он вышел из дверей, спустился по ступеням на площадку. В сетке по-прежнему болтался газетный кулек. Взгляд его блуждал, а лицо остановилось в гримасе такого потрясающего горя, что казалось — сейчас он, в дожде и слякоти, упадет на колени перед любым встречным — умоляя о помощи. Глядеть на него было тяжело. Я невольно отвел глаза.

Он прошел в стороне, шаркающие шаги удалялись в глухую, безлюдную глубину аллеи.

Я зря боялся встретиться с ним глазами, он никого не видел.

Он остановился под тополем, ткнулся головой в ствол. Потемневшие от дождя плечи его, спина затряслись. Из сетки, из разорванного намокшего кулька посыпалась на землю черная сверкающая ягода — смородина.

...С тех пор утекли годы и годы.

Иногда за гостевым домашним столом или на званом обеде, которого я по своему нынешнему положению удостоиваюсь нередко, — пользуясь моментом, наливаю себе шампанского, бросаю туда шоколадку, смотрю, как, густо серебрясь, шоколадка качается из стороны в сторону, подскакивает, пытаясь всплыть, а потом ложится на дно и затихает. Будто живая.

Неужели это все, что осталось от молодости? — всякий раз потрясенно думаю я. От того благословенного времени, когда мы еще бездумно и легко, и безгрешно смеемся выстраданной не нами истине, утверждающей, что любовные радости коротки, а страдания вечны...

г. Кемерово

Дмитрий

ВЗДОХ

Рабо

Рабо

Шахт

Как я

Оско

Горя

Поро

Вдру

Давн

Сокр

А я и

К би

Мне

Ущер

Зде

Поро

Но ч

И ду

Как

Зем

Ущер

Года

Руд

Из

Осе

Я та

Вдру

От

Ущер

Руд

И в

Ша

Дмитрий Клёстов

ВЗДОХНЁТ ПОД ТОБОЮ ЗЕМЛЯ

Работу любую не хаю,
Работа любая — не зря.
Шахтерка моя полыхает,
Как яркий наряд снегиря.

Осколком горячего лета,
Горячим его лоскутом
Порода пурпурного цвета
Вдруг вышла в забое моем.

Давно прошлогодние травы
Сокрыв ослепительный снег,
А я из рассечки кровавый
К биндюжке печатаю след.

Мне скажут: «Безрудное тело,
Ущербные эти места.
Здесь нечего, нечего делать,
Порода, как бочка, пуста».

Но что-то под ложечкой гложет,
И душу мне думы гнетут,
Как будто бы я растревожил
Земли кровеносный сосуд.

Ущелье. Фабрика. И пруд.
Годами выжженные склоны.
Рудой груженные вагоны
Из шахты медленно ползут.

Осенним воздухом дыша,
Я там искал уединенья.
Вдруг окровавилась душа
От справедливого сравненья:

Ущелье. Фабрика. И пруд.
Рудой груженные составы.
И в шахту, словно в пасть удава,
Шахтеры медленно идут.

Королевские харчи,
Президентская карьера...
Скороходы-кирзачи
Сорок пятого размера!

Хочешь — топай, хочешь — стой.
Не похвалит, не осудит
Старший мастер буровой —
Он за сорок верст отсюда.

И за сорок верст жена.
Верно, думает, что дура,
Коли вышла за помбура —
Все одна, одна, одна,
А на улице весна!

А на улице весна!
Мчатся вешние потоки,
Бьют живительные соки,
В тополях, в березах, в нас.

Гомон призраков лесных
Всласть смакуй и вдоволь слушай,
Претенденток никаких
На мою бродяжью душу.

Тонут в лужах кирзачи
Сорок пятого размера.
Президентская карьера,
Королевские харчи!

«ШАХТЕРСКАЯ ИДИЛЛИЯ»

Я сегодня в каком-то ударе
В восстающих забоях своих:
Словно пахарь на поднятом паре,
Нормы выпахал за двоих.

Мне хотелось цветов и оваций
За веселый, восторженный труд
Или к солнышку просто подняться
Раньше всех на пятнадцать минут.

Капли грязные падали с каски
И за шиворот жгуче текли.
Мне хотелось не приторной ласки,
Нежной ласки вечерней земли.

Громыхает во штреке центральном
Столбового хозяина рык.
Обругал и лишил премиальных
Новорусский упитанный бык.

И грозит эта сытая морда,
Что расправится с нами легко.
Для чего проводилась реформа? —
Понимаю под вопли его...

Заработанных потом и кровью
Мне своих премиальных не жаль.
Знаю, солнышко встретит с любовью,
Знаю, ветер развеет печаль.

* * *

Коль вздохнет под тобою земля,
На окне всколыхнутся шторы,
Не волнуйся, родная моя,
Под землей говорят шахтеры.

Им приходится в темных мирах
С подземельной упрямой свитой
Разговаривать на матерках,
Подкрепляя речь аммонитом.

БОЛЬШАЯ ТОЛМОВАЯ

Брожу, удивляюсь: фантазия чья?
Шамана,
шута,
скомороха? —
Серебряной нитке лесного ручья
Огромное имя отгрохать.

Знать, кто-то ценил драгоценный исток,
Мечом рассекающий горы.
В раскосых глазах его тек ручеек
До самого синего моря.

Сквозь призму его бескорыстной любви
И сквозь паутину сомнений,
Как в главную реку, впадали ручьи
И реки других поселений.

Он не был провидцем, кто в этот родник
Как в реку большую поверил.
Но первая шахта и первый рудник
Освоили каменный берег.

Ступили на берег началом начал
Всего Салаирского края...
И зверь вымирает, и лес обнищал,
И чахнет река Толмовая.

Камыш и осока и бледный тальник,
Фабричные грязные стоки...
А я не волнуюсь, я как-то привык
К иронии жизни жестокой.

Хотя временами и тяжело смотреть,
Что давший начало — обязан хиреть.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ШАХТЕРОВ

Я лежу в саркофаге,
Как бухарский эмир.
Жизни реющий факел
Весь рассыпался вмиг.

Как бухарским эмирам,
Мне оказана честь:
Бальзамирован взрывом
Весь до капельки. Весь.

И вспорхнуть не успела,
И уйти — не ушла,
Замурована с телом
Молодая душа.

Газом выжжены очи.
Только я не ослеп.
Сотни тысяч рабочих
Этот строили склеп.

Бриллиантами пота,
Позолотой крови
Подземельные своды
Украшали они.

Пусть родные не ропщут,
Не скулят обо мне.
Что лежат мои мощи
На такой глубине,

Что далеким потомкам
Саркофага не вскрыть.
Лишь в грядущем потоке
Этим косточкам всплыть.

г. Гурьевск

Анато.
Анато.
пания «К
Дома науч

ТРИ

М

Никогд
на шахте
Помню, о
зарядили
штрек, у
другу. Зв
тут же ра

После
угля выва
рошо муж

Моното
ты. Отшли
тильников
стать бы
на трансп
нают нит
как верет
закрепите
обшиваем
Ух ты, ма

В детс
Толя, учи
конец, на
тепле и с
твой отец
все-таки
слегла. О
ей: «Ты, п
дорогу в з

Вспом
торые гов
стволу из
А отец по
испытает
крикнуть
ляционно
трескивае
этот адск
ров. Мне

Анатолий КРУГЛЯКОВ

Анатолий Иванович — в ОАО «Холдинговая компания «Кузбассразрезуголь» работал директором Дома научно-технической информации

ТРИ РАССКАЗА

МНЕ МАМА ЧАСТО ГОВОРИЛА

Никогда не забуду свою первую смену в лаве на шахте «Зыряновская», что в Новокузнецке. Помню, отбурили мы ее длинными штангами и зарядили шпурь. Вышли на вентиляционный штрек, уселись на затылки, прижались друг к другу. Звеньевой крутнул ключом в машинке, и тут же раздались взрывы.

После проветривания спустились мы в забой: угля вывалило много — от почвы до кровли. Хорошо мужики бурят.

Монотонно гудит конвейер. Мелькают лопаты. Отшлифованные лезвия отражают лучи светильников. Я держусь, мысль-то одна — не отстать бы от напарника. Бросаю и бросаю уголь на транспортную ленту. С непривычки начинают ныть руки, а лопата уже крутится у меня, как веретено. Только очистили забой, надо его закрепить. В темпе рубим стойки, ставим их, обшиваем досками — и снова начинаем бурить. Ух ты, мать честная!

В детстве мама мне часто говорила: «Учись, Толя, учись хорошо: на инженера или, на худой конец, на учителя. Будешь сидеть в конторке в тепле и сухости, а не мантулить в шахте, как твой отец. Упаси Бог...». А когда после школы я все-таки пошел в шахту, а не в институт, мама слегла. Отец, надо отдать ему должное, сказал ей: «Ты, мать, оставь. Пусть сам выбирает себе дорогу в жизни. Не мешай ему и не ахай!...».

Вспоминаю рассказы бывалых шахтеров, которые говорили, что после смены они бегут к столу из всех сил. И я недоумевал — почему? А отец посмеивался: дескать, поймешь, когда сам испытаешь. И вот сейчас, не успел звеньевой крикнуть: «Отбой», как все оказались на вентиляционном штреке. Спешу последним. Сзади потрескивает кровля, из луж пузырится метан — этот адский газ, нагоняющий страх на шахтеров. Мне уже кажется, что трещит сбоку, впе-

реди, что еще миг — и кровля рухнет. И вот бегу, откуда силы взялись. В конце смены, казалось, выдохся, что еще бы немного — и свалился бы на кучу угля. Может, мама была права — не надо мне было лезть в эту шахту?

Прошло несколько таких недель, а потом и месяцев. Теперь я не был зеленым новичком, каким пришел на шахту. В лаве работал с хитринкой: не силой брал, а ловкостью. Глядя, как я рывком сначала на согнутые колени, а потом на грудь поднимаю бревно и легко вталкиваю верхний конец под кровлю, старые забойщики говорили: «Парень-то далеко пойдет... Дай ему Бог хорошую невесту...».

Эта похвала была для меня дороже любой награды. А вот невеста у меня была. Несколько лет дружили, сидели за одной партой. И поцеловались первый раз после выпускного вечера. Мы любили друг друга, почти всегда были вместе. И родители наши знали об этом, готовились к свадьбе. Мы вместе подали документы в пединститут. Но потом я передумал, поступил на шахту. И бросила меня Наденька. А через год вышла замуж. Тогда я не хотел больше жить. И только шахта спасла меня, сделала сильным и суровым.

Наша новая лава имеет наклон в десять градусов. В ней работать — одно удовольствие. Я как-то был на соседнем участке. Там пласт угля залегают почти вертикально, лава — под шестьдесят градусов. Забойщики ходят по стойкам, держась друг за друга — того и гляди загремишь вниз, так что потом ни один хирург не соберет.

Снизу, с конвейерного, крикнули:

— Какого черта не спускаете крепеж? Спите там, что ли?..

Звеньевой Аброськин подошел ко мне.

— Толя, сбегай-ка на вентиляционный, узнай, в чем там дело.

Иду по дорожке вверх. Справа — пласт угля с тончайшими прожилками белой породы. Вытаскиваю кусочек, как штукатурка. Бросаю в завал, попадаю в стойку, слышу глухой стук. Сверху посыпалась мелкая крошка. Оглядываюсь. Тихо. Почти весь уступ, который мы сегодня «взяли», не закреплен. Кровля сильно давит. Это видно по стойкам, которые уже поскручивало в спирали, и по ним стекает вода. И мне

кажется, что стойки плачут. Ну за какие грехи лес вырубил, а потом послали в шахту на крепеж. А вдруг стойки не выдержат? А тут люди, смена!

Быстро поднимаюсь на вентиляционный штрек. Луч фонаря выхватывает из темноты спящего на затылке человека. Узнаю Федюшку Харина. Пришел он в шахту раньше меня почти на год. Такой толстый, трусливый, лодырь из лодырей. Подфутболил я его левой под зад, и он свалился в грязную лужу.

— Ты чего, гад, дрыхнешь? Вчера на танцах в горсаду был, Елену приглашал, и как она с тобой, оболтусом, еще танцевала! Ты, гаденыш, лаву завалишь. Почему лес не спускаешь? А вдруг завал, людей погубишь! Да из-за таких, как ты, сколько уже случаев было!..

Федюшка вскакивает, таращит глаза.

— Без тебя, парень, знаю, что делать... А Елена... Видел я, как она тебя бортанула. Нужен ты ей, сопляк...

Я размахнулся и влепил ему по морде. А тут звеньевой Аброськин подскочил.

— Федя, что ты тут делаешь, хрен ты собачий. Лаву крепить надо, а ты лес не спускаешь. Вдвоем давайте, быстро. А после смены мы с тобой, Федя, разберемся, — пригрозил Аброськин.

Бросаю на конвейер тяжелые бревна, и они уезжают вниз.

Харин кричит:

— Будет, пацан, будет. Валяй на свое место, я без тебя тут...

— Иди ты, — огрызнулся я, — еще по морде получишь. Аброськин сказал, чтобы я тут тебе помогал, и заткнись. Не мешай... Опять заснешь... Да ты Елене и на дух не нужен.

— И пошутить нельзя, — запыхтел Харин, — давай, вкалывай, если хочешь.

Умаялся я в ту смену вусмерть. Иду в мойку и вспоминаю, как мне Елена говорила:

— Не обижайся, Толян. Знаю, что ты хороший парень, честный. Мне Федя много о тебе рассказывал. Просто я не хочу встречаться с шахтерами. Муж мой в шахте погиб, будь она неладна. Осталась я с малолетним сыном.

...Идем гуськом к стволу. В лицо бьет струя воздуха. Аброськин говорит: «Что-то тебя, Толя, в последнее время в общаге не видно. Ты у нас

больше года работаешь, а так ни с кем и не подружился. Приходи-ка в мою комнату, в шахматы сыграем. Слышал я, что ты в этом деле мастак...» Соглашаюсь с Аброськиным, что я не очень-то общительный. Не хочется говорить, что мотаюсь между шахтой, общагой и родительским домом.

...Мы прожили с Еленой более тридцати лет. Дети выросли, поразлетелись по разным краям. Все эти годы я шел своей дорогой, и моя первая лаву была моей путеводной звездой.

Эти воспоминания я написал в день национального траура по погибшим горнякам на шахте «Зыряновская». Там я работал и жил в общаге, там получил путевку в жизнь. И мы с Еленой склоняем головы перед памятью погибших.

ПРИЗНАЛИ

30

Сдан последний экзамен. В общежитии шумно. В одной из комнат целый склад чемоданов и рюкзаков. Главная тема бескончаемых разговоров — предстоящий отъезд на преддипломную практику. Что готовит нам день грядущий? Нам, учащимся Кемеровского индустриального техникума.

Вот и Новокузнецк. Наше первое пристанище — городской сад. Здесь мы долго и нетерпеливо ждем сопровождающего, который уехал в трест «Куйбышевуголь». Наконец он появляется и после минуты интригующего молчания объявляет:

— На «Зыряновскую» — все пятнадцать человек.

Распоряжение главного инженера шахты: все ребята на один участок в одну лаву по пять человек в смену. Мы прошли инструктаж, получили спецодежду и инструмент. И тут к нам проявляет интерес нормировщик участка — маленький лысоватый человек Бронштейн. Он приглашает нас к себе. Заходим в большую комнату, выстраиваемся несокрушимой стеной. Мы все были в форме: в черных суконных кителях, брюках. Металлические пуговицы на кителях блестели, как серебро. Бронштейн, осмотрев нас, дает первый залп:

— Это что же, в забой и все по пятому разряду? Выходит, кадровые шахтеры будут вас обрабатывать? А сколько денег вы у них отнимете? Да они же не согласятся, такой шум поднимут, тошно всем будет! И меня вашей выго-

нят отсюда разряду...

На него бимец Кеш... Поднял пер... вот-вот швы...

— По т... чит..Ха-ха!..

— Ха-ха... тейн зажал...

— Да пр... два года в п...

Без такого нимаешь, ч...

того разряд...

— Ладно... тоже когда...

книжки, вы...

— Мы н... четвертый...

Звонит т... но по лицу...

понравился...

— Главн... Черт с вами!

Я предло...

— Надо... в мойку; я...

Дружно... разделись,...

робщице. Н...

ли, что на...

Заходим в...

щина-убор...

смены, уви...

Подошла к...

— Ага, л...

Что к че...

«Тьфу!», и...

Первая п...

В раскоман...

роськин воз...

— Нам н...

ся с ними н...

нят отсюда. Нет-нет, оформляю по третьему разряду...

На него грозно надвигается наш общий любимец Кеша: рост сто девяносто, баскетболист. Поднял перед собой руки, будто держит мяч и вот-вот швырнет его.

— По третьему, говорите, учениками, значит..Ха-ха!..

— Ха-ха!.. — прокричали мы дружно. Бронштейн зажал уши, втянул голову в плечи.

— Да прежде чем поступить в техникум, я два года в шахте горбатился, стаж зарабатывал. Без такого стажа никого и не принимали, понимаешь, чернильная твоя душа! Забойщик пятого разряда — вот книжка...

— Ладно, ребята, не будем ссориться. Я ведь тоже когда-то студентом был. У кого есть такие книжки, выкладывайте. А у кого нет...

— Мы не новички в горном деле, все-таки четвертый курс, — сказал я.

Звонит телефон. Разговор короткий, но — видно по лицу нормировщика — не очень он ему понравился. Положив трубку, сердито ворчит:

— Главный приказал, а я — умываю руки. Черт с вами, оформляю всех по пятому...

Я предложил ребятам:

— Надо бы обмыть дорожную пыль. Идемте в мойку; я знаю, где тут она.

Дружно пошли мыться. Зашли в раздевалку, разделись, подали одежду улыбающейся гардеробщице. На шахте, оказывается, уже все знали, что на практику студенты КИПа приехали. Заходим в моечное отделение. Моложавая женщина-уборщица готовит мойку для очередной смены, увидела нас, нисколько не смутилась. Подошла ко мне, сказала:

— Ага, попался...

Что к чему, я так и не понял, только сказал: «Тьфу!», и зашел в кабину.

Первая пятерка пошла на смену. Раннее утро. В раскомандировке толчея. Наш бригадир Аброськин возмущается:

— Нам нахлебники не нужны, да и нянчиться с ними нет времени: обучать, рассусоливать, мать их так-рассяк, свалились на нашу голову. Тут не интернат, а шахта, запнется кто-нибудь, морду расквасит, а я — отвечай... Да и своих дармоедов девать некуда, так из Кемерово еще подбросили.

— Ладно, Аброськин, чего расшумелся? Ребята, гляди, крепкие, взрослые. Многие в шахте поработали, — урезонил его начальник участка, — наша смена, а ты, друг, даже не хочешь понять это. А еще бригадир...

Нам было неловко и обидно, что нас не признавали, обозвали нахлебниками. Аброськин, постаревший, погрузневший, повернулся к нашей товарищу Валину — единственный среди нас молодой, шахту еще и в глаза не видел. Как он попал в наш техникум, никто не знал.

— Как твоя фамилия? Валин, значит... Так вот что, сибирский валенок, ты чего на планерке книгу читаешь, кот ученый, видали мы таких. Будешь «брат» нишу...

Валин закрыл книгу, выпучил глаза. Он понятия не имел, как ее «брат».

— А какую нишу, — спросил я, — верхнюю или нижнюю?

— Обе, — повысил голос Аброськин, — умник нашелся. Но меня не проведешь, вижу я, что сибирский валенок еще салага. Ты будешь «брат» ниши, и смотри у меня. — Он вперил в мою сторону взгляд, и что-то шевельнулось в его лице. — Толян, черт тебя побрал, еле узнал тебя в этой форме, ну и ну... — Он подошел ко мне, я встал с места, и мы обнялись. — Это же наш парень, работал у меня в звене, ну надо же...

Все зашумели, заулыбались. Кто-то действительно узнал меня. Обстановка резко поменялась, и мы дружно пошли в мойку переодеваться.

Приступаю к делу. Хорошо, что предыдущая смена отпалила обе ниши. Нам с Валиным надо отгрузить уголь, закрепить бока и кровлю. А потом уж дело техники — в ниши вся бригада толкнет хвостовую и головную части конвейера, перекинет рештаки и цепи на новую дорожку. Пустоты... От них мы на всю длину лавы отгородимся бревнами. Вот и вся премудрость. А стойки, конечно, будет ставить вся бригада.

Пришел Аброськин, оглядел крепление. Ниши были чисты, просторны. Он хлопнул меня по плечу: «Молодец, Толян, моя школа. А этот салага употел. Учи его, гоняй как следует. Может, выйдет из него прок. Но, думаю, случайный он человек в нашем деле».

Без ЧП все-таки не обошлось. В ночную смену это произошло. Валина бригадир послал на

вентиляционный штрек перебрасывать бревна с конвейера на конвейер в лаву. Самая простая работа, помнится, ее постоянно выполнял Федюшка Харин. Сила, как говорится, есть, ума не надо. Валин и посылал нам бревна, а мы их снимали с рештаков и устанавливали под кровлю. А тут как назло стал отключаться двигатель конвейера, что-то не ладилось с пускателем. Работа шла плохо. Аброськин матерился: не любил он, когда что-то мешает делу, выбивает из колеи.

И тут раздался вопль. Мы бросились наверх. Сгрудились у хвостовика. Рядом лежал Валин. Его руку затянуло под цепи. Что делать? В любую минуту мог включиться пускатель конвейера и тогда от Валина останется измолоченный кусок мяса. Машинист комбайна ножом отрезал рукав куртки. Руку Валина размолотило по самый локоть. Из раны хлестала кровь. Аброськин, этот бывалый шахтер, стоял и не знал, что делать, челюсть его дрожала. А рука-то держалась на сухожилиях. Я взял топор да и отхватил Валину руку по локоть. Вытащили мы его, а он в шоке. Перетянули руку, а тут и санитары-спасатели подоспели.

Со всеми забойщиками в бригаде у нас завязалась крепкая дружба. Работали мы здорово. О ЧП вспоминали редко. А ко мне все стали относиться с уважением: как же, спас Валину жизнь.

Как-то к нам в общагу пришел Аброськин. Это был воскресный день. Собрал он нас, сел за стол поудобнее, расчесал седые волосы, начал:

— Ребята, молодцы вы... Честное слово, мне иной раз стыдно за то, как я вас «полоскал»... Дружные вы, житейские, крепкие. Словом, настоящие мужики.

— Ближе к делу, Иван Петрович, — сказал я.

— Вот я и хочу предложить вам создать свою студенческую бригаду. И бригадир у вас есть, — он кивнул на меня, — моя школа. И с начальством я договорюсь. Ну, как?.. Кто — за?.. Мы все дружно проголосовали. Вот оно, пришло ПРИЗНАНИЕ.

Вскоре, получив диплом, я приехал на эту шахту и стал работать горным мастером, да на том же самом участке. Мы с Аброськиным стали закадычными друзьями. О знаменитой студенческой бригаде постепенно все забыли. Мы работали хорошо, даже поставили рекорд суточ-

ной добычи. Но я-то не забыл и надеюсь, что когда-нибудь молодое поколение пройдет по нашему пути. Или найдет свой...

Более тридцати лет назад я приехал из Новокузнецка в Кемерово учиться. Поступил в индустриальный техникум. В нашей группе собрались сибиряки, уральцы, дальневосточники, белорусы и украинцы...

Учились мы на Новой Колонии, питались в столовой «Азота». Трехэтажное кирпичное здание находилось неподалеку, деревянные двухэтажные общежития рядом. Помню, меня поразили грязь, пыль и газ, и этот унылый деревянный город.

Четыре года мы учились, жили дружно. К нам на танцы приходили девушки со всего города. Многие поженились на кемеровчанках. О жизни и учебе в техникуме можно было бы многое рассказать. Большинство учеников техникума остались в Кемерове, но многие и уехали, разлетелись по разным городам СССР.

Виктор Моисеев, с которым мы учились в одной группе и жили в одной комнате, стал журналистом, более двадцати лет проработал в газете «Кузбасс». Виктор Козько, начав писать еще в техникуме, вырос в заметного писателя, и последние годы жил в Минске. Помню, мы часто его ругали за то, что он по всем ночам писал при свете лампы и не давал нам спать.

Честь техникума и города, да и всего Кузбасса защищали такие спортсмены, как чемпион мира по греко-римской борьбе, заслуженный мастер спорта новокузнецанин Валентин Оленник, мастера спорта киселевцы Вениамин Волков и Александр Денисов, кемеровчанин Иван Внуков и автор этих строк, перворазрядники-борцы читинец Ворсин, кемеровчане Караганов и Пономарев.

Большую славу техникуму и городу принесли чемпион СССР по боксу Роберт Сиротин, член сборной команды страны в беге на сто метров Александр Архипов. Да всех и не перечислишь. Мне думается, что само руководство техникума, ныне колледжа, не знает или давно забыло, кто у них учился. Ныне ученики техникума, многие из них, стали учителями, инженерами, руководителями предприятий. К сожалению, некоторые ушли из жизни. Не буду перечислять их имена, для меня они все живы и воплощаются в моих рассказах и повестях.

СЛУ

Завалило
ная» раздал
одернул пон
шел, прихра
— Мирон
дернулось в
резво проко
крикнул:

— Прохо
бирать завал
пошел по дл
Комнаты тот
панье парн

— Чево т
Комендан
гонько двину
нул с Ник
недавно пост
нуло винным
нату, увидел
бутылки, ок
луковицы, в

— Пил, з
— За свои
— Ладно,

быстро к Гри
на втором па

Что-то др
глазами поте
ся к выходу,
давно не мы

Усадьба
Приземисты
вых березах
ними по бугр
полями черн
вый бор.

Наступил
лая; по утр
сырости. Рос
Кондоме, в
утонул по г
ко припал к

Не слыш
усадьбе. Бли
чернеть. Ноч
лым дням ли

СЛУЧАЙ НА ШАХТЕ «ЮЖНАЯ»

Завалило штрек. В общежитии шахты «Южная» раздался телефонный звонок. Комендант одернул поношенный офицерский китель, подошел, прихрамывая, к столу и поднял трубку.

— Миронов слушает. Так... — его лицо перевернулось в нервном тике. Он положил трубку, резво проковылял к двери и, распахнув ее, крикнул:

— Проходчики! В шахте авария. Быстро разбирать завал... — Затем вернулся, взял трость и пошел по длинному коридору, стуча ею в двери. Комнаты тотчас открывались, выглядывали заспанные парни, спрашивали у бегущих:

— Чево там?.. Завал?.. Где?.. Так это не у нас...

Комендант подошел к последней комнате, легонько двинул плечом дверь и на пороге столкнулся с Николаем, высоким худощавым парнем, недавно поступившим на шахту. От Николая пахло винным перегаром. Миронов заглянул в комнату, увидел смятую постель и на столе пустые бутылки, окурки, хлебные корки, обгрызанные луковички, испорченные консервные банки.

— Пил, значит...

— За свои... — выдохнул Николай. — Чего тебе?

— Ладно, — комендант посторонился. — Дуй быстро к Григорию Никитичу. Скажешь — завал на втором параллельном. Ребят вызволять надо...

Что-то дрогнуло в лице Николая. Мешки под глазами потемнели. Он потер виски и направился к выходу, оставляя за собой ошметки грязи с давно не мытых сапог.

Усадьба Григория Никитича стояла на горе. Приземистый дом-пятистенник прятался в корявых березах. Выше дома тянулись постройки. За ними по бугру начинались колхозные поля, а за полями черной бороздой стоял высокий сосновый бор.

Наступила осень. Сирень в садах стояла голая; по утрам вздрагивала, зябла от холода, сырости. Роса мочила черемуху. Камыш на реке Кондоме, в которой на днях Николай чуть не утонул по пьянке, состарился, потемнел, низко припал к воде.

Не слышно птиц, только ворона летает по усадьбе. Ближние пашни с полыннымиком начали чернеть. Ночи стояли темные, без звезд. По целым дням лил дождь: тихий, без грома, без мол-

ний. В бору падали сосновые шишки. Кружились желтые тополиные листья, засыпая дорогу с колеями и выбоинами, по которой и шел Николай к усадьбе.

Он подошел к высокому крыльцу и подумал: «Крепко живет Краюхин». Постучал.

— Кто? — послышался глухой, как из под-земелья, голос Григория Никитича.

— Свои... Николай...

Звякнула задвижка, тягуче проскрипел засов. Дверь приоткрылась. Григорий Никитич в белой рубашке, босой, чуть ли не подперев плечами косяки, уставился на Николая.

— Чево там?.. — недовольно буркнул он, и на его продолговатом, с массивным подбородком лице заиграли крупные желваки.

— Вот, язви те, — сказал Григорий Никитич, выслушав Николая. — Двигай, а я тя догоню...

Дверь бесшумно закрылась. Николай снова прошел двор — широкий и чистый, и только хлопнул калиткой, как за спиной послышалось: «Обожди». Его догонял Григорий Никитич, одетый в чистую брезентовую робу, из-под которой выглядывало нижнее белье.

— Старуха боится пущать чужих, не обес-судь. Кержачка она у меня, — заговорил Григорий Никитич, легонько тронув Николая за локоть. — Миронов послал, говоришь? С ним, паря, мы пуд соли съели. Выпивох больно не любит... Ты тоже, гляжу, ничего парень, крепкий. Иди ко мне в напарники. Моего вчерась звеньевым поставили...

Николай пожал плечами и даже сплюнул от досады: вот, мол, привязался. Он всю дорогу шел и смотрел себе под ноги, будто боясь оступиться, отчего выглядел сутулым, нахохлившимся. Григорий Никитич замолчал. Так молчком и дошли до бытового комбината, двухэтажного, недавно построенного на месте деревянного, простоявшего без малого тридцать лет. Они поднялись на второй этаж, вошли в длинное узкое помещение, называемое «грязной раздевалкой». В нос ударило прелым, на зубах хрустнула угольная пыль, которая тучей висела в воздухе, лежала на подоконниках, на кафельном полу и скамейках, поставленных вдоль стен.

На скамейках сидели полураздетые и голые шахтеры, черные, с разрисованными углем спи-

нами. Они старательно трясли куртки, брюки, портянки. Вязали все в узлы, совали их в окна напротив чумазым гардеробщицам и, получив бирки, спешили в мойку.

Григорий Никитич и Николай прошли «грязную раздевалку» и оказались в чистой половине.

— Давай, шевелись, — проговорил Григорий Никитич, глядя из-под мохнатых бровей на суетившегося Николая. — Переодевайся и двигай к стволу. Я принесу туда твой аккумулятор...

...Клеть опустила их на третий горизонт. Здесь, в околоствольном дворе, было светло, как в метро. Они оседлали маленький горбатенький электровозик, который быстро помчал их по подземным коридорам.

Вот и завал. Здесь уже вся бригада. По ту сторону завала — люди.

— Шевелись, шевелись, братва, — отваливая куски угля, выкрикивает Григорий Никитич. — Кати вагонетки под мелкоту... а, язви те, живо, живо...

Уголь сыпал и сыпал. Нагрузили вагонеток двадцать, да что толку! Завал каким был, таким и остался. Время идет. По ту сторону газа метана уже выше нормы стало.

— Рельсов бы сюда побольше и бревна в полтора обхвата, — хрипло говорит Григорий Никитич главному инженеру, который тут же схватил трубку и стал истошно кричать в нее.

Привезли рельсы и бревна, окованные железом. Выбрали потолще и подвесили за верхняя цепью.

— Р-раз, еще р-раз, — командует Григорий Никитич, — с силой ударяя бревном-тараном по рельсу, который медленно идет под самую кровлю. За первым забивают второй, третий — сплошняком. Перекрыли кумпол, а уж завал после этого было разобрать и закрепить — плевое дело.

В небольшое отверстие, пробитое в завале, проходчики сунули прорезиненную вентиляционную трубу, что вздутым калачом висела на скобах под кровлей. Свежий воздух устремился в завал, выгоняя метан, угольную пыль. Из дыры показался первый проходчик. Его подхватили, выволокли: здоров, смеется, ни царапинки. Вылез еще один и еще...

Николай стоял в сторонке и равнодушно смотрел,

как радуются шахтеры. Ему стало казаться, что весь этот шум так себе — забава. Ну посидели часок-другой в завале, вот страху-то! Будто им впервой попадать туда... Он даже отвернулся и сплюнул по обыкновению, когда четвертый проходчик, маленький и щупленький, обхватил рослого Григорий Никитича чуть выше поясицы и все подпрыгивал, пытаясь поцеловать спасителя своего в щеку. Григорий Никитич, слегка отстраняясь, басил: «Да ладно те, ладно...».

Спасенные шахтеры, окруженные шахтовым начальством, пошли к стволу. И тут оставшиеся проходчики повернулись к Николаю. Одни смотрели на него с нескрываемым любопытством, другие — зло и отчужденно. От этих взглядов ему почему-то стало не по себе. Непонятная щемящая тоска овладела им, и он почувствовал себя жалким и одиноким...

34

Проходчики гурьбой двинулись по штреку, пронизывая тьму яркими аварийными светильниками.

Где Николай родился, где рос, что видел? Одни лысые горы да кустарники в лощинах. Заводские трубы, день и ночь выбрасывающие пепел и сажу. Это не юг, не степь, где пасутся стада, где едешь по селу, удивляясь белизне изб, их чистоте, цветущим фруктовым садам.

И вот растет он, познавая мир и жизнь, в этом строящемся городе с огромным заводом, в этом крае, где зимой стоят морозы лютые, а лето бывает жаркое и знойное.

Помнит Николай, как солнце пекло нещадно траву, воздух тяжелеел, облака сходились все медленнее и теснее и наконец стали подергиваться острым блеском молний. Где-то в высоте прогремело, потом загредело... и мать прикрывала его чем-то тяжелым и теплым — и это теплое и тяжелое сползало с него, когда телегу забрасывало на ухабах. Разве можно забыть это первое путешествие! Ехали они целую вечность. Полям, лощинам, проселкам и перекресткам не было конца. И вот река — деревянный мост, за мостом — деревня. Из первого дома выбегает дяденька, машет руками, бежит к телеге и вот уже подхватывает Николая на руки, щекочет усами, несет его в дом...

Эта поездка, впервые раскрывшая ему радо-

сти земного

чуждение.

ред ним о

поля, их д

видит себ

ми, как о

стым ком

как будто

руг него п

ле завтра

к отцу, ко

ми, и он с

Дальне

детстве об

когда при

вдвоем с

ленького.

что они о

ли. И по

каждый р

на фронте

— Ты

к нему в

ти, — гов

тал тебя

смеялась

ему: не со

заводе, ко

лучили. Н

ало казать-
забава. Ну
страху-то!
н даже от-
когда чет-
упленький,
чуть выше
сь поцело-
рий Ники-
ладно те,

шахтовым
оставшиеся
Одни смот-
пытством,
х взглядов
епонятная
чувствовал
по штреку,
и светиль-

нто видел?
щинах. За-
сывающие
де пасутся
сь белизне
им садам.
и жизнь, в
заводом, в
лютые, а

ло нещад-
дились все
и подерги-
о в высоте
ть прикры-
и — и это
гда телегу
забыть это
о вечность.
ресткам не
ий мост, за
бегает дя-
неге и вот
е, щекочет
ему радо-

сти земного бытия, дала еще одно глубокое впечатление. Он испытал его на обратном пути. Перед ним опять открылся вдали знакомый мир — поля, их деревенская простота и свобода. То он видит себя в доме с причудливыми наличниками, как он поднимается по утрам, ходит по пустым комнатам. То он за усадьбой, в поле. День как будто все тот же — только тут жарче. Вокруг него поля, поля, березовые колки... То после завтрака мчится он на кошевке, прижимаясь к отцу, который беспрестанно щекочет его усами, и он смеется радостно и весело.

Дальнейшие воспоминания Николая о своем детстве обыденны и точны. Он помнит тот день, когда пришла почтальонша тетя Фрося и как они вдвоем с матерью плакали и обнимали его, маленького. И уже значительно позже он узнал, что они о его погибшем на фронте отце плакали. И понял тогда, как это тягостно и больно каждый раз думать и говорить: «Мой отец погиб на фронте...».

— Ты помнишь, Коля, отца-то? Как ездили к нему в деревню, что в Новосибирской области, — говорила мать, всхлипывая. — Как щекотал тебя усищами, а как на руках носил? — смеялась и плакала она... — Уж как я говорила ему: не соглашайся председателем. Здесь-то, на заводе, когда началась война, многие броню получили. Не послушал ведь.

Эх, мама, мама... Плакалась, убивалась... И так ведь нелегко тебе было: уходила чуть свет на завод и приходила поздно вечером. Иногда оставалась на ночь, и тогда он шел спать к тете Фросе, что жила в соседнем подъезде. А утром Николай съедал кусок хлеба с картошкой и бежал на рынок, где проводил долгие летние дни...

Рынок был рядом с домом. Огромный, со множеством магазинов, навесов, толкучкой, где продавали всякую дребедень, он, как магнит, тянул к себе пацанов.

Николай подолгу глазел на галдежные очереди. Любил бродить по колхозному ряду, любовался сытыми лошадьми, потихоньку от возницы брал из стойла пригоршни овса и набивал карманы до тех пор, пока мордастая баба с воза, хлопнув себя по толстым ляжкам, не гнала его прочь: «Брысь отсюда, пострел!..» Тогда он шел к

доброму дяде Кузе, который торговал медом.

Здесь всегда дежурила стайка ребят. Обступив воз с бочкой, они пальцами снимали с нее тонкие ручейки, а наиболее смелые и предприимчивые, к каким принадлежал и Николай, лизали бочку языком, отчего она к вечеру становилась будто полированной.

Когда дяди Кузи не было, Николай шел на толкучку. Больше никогда в жизни он не видел таких толкучек, и дай-то бог, чтобы это никогда не повторялось.

Здесь каждый был занят своим.

— Кому тошнотиков, кому тошнотиков? — гнусавила худая тетка, держа перед собой тарелку с картофельными лепешками. Чинно стояли взрослые ребята и, сплевывая через губу, покрикивали:

35 — Кому «Дели» надоели, закурите «Беломор»! На рубль — две, на рубль — две...

Привалившись к ларьку и поджав колени к подбородку, пьяный парень хныкал:

— Мы любим спорт, но только папиросы... Мы любим сорок градусов, но только не морозы...

Продавцы крепкого самосада, семечек, пайков хлеба, самодельных конфет кричали до хрипоты, предлагая свой товар. Стоял шум и гвалт. И вдруг из этого разноголосья вырвался вопль:

— Налетели, расхватили, не беру-ут!

В ответ ухала многосотенная толпа. Мужчины и женщины, молодые и старые, размахивали платьями, брюками, пиджаками и отрезами. Перекидывали с руки на руку нижнее белье фээзушники, и вся эта пестрая толпа походила на разворошенный муравейник.

В жаркие дни и Николаю кое-что перепадало. Он по примеру старших таскал воду в бидонах и ведрах, кричал:

— За двадцатник напиться, за двадцатник напиться!.. Холодная вода-а...

Так и проходили летние дни далекого военного детства. Вечером, бывало, Николай, до отвала наевшись картошки, которую мать варила в чугуне, привезенном из деревни, ложился спать.

...А потом мать умерла. Это случилось декабрьским морозным утром. Простудилась на работе, пришла домой — тихая, уставшая, легла в постель и больше не поднялась.

Николай, уже школьник, шел, плача, за гробом, уцепившись за тетю Фросю, единственного оставшегося ему близкого человека. И она, одинокая, переносившая не одну сотню похоронных, высохшая и рано поседевшая от горя людского, взяла Николая к себе.

Не забыть Николаю тихой и милой Марины. Он до сих пор видит и чувствует эти серые октябрьские вечера в Абашевске, куда случайно занесла его нелегкая, — скучные улицы с деревянными тротуарами и с черным городским садом. Опустошенный, внутренне сжавшийся, он искал ее, блуждая почему-то по этим садам и паркам с голыми тополями...

Каждый раз возвращаться домой и видеть растущую гору пустых бутылок было невыносимо. Спасть от всего этого можно было только с Мариной, но она уехала, не оставив даже записки...

Наедине старался он проследить причины их разрыва. Разбирался в самом себе. Да, резкое слово с ее стороны, иногда невниманье, душевная нечувствительность — и вот растет обида, и с языка срываются злые хлесткие слова.

Он требовал уступок, покорности. Но относился ли сам с должным вниманием к Марине — чуткой и восприимчивой, мотавшейся с ним по городам и весям в поисках счастья?

Марина убеждала его, уговаривала: — Не надо пить, Николай. Денег вон не хватает, и мне уж стыдно занимать их у соседей. С этими переездами я осталась в одном платье...

— Бросай детский сад к черту. Или по две смены работай, — кричал подвыпивший Николай. — Ты же знаешь: не везет мне. С мастером все не ладим. Станину три смены шабрил. Мозоли натер — во! И на сколько, ты думаешь, он мне наряд закрыл? Ть-фу! Брак, говорит. Это у меня-то брак?!

— Не выпивал бы, так и брака не было, — тихо говорила Марина.

— Заладила... бы да бы. Пью-то самую малость. Мог бы и обойтись вовсе, ну и что? Думаешь, он бы мне наряд хорошо закрыл? Дудки!.. Станина-то первым сортом пошла: никто не заметил брака. А он... Не любит он меня. Вот Семен Семеныч в этом деле толк имел...

— Твой Семен Семеныч мошенник. Чему хорошему научил тебя?

— Он хоть понимал нас, рабочих, — вспыхивал Николай, — конечно, перегибал иногда... — И Николай вспоминал своего первого мастера с теплотой в сердце.

Когда это было? Кажется, прошла целая вечность. Он, тогда выпускник ремесленного училища, был направлен в крановую службу железнодорожного цеха металлургического комбината, где когда-то работал его отец начальником смены. Семен Семеныч, высокий худой очкарик, встретил Николая приветливо. Он хорошо знал его отца, потому как мастерил здесь с незапамятных времен.

Николая определили в группу ремонтников. Работу он выполнял несложную. Помогал шабрить подшипники, клепал ленты, выбивал кувалдой бронзовые втулки — и делал это мастерски, потому что хотя и вырос на картошке, обладал силой отменной.

— В отца удался, — говорил Семен Семеныч...

Потом была первая зарплата. «Прописывали» его в пельменной. Их, шестерых, обслуживал сам заведующий, хорошо знавший Семена Семеныча. Пили водку, пиво. Николай, чтоб казаться взрослым и самостоятельным, пил наравне со всеми, и Семен Семеныч, захмелев, хлопал его по плечу, говорил:

— Ты, Николай, настоящий парень. Держись за старого мастера — не пропадешь...

За ужин расплатился Николай: «прописывали»-то его. Остальные, прощаясь, незаметно совали Семену Семеновичу деньги.

— С тебя будя, — поймал руку Николая мастер и засеменил к трамвайной остановке.

Раз в месяц, после получки, собирались они в пельменной. Пили, рассказывали смешные истории и всегда, прощаясь, совали Семену Семеновичу деньги.

...А потом он был свидетелем. Осудили все-таки мастера и его товарищей за приписки и взятки.

— Николай не виноват. Молодой он, — сказал на суде Семен Семеныч, и, когда его уводили конвоиры, тетя Фрося крикнула:

— Ирод проклятый! Чуть не загубил парнишку...

Пришел батывать со...

но, а придет

В Абаше

чили кварти

монтника, о

садике на п

он... Вновь н

приятности

ло в другой

тят, а Мари

Городок

дил иногда

весенних и

Мариной от

в глазах. По

и вот тепер

Написат

возможно,

нуть ему М

И когда

счастье, ко

всегда, он

«Южная».

Работал

гие позави

Никитич в

Николай н

Отлади

ку, присло

нием руки

и сразу ж

машину, в

щих древе

кара и наз

Рядом

достал зав

нув его Н

— Заку

волочь пер

сделать.

Никола

ставил себ

колбасой.

Сколько р

не мог. Ко

мается... Он устраивался поудобнее и в мечтах уходил в свой мир, куда постороннему вход был закрыт наглухо.

...Григорий Никитич привык есть в шахте еще со времен Отечественной войны. Частенько тогда по две смены вкалывал. На фронт Григорий Никитич не попал. Чего греха таить, жена была рада, что его не взяли. Она тогда второго сына родила, а первый только под стол пешком ходил. Кто знает, вернулся бы ее мужик домой живым и здоровым или нет...

Работать Григорию Никитичу приходилось много. Но зарабатывал хорошо. В доме всегда был достаток, а потому и покой. Хозяйство держал немалое — скотину и птицу разную, картошки по осени накапывал ведер по восемьсот. Если оставалась картошка — вез на базар, ведро которой по тогдашним ценам стоило ровно четыреста рублей.

Чего-чего, а работать Григорий Никитич умел. Силушкой его природа не обидела. Бывало, вагонетку порожнюю, чтобы не гнать до разминки, с одного пути на другой перетаскивал. Любил он один в забое работать. И забурит, и отпалит, отгрузит и крепь поставит. По две-три нормы давал. С годами силенок поубавилось. Стал он с напарником ходить, но кого попало не брал, выбирал работающих. Попасть к нему считалось большой удачей: и работать научит, и в ведомости не было стыдно расписываться.

Нынче Григорий Никитич с Николаем трудился. Понравился ему парень. Не ленился и силенка есть. На младшего его сына чем-то смахивает. Широкий в кости, высок и строен. Но на этом, правда, сходство кончается. Сын у него характера мягкого и покладистого. Рос тихим и послушным. Учился хорошо, с медалью школу кончил и выбрал себе профессию мирную — учителем литературы после института работает.

Старший сын — совсем другого склада. Среднего росточка, худощавенький, с лицом, как у матери, белым и красивым. Его всегда считали младшим... Учился он хорошо, но особой тяги к наукам не проявлял. После школы уехал в танковое училище, поступил, окончил и вот теперь служит... Нет-нет, да и защежит сердце у Григория Никитича — двух сыновей вырастил, а ни

Пришел новый мастер, и стал Николай зарабатывать совсем мало. Вроде работает старательно, а придет получать зарплату — кот наплакал.

В Абашевске они устроились неплохо. Получили квартиру. И в мастерской его, слесаря-ремонтника, оценили. И Марину работа в детском садике на полторы ставки вполне устраивала. А он... Вновь начал выпивать, и с того начались неприятности на работе, и опять Николая потянуло в другой город, где лучше, где больше платят, а Марина больше не решилась ехать с ним...

Городок без нее казался пустым. Николай ходил иногда на дамбу, защищавшую жителей от весенних и летних разливов Томи. Здесь они с Мариной отдыхали, загорали и купались до ряби в глазах. Потом они стали ходить сюда все реже, и вот теперь он ходит один...

Написать бы старенькой тете Фросе, и она, возможно, нашла бы способ помирить их, вернуть ему Марину. Но не писал, злился и пил...

И когда понял, что прошлого не вернуть, что счастье, которое он искал, ушло от него навсегда, он собрал чемодан и уехал на шахту «Южная».

Работал Николай хорошо, не ленился. Многие позавидовали и удивились, когда Григорий Никитич взял Николая в напарники. Только сам Николай не придавал этому никакого значения.

Отладили забой. Николай, присев на затылку, прислонился к борту штрека. Вялым движением руки поправил сбившуюся с головы каску, и сразу же луч фонаря осветил погрузочную машину, вагонетку. Со стоек, приятно пахнущих древесной смолой, поднялась мелкая мошкара и назойливо закружилась перед глазами.

Рядом присел Григорий Никитич. Неспешно достал завтрак, завернутый в газету и, придвинув его Николаю, пробасил:

— Закуси малость, а то к концу смены ноги волоочь перестанешь. Нам еще ой-ей сколько надо сделать.

Николай махнул рукой, закрыл глаза и представил себе, как Григорий Никитич жует хлеб с колбасой, запивает из фляжки газировкой. Сколько раз Николай пытался есть в шахте — не мог. Когда устанешь, как черт, о еде не ду-

один не живет с ним, никому не сумел, видеть, привить любовь к своей профессии.

Не потому ли Григорий Никитич стал напарников брать. Дело к пенсии идет, опыта он накопил за двадцать пять лет работы в забоях немало, опыт этот подчас на него самого давит тяжело... И стал он учить молодых шахтеров нелегкому проходческому делу. Нет на шахте бригадира, который бы не стажировался у него.

...Григорий Никитич жует, искоса поглядывает на Николая. За последнее время парень заметно осунулся. На усталом его лице резко обозначились скулы... Опять ночь прошармачил. Григорий Никитич как-то сказал ему, чтобы перестал пить: водка до добра не доведет...

— Не твое дело, не суйся, — ответил Николай с такой злостью, что Григорий Никитич поперхнулся.

...Николай открывает глаза. Видит тень на борту штрека, сгорбившуюся фигуру Григория Никитича. Тень шевельнулась, запрокинула голову. Забулькало. Николай лизнул сухие губы. Хотелось пить. Сколько раз он пытался экономить воду, прятал фляжку подальше от глаз, не помогало. Отбрасывал лопату, подходил к укромному месту, доставал фляжку и, как бывало поллитровку, выпивал всю до дна.

— Невмоготу, Николай? — спросит только Григорий Никитич и беспокойно пошарит глазами: не валяется ли и его фляжка порожней.

Григорий Никитич оторвался наконец от фляжки, тряхнул ее, протянул Николаю.

— Накось, допей...

Николай взял фляжку, повертел в руке. Легкая, алюминиевая. Таких сейчас днем с огнем не сыщешь. А уж как бережет ее Никитич. Спрячет так, что сам еле отыщет. Пропустит Николай вперед, вроде штанину в сапог заправить хочет, подождет, пока тот не уйдет подальше, и сунет фляжку под верхняк... Нет, не любил Николай Григория Никитича за его жадность, ворчливость и наставительный тон. Он считал его нелюдимым, собственником-мироедом, о которых начитался в детстве. Однако Николай уважал Григория Никитича за силу и хватку, за умение «делать» деньги...

Николай швырнул фляжку.

— Пропади все пропадом, — голос у него был грубый, отрывистый. — Не по доброй воле сюда забрался. Что ты, Никитич, находишь в этой работе? Ведь свету белого не видишь. Здоровьишко гроишь... Далась тебе эта шахта. И чего тебе — денег мало? Сыновья-то твои не в тебя пошли. Не дураки, чтобы в шахту спускаться.

— Не шуткуй, паря. О здоровьишке моем не печись, еще крепкое, дай бог тебе такое. И сыновей не трожь — не тебе, шармачу, чета. Вижу, невмоготу стало, ну и проваливай, — сказал Григорий Никитич, что топором отрубил.

— Не о том я, — морщится Николай. — Где оно, счастье, под каким камнем захоронено? Ну отработал ты смену. Пришел домой: сад, огород, скотина... Возишься ты в земле да в навозе, как дождевой червь. Был ли ты в других городах, купался ли в море? Там, Никитич, люди умеют жить. А ты что здесь прозябаешь с тыщами? Деньги, поди, в чулок прячешь, людей сторонись. Старуха боится пущать чужих. Ха-ха, отмочил... Ну-ка скажи, Никитич, сколько тыщ у тебя там в чулке? Мне бы такие деньги...

— Накось, выкуси, — Григорий Никитич показал кукиш. — Давно к тебе приглядываюсь. Накипело. Не перебивай. С год у нас работаешь, по двести-триста получаешь, а что справил себе? Такой парень видный, а ходишь, как оборот, пьянчужка...

— Да, пью, — перед глазами Николая так и маячил кулак с кукишем. — Не понял ты меня или не хочешь? Ну да ладно. Мои руки тебе нужны. У меня разряд четвертый, а у тебя седьмой. Упираюсь, как вол, а зарабатываю в полтора раза меньше. На таких, как я, всю жизнь и проездил. Домище отгрохал, глухим забором от мира отгородился. А у меня отец на фронте погиб, может, от этого все мои несчастья пошли...

Николай рванул ворот рубашки. Григорий Никитич поднялся:

— Язык бы тебе вырвать за такие слова. Телом-то ты здоров, душок у тя... Мытаришься по свету, а чо нашел? Руки у тя что надоть, а вот

башка с при
ть добывае
погиб на фр
ласки не зн
вот взял.

Григорий
рел на Ник

— Не с
счастье по-

— Поче
лай спокой
сейчас и ре
хорошие на

Григори
погрузочно
колай вста
тил кабель
Григорий
шины, а по
боя.

Это был
тич так у
много пор
семь-восе
ботая с ни
тие, сразу
бу, шахту

...Выкат
запнулся
ва. «Все е
грузил, бо
упираясь
вагонетка
давила бы
руки, кол
ным пото

— Отд

— Уст

паря, мы
жрать на
Деньги, п

Никол
Григория
злобы, на
нулась с

башка с придурью. Не той, паря, лопатой счастье добываешь. Миронов сказывал: отец у ты погиб на фронте, мать померла, в людях жил и ласки не знал. Потому и жалею ты, в напарники вот взял.

Григорий Никитич подобрал фляжку. Посмотрел на Николая с укором.

— Не сработаемся мы с тобой, потому как счастье по-разному понимаем.

— Почему не сработаемся? — сказал Николай спокойно. — Решил я на шахте остаться, сейчас и решил. Здесь мне нравится, и девочки хорошие на поселке есть...

Григорий Никитич пожал плечами и пошел к погрузочной машине. Он включил двигатель. Николай встал у борта штрека и привычно подхватил кабель. Вагонетка была быстро нагружена. Григорий Никитич толкнул ее конвейером машины, а подбежавший Николай покати из забоя.

Это была первая вагонетка. Григорий Никитич так умел палить, что в забое всегда было много породы. Вагонеток двенадцать, а не по семь-восемь, как у других. Зато Николай, работая с ним, так уставал, что, придя в общежитие, сразу валился на кровать, проклиная судьбу, шахту, скупердяя Никитича.

...Выкатывая последнюю вагонетку, Николай запнулся о породину, что вывалилась из кузова. «Все ему мало, — подумал Николай, — нагрузил, больше некуда...». Он быстро поднялся, упираясь руками в задний борт, боясь, чтобы вагонетка не пошла назад под уклон и не придавила бы его. Он почувствовал, как дрожат его руки, колени, а тело покрылось липким холодным потом.

— Отдохнем, Никитич...

— Устал? Скажи на милость... Проболтали, паря, мы с тобой много... Устал, значит. Водку жрать надо меньше. Водка-то и выходит боком. Деньги, паря, нелегко даются.

Николай с ненавистью посмотрел в сторону Григория Никитича и, задышав от бессильной злобы, навалился на вагонетку, но она не сдвинулась с места.

— Под колесом породина, убери, — крикнул Григорий Никитич. — Я подержу вагонетку...

Николаю хотелось ответить ему покрепче, чтобы он не перегружал вагонетки, ибо ему всегда приходится запинаться о свалившиеся куски, а потом собирать их, гоняя по штреку порожнюю вагонетку. С трудом сдержался. «Держи, держи. Я таких с десятков выкатил», — подумал Николай.

— А ну сдай назад, — скомандовал он. — Еще... — Он выволок из-под днища породину и понес к борту штрека. Не спеша, вернулся, крикнул: — Толкни, Никитич, на меня...

— Не идет, — слышался хриплый голос Григория Никитича.

«Ага, грузи побольше... как оно там, в моей-то шкуре... — внутренне злорадствовал Николай. — Не сладко небось...» Потом крикнул:

— Сдай на себя, Никитич. Под днищем, видать, еще породина...

Николай наслаждался беспомощностью Никитича. «Водку жрать надо меньше...» — вспомнил он обидное.

Вагонетка медленно пятилась. Он легонько выбрасывал мелкую штыбу, покрикивая:

— Так, так, хорошо, Никитич. Какие куски-то здесь валяются...

Вагонетка вдруг пошла быстрее. И тут послышался страшный крик: «А-а-а!..»

Николай вздрогнул. На миг оцепенел, но затем какая-то сила заставила его стремглав броситься вперед. Между вагонеткой и конвейером машины он увидел старого проходчика. Что есть силы он стал отталкивать вагонетку, почти расплющивая свое плечо о железный борт, и она отъехала.

Григорий Никитич упал. Подложив под заднее колесо затяжку, Николай, сплевывая кровь с прокушенной губы, метнулся к нему. — Потерпи, Никитич, потерпи...

Он взял его под мышки и потащил в нишу.

— Как же тебя угораздило, — губы Николая подергивались, каска съехала набок, из-под нее на серое от пыли лицо спадали русые волосы. Николай суетился, то склонялся над ним, то

выпрямлялся, хлопая себя по коленкам длинными жилистыми руками.

— Не мельтеши, — с трудом выговорил Григорий Никитич. — Позвони.

— Я сейчас, сейчас. Как же теперь?.. Ты уж, Никитич...

Но Григорий Никитич, наверное, не слышал, потому и не отвечал. Он лежал тихо, прижав руки к груди. Николай вдруг резко повернулся и побежал, гулко стуча резиновыми сапогами.

Он остановился у клетки, снял трубку с аппарата, висевшего на бетонной стене, прохрипел диспетчеру:

— Краюхина задавило... вагонеткой.

Опустилась клеть. Стволовой открыл дверцы и выпустил группу шахтеров — белолицых, смеющихся. Шла очередная смена. Николай, дождавшись последнего, шагнул в клеть. Он понимал, что должен находиться около Никитича, но ничего не мог поделать с собой.

«Скорее, скорее...» — шептал он.

Николай не видел, как в сторону забоя второго параллельного штрека понесся санитарный поезд, не знал, что у бытового комбината стоит «скорая помощь». Им овладело одно желание: бежать на вокзал и уехать отсюда куда глаза глядят.

Клеть вынесла его на поверхность. По подземному коридору он прошел в ламповую, швырнул аккумулятор в угол: больше не понадобится. В мойке помылся без обычного перекура. Быстро оделся и пошел в общежитие. Он не помнил, как оказался в комнате. Решительно достал из-под кровати обшарпанный чемодан. Присел на край табурета.

И вдруг ему стало не по себе. Он почувствовал, что задыхается. Открыл окно. Пахнуло сырой прохладой поздней сибирской осени. Тяжело загромыхал состав, и шум его наполнил комнату.

«Породина, язви ее, та самая, о которую я споткнулся. Нет чтобы откинуть, оставил на колее. Сдай назад, еще, еще... — молотом стучало в висках... — Он сдержит ее... — Ну взял бы, отскочил в сторону, тогда вагонетка ударилась бы в погрузочную машину...»

— Из-за меня, из-за меня... — почти выкрик-

нул Николай, и голос его заглушило эхо уходящего поезда.

И, может быть, впервые в жизни он подумал о том, что виноват, что трус он и подлец, и удивился, как мог не видеть в себе этого раньше. Он всегда убегал, как только становилось трудно. Ему казалось, что его не понимают, что в его судьбе играют недобрую роль различные обстоятельства. А может, вся его прошлая жизнь была каким-то кошмарным сном? Кто же все-таки виноват в том, что он в сущности опустившийся человек, от которого отвернулись все? Винить теперь было некого. Ему стало страшно. Ударом ноги он загнал чемодан на место и упал на кровать, закрыв голову руками.

Отворилась дверь. В комнату вошел комендант. Он подковылял к Николаю.

— Лежишь, значит. Как же это получилось?

— Голос его дрожал, и сам он был бледным. — Слышишь, Грибов... Мне звонили сейчас, — он с минуту подумал — сказать или не сказать? — в общем, пиши объяснительную, как все было. Не забудь, говорю, написать, почему оставил пострадавшего в забое...

Миронов, опираясь на трость, заходил по комнате.

— Никитич-то в себя пришел, но плохо ему, плохо... Эх, мать честная, тяжелое наше дело шахтерское. Я вот тоже до войны в забое работал, с Никитичем начинал. Вместе, братец, в военкомат ходили. Меня-то вот взяли, а его военком пожалел — дети малые, да и уголек кому-то надо было добывать. Всю войну прошел, всякое случалось: в бомбежку землей засыпало — откапывали, не раз с поля боя выносили раненого. Да что там говорить... Эх, Грибов...

...Николай поднял голову, но в комнате Миронова уже не было. И тогда он всем сердцем почувствовал, что в его жизни наступила перемена. И еще не мог понять, что же именно произошло... Достав из тумбочки лист бумаги, шапковую авторучку, сел писать...

А что писать?..

г. Кемерово

Иосиф КУРА

МОНАРХИ

Еще в г
Не наме
Но, раз
Пылала

Все лег
Сияли
А то, ч
Всюю

Оно зв
И, потр
Над де
Взошла

Все ле
Над че
И сил
Приду

Наполн
Все рав
На вост
Террик

В них -
Пятиле
Узнаю:
Серый

Даже
И как
Подым
Даже

А внул
Прежн
Може
В эту

Нет н
Прого
И сре
Прави

Иосиф КУРАЛОВ

МОНАРХИЯ ДУШИ

СИРЕНЬ

Еще в глуши небесных скважин
Не намечался новый день.
Но, размахнувшись светом в сажень,
Пылала облаком сирень.

Все лепестки, взорвавшись светом,
Сияли в полной тишине.
А то, что называлось летом,
Вовсю цвело в моем окне.

Оно звало и трепетало.
И, потрясая этажи,
Над демократией металла
Взошла монархия души.

Все лепестки взлетели тучей
Над черным городом земли.
И силы более могучей
Придумать люди не смогли.

ТЕРРИКОНЫ

Наполняя гулкой тишиною
Все равнины брошенной земли,
На восток горбатою волною
Терриконы старые ушли.

В них — минувших дней преображение,
Пятилеток главные дела.
Узнаю: земное притяжение,
Серый камень, черная зола.

Даже то, что становилось паром
И как будто жило наяву,
Подымалось газом и угаром,
Даже дым! — отлился в синеву.

А внутри у терриконов память,
Прежней жизни прогоревший след.
Может быть, руками каждый камень
В эту пустоту слагал мой дед?..

Нет народу пользы от породы..
Прогорело — разгребай пейзаж!
И среди любителей природы
Правильный царит ажиотаж.

Терриконы затемняют небо.
Господи! Хоть ты благослови
Пасынков промышленного хлеба,
Памятники горя и любви.

ШАХТЕР С МАНЕИХИ

Над Манеихой пыль клубится.
Упирается в небосвод.
Занавески висят из ситца
В доме окнами в огород.

— Помнишь, как ты вчера явился? —
Говорит жена под окном. —
Долго б этот пиджак носился,
Если б ты не валялся в нем.

Если б пил не на всю зарплату,
Если б жил, как Петров Иван,
То поставили б новую хату.
— Ну, пошел я, — смеется Степан.

Он жену свою обнимает.
Он целует ее в уста.
Он — мужик и все понимает:
Баба, что она? Суета.

И идет Степан, улыбаясь.
Он всему, что случится, рад:
Или трудится, в пласт врубаясь,
Или знамя несет на парад.

Зачем живем? Затем, чтобы страдать?
И темной прозой заполнять газеты?
Водить машины? Уголь добывать?
Директора главней или поэты?

Директора уже сто лет твердят:
Точи болванку — в ней твое призванье!
Точу! И в небесах — крошечный ад.
И жизни нет — одно существованье.

И долго ль жить под этой тучей зла?
Ведь черт и тот сломал в забое ногу.
В большом достатке пепел и зола.
И не видать сквозь них дорогу к Богу.

Ах, какие светлые слова
У поэтов на земле Кузнецкой:
«Тихий плес», «талины», «синевы»,
«Лес», «травы», «озера», «перелески».

Дайте грудь, в которую врыдаю
Слезы глаз, приличия поправ:
Половину этих слов не знаю,
На другую не имею прав.

ИЗ ДЕТСТВА

Был мерой доблести синяк,
А правдой управлял кулак.
За терриконами сходились,
А после ввали и хвалились.

А если зубы выбивали,
Мы и тогда не унывали.
Был очевиден неуспех,
Зато плевали дальше всех.

АЛЯУЛЛЮ!

Аляулли! — свищу в два пальца.
Звенит в ответ твое окно.
Скорей по лестнице спускайся!
Пойдем, пожалуйста, в кино!

Прокопьевск высвистан апрелем!
И с крыш — когда, куда хотят, —
От ветерочка озверели,
Аляулличики летят!

Театр, витрины, магазины,
Копры, балконы, терриконы...
И ты — со мной, и я — с тобой —
Просвистан трелью голубой!

Звени-играй, сквозная скрипка!
Хватай всю душу в оборот!
Пускай цветет моя улыбка
Пошире заводских ворот!

Аляулли! — ручки стремятся.
Аляулли! — скучай, тоска.
Давайте, люди, обниматься!
Покрутят пальцем у виска...

Ну да! Ну да! Совсем с приветом!
С хорошей девочкой при этом!
Идем вперед! На красный свет!
Апрель! Капель! Семнадцать лет!

СОЛОВЕЙ

Соловей свистит на свалке,
Где железный лом.
По оглохшей ржавой балке
Серым бьет крылом.

Коренного перелома
Времена...
Смотри,
Перестук металлолома
И — птенец внутри!

Как попал туда ты, милый?
Ветром занесло?
Или веток не хватило?
Или всем назло?

Что же, брат родной, порадуй,
Не смолкай! Свисти!
Я живу с тобою рядом.
Ты меня прости!

О ЛЮБВИ

Не вспоминай про пепелища!
И не ходи на них глядеть.
Там только ветер да пылища,
Да листьев сброшенная медь.

Там только вороны кружатся.
И на шумящий чернобыль
Косые сумерки ложатся
От разнесенных ветром крыл.

А то, что было, — отлетело.
А то, что пело, — то прошло.
В косматый сумрак завертело.
И в черный космос унесло.

Куда ни глянь — душе отравы!
И говорят же: не гляди!
Пустыня — слева, бездна — справа,
Дремучий город — впереди.

Не от того ль, не потому ли
Железной дрожью бьет с листа,
Что мы кого-то обманули,
А совесть вроде бы чиста...

Даль разламывая, ветер
Громко стонет в проводах.
Двести лет живет на свете
В пролетарских городах.

Но родней ему и ближе
Не в железны греметь —
Раскрутив солому с крыши,
В тонких дудочках звенеть.

г. Кемерово

Ты еще х
ва затеряв
мутившееся
ки. Твой м
диагонали.
телевизору
и мне стра
всех други
оно было с
ком на пуш
ковре: коро
ноги, а узо
палец к пу
— Ты оп
тебя будут
От злос
бой пальца
мне никогд
Твое имя
но ты нико
мало себя
щей кварт
быней в те
их в полон
щин. Тела
пились у г
лась к н
туберкуле
мраморны
стать коро
и ты выжи
постояв у
цах швыр
вперед, у
только за
достойны
вихревом
здавала
влюбленн
ные от ко
тали ты
кроссвор
трет кра
отрывала
тойный к

Юлия ЛАВРЯШИНА

КОРОЛЕВНА

РАССКАЗ

Бабушке...

Ты еще жива, я еще успею сказать тебе... Слова затерявшимися дождинками стучат в твоё замутившееся сознание, оставляя неровные дорожки. Твой мир теперь — пятьдесят один по диагонали. Я вглядываюсь в твою притянутую к телевизору, словно намагниченный волос, фигуру, и мне страшно заглянуть в лицо, знакомое лучше всех других. В мозаичной памяти моего детства оно было самым ярким пятном, солнечным бликом на пушистом ковре. Я любила играть, сидя на ковре: короткие ворсинки не кололи, а щекотали ноги, а узоры манили, приглашая указательный палец к путешествию по лабиринту.

— Ты опять грызешь ногти! Когда вырастешь, у тебя будут уродливые пальцы!

От злости я вгрызаюсь сильнее в отбитые тобой пальцы. Пусть будут, черт с ними! Все равно мне никогда не стать такой, как ты, бабушка Зина... Твое имя звучит горделивой песней — Зинаида, но ты никогда не любила его. Тебе всегда было мало себя самой, хотя я называла тебя «заведующей квартирой». Я была маленькой покорной рабыней в твоём гареме душ. Тебе нравилось брать их в полон: души умных мужчин и красивых женщин. Тела не интересовали тебя. Они робко толпились у порога твоего королевства, а ты спускалась к ним по широкой светлой лестнице туберкулезного санатория, скользя юной рукой по мраморным перилам. Всегда, всегда мечтала ты стать королевой. Эта жажда пересилила чахотку, и ты выжила: гордая, сильная, сероглазая... Молча постояв у края могилы своей карьеры, ты в сердцах швырнула сухой комок и стремительно пошла вперед, увлекая по пути встречных: все за мной, только за мной! Где-то на полпути встретился достойный и, не сопротивляясь, отдался твоему вихревому потоку. Уверенными мазками ты создавала полотно своей жизни: пожизненно влюбленный муж, холеный дом, книги, прочитанные от корки до корки. Сильными руками без устали ты лепила свою семью: пирожки к обеду, кроссворд к досугу... Найдя в одной из книг портрет красавца-испанца, ты всю беременность не отрывала от него глаз, чтобы родился сын, достойный королевского трона. Примета не обману-

ла тебя, и весь мир легко перелился в маленькое, беспокойное тело.

Тянется, тянется бесконечная лестница. И уже не вниз, а вверх, к небесам ведет она. И ты устала идти по ней, хотя давно излечилась чахотка, наслідив душной астмой, но ноги уже не те, маленькие, проворные, уже тапки покупаются на размер больше, да и они стискивают колодками. Ты, шестилетней девочкой украдкой читавшая под крышей хохлятской хаты, больше не помнишь букв. Черные иероглифы кириллицы отпугивают тебя, впрыскивая острыми углами яд беспомощности. И ты просиживаешь неделями у телевизора, грузная, молчаливая, силясь вобрать в себя происходящее на экране, но оно улечивается с беспечной жестокостью через раскрытые чакры.

А ведь ты была для меня целый мир! И мир этот был теплым, мягким, вкусным. Не сумев пробиться в нарциссический сон своей матери, я отдалась во власть твоих полных, с маленькой кистью и загрубевшими локтями рук, и они не подвели, осторожно вывели из лабиринта тьмы, где я блуждала с фонариком, в резиновых красных сапожках: «И кто тут ходить-бьёдить?»

Ты была моей кормящей бабушкой, но я не впитала твоей уверенности в себе, твоей силы, твоего умения подчинять. Может быть, ты была слишком велика для меня, и я выросла с ощущением собственной мизерности.

В своём доме ты всегда была первой во всем. Хотя ты несколько лет не подходишь к плите, все помнят твои великолепные обеды. Ты слушаешь эти воспоминания с недоверием и шепотом общаешься мне:

— Я абсолютно не помню, что можно сделать с картошкой.

Но еще восхитительнее было предобеденное время, когда, примостившись на белом табурете, я слушала твои бесконечные, немыслимые истории о Харькове, где «каждый день праздник». Этот город представлялся мне райским местом, залитым улыбками и солнцем. По его мостовым бурно течет веселье, и люди не занимают очередей, беспечно спрашивая себя вслух:

— А оно мне надо?

Я знаю: Харьков не таков. Он так же озлоблен и хмур, и мрачная клетчатая кепка давно сменила розовую панаму, из-под широких полей которой поблескивали его некогда лукавые глаза. Хорошо, что ты не увидишь свой город сегодня. В города детства лучше не возвращаться или жить в них, не отлучаясь.

Наверное, я останусь навсегда в своём городе,

пропахшем твоей «Красной Москвой», в городе, на улицы которого, засыпанные тополиными чешуйками, ты выпускала суровых рыцарей и озорных фей.

Летом ты увозила меня на дачу, пахнущую бревнами и простенькими цветами, и поила меня молоком. Мы бродили по мокрой траве, и я слушала, слушала твой голос, который мог быть и строгим, и злым, но никогда — нудным. Каждое утро, просыпаясь и поздоровавшись с вышитым крестом оленем, я находила на тумбочке свежие цветы и стакан клубники. Эта утренняя клубника так и осталась для меня тем единственным чудом, ради которого стоит жить.

Отправляясь вечером в ванную, мы громко пели дуэтом:

— Мы шли под грохот канонады...

Из-за этого барабанища, многократно оплаканного в детстве, я как-то разревелась на репетиции школьного хора от жалости к маленькому трубачу из другой, незнакомой тебе песни. И мне было стыдно не от того, что плачу я, а от того, что не плачут другие.

Все тебе казалось лучшим, ты и мысли не могла допустить, что кто-то может думать иначе. Как-то раз я зашла к тебе со своим другом, и при нем ты с восторгом отозвалась о моем профиле. Он усмехнулся. Он уже не любил меня. Ты так и не забыла ему этой усмешки. Дерзости ты не прощала, особенно если это была попытка встать с королевной вровень. И пока ты была на троне, никто в семье не мог претендовать на это.

— Ну расскажи мне, как ты живешь? Что в институте? — в твоих глазах горела страсть к жизни.

Я пожимала плечами: в моей жизни не было ничего, что могло бы заинтересовать тебя.

— Как же так? — недоумевала ты. — Я так бурно провела свою молодость.

И уже новую историю ты расстилаешь передо мной легким взмахом руки. Одна дама в Харькове вышла замуж за старика и закрутила роман с его сыном. Ни у кого в городе не было такого косметического набора, как у нее, и где она его только раздобыла? Из этой волшебной коробки она день за днем извлекала крупички молодости: розовый мазок на подбородок, на мочки ушей, на лоб, на щеки. И вот уже незаметна пугающая желтизна старости, и мальчик без ума от ее красоты, очарования, зрелой свежести. В конце концов отец умер, оставив дом ей и сыну, а через несколько дней началась война, и юноша ушел, жадно вобрав глазами ее образ.

Когда он вновь очутился в Харькове, была ночь, и дама сердца не ждала его. К тому времени она стала откровенно стара и одинока. Появление ис-

тосковавшегося любовника привело ее в ужас: она не могла показаться ему на глаза в своем естественном виде. И вот, сдерживая его порыв, она со всхлипами: «Ах, я не верю, что это ты! Нет, не включай свет, я не хочу, чтоб ты видел мои слезы!» потянулась к трельяжу, на котором стоял драгоценный набор. Несколько ловких мазков и... Какая жалость, она в темноте перепутала краску...

Ты любила рассказывать эту историю и клялась, что все это — чистая правда. Наверное, тебе было приятно сознавать, что, рисуя свой образ, ты ни разу не спутала краски. Портрет удался на славу. С озорством девчонки с харьковской окраины ты подрисовывала себе бриллианты и корону, так и не успев вырасти в настоящую королеву.

Но именно сейчас, когда простоволосая, без убора, в застиранном ситцевом халате, ты сидишь перед своим мерцающим окном в жизнь, я впервые хочу сказать, как я люблю тебя...

г. Кемерово

44

Екатерина ДУБРО

ДЕЖУРИМ

РАССКАЗ

Он знает: если уже улеглась, за телефонной трубкой по звонку дотягиваюсь долго. И потом раза два переждет, пока сменю положение. Проникся:

— Не приведи Бог. Судьба-злодейка.

— А я о вашей жизни так думаю. Не обменялась бы.

— В натуре?

— Да. Даже если бы завтра мне умереть. Надолго умолк.

Так лишь говорится, обмелами же проникнуто все.

— Катерина, ты где?

— Здесь.

— Говори чего-нибудь.

— Лучше послушаю вас. Чем живы-то?

— Как это?

— Что держит в жизни, спрашиваю? Без чего — никак?

— А-а. Так я не задумывался.

— А если задуматься? Интересно же.

Хохотнул:

— Думать вредно!

— Вредно — не думать. Тогда жизнь шарахает несчастьями, а мы недоумеваем: за что? Ну, как? Продолжать разговор? Не скучно?

Опять хохотнул:

— С тобой не соскучишься, Катруся. Нет, ты не подумай, я хоть и не очень умный, но и не вовсе тупой, слушаю тебя.

— Молодец. Зря, что ли, дежурю с вами?

Засмеялся: довольный.

— Так чем вы живы, а? Или в следующий раз, подумав, расскажете?

— Расскажу! Я за два дня до дежурства вспоминаю: приду, позвоню Кате. Сроду бы не поверил, что в моей жизни случится такое событие.

Случилось. Девушка, которую «закадрил» на улице, обнадружила своим телефонным номером, оказавшимся моим.

— Еще встретится мне, по рогам получит! А вас как зовут? Познакомимся? Встретимся?

— Не встретимся. Все.

На том бы и весь случай, кабы не голос без надежды:

— Но хоть поговорить с вами можно? Поговорим, а?

— Поговорить можно. О чем? Начинайте.

— Вы красивая?

— Страшененькая. Но это не разговор.

Итак, мне сорок лет (вообще-то тридцать девять), неходячая, Екатерина Владимировна. А Геннадия Дмитриевичу в апреле исполнится двадцать девять, из которых восемь провел в местах не столь отдаленных. За убийство. Сей яркий факт пытался утаить. Сказала:

— Говорим, что думаем и что хотим, — или не говорим. Я не знаю вас, вы не знаете меня. Никогда не увидимся. Лгать смысла нет вообще, в нашем случае — давно. И времени жалко. Или распрощаемся. Согласны?

— Согласен.

— Гонять порожняки тоже не намерена. Согласны?

— Согласен.

На свободе он год, но под административным надзором.

— Вечером уже в десять торчи дома, как штык. Заколебали проверки, нервничаю. Никакой жизни от «мусоров»!

— А им? Лишняя работа по ночам, потерпите, не навек же.

— Верно говоришь. Да я ничего, привык.

Так и разговариваем, с его благосклонным, время от времени, согласием: «Верно говоришь». Которое вообще безотносительно к его частной, скандально-бездумной жизни.

— Согласен? Да треп и треп!

— Ты чего сердишься, Катруся? Чего ругаешься? Я сам не знал, что так выйдет. Хочешь одно, выходит другое: жизнь всегда такая.

— Ничего подобного! Чего хочешь, то и выходит. Да как жить, не зная, что сам же вытворишь через пять минут?

Сокрушается:

— Опять довел, едрит-твою-я!

— Себя довели! Не со мной соглашайтесь, а с собою знакомьтесь. Свой букварь читайте! Ведь опасная жизнь получается, непредсказуемая, втемную.

— Верно говоришь, Катюшка.

— О-ой!..

Его основное затруднение — язык. Не привыкший сдерживаться в выражениях. Так-перетак-раз-так. Туда-сюда-отсюда. Умаивается, злится. Перехватывает вредные слова на взнике, на взлете, придушит и опять извиняется:

— Не сердись, Катя, я не хотел.

Тоже умаиваюсь. Наконец уговорила: как уж скажется, не рассержусь, трубку не брошу.

— Что поделать, если душа требует.

Но поделать он хочет, то и важно. Тормоза послабил, но извиняется-таки или оговорится:

— Ты сама разрешила.

— Сама, сама.

— Понимаешь, я с тобой, как с мужиком, разговариваю. Забываюсь. Самому чудно.

Чего только не наслушалась: СИЗО, этапы, жизнь в зоне...

— Ты вот писатель, а знаешь, почему надо разбудить человека, которого режут? Ну, прежде чем воткнуть нож? Потому что сонный закричит, а разбуженный не успеет! Чего молчишь?

— Стало быть, не надо, чтобы кричал? Даже напоследок?

— Кать, ну, я просто рассказываю тебе. Просто. А ты уж...

О себе сказал тоже просто:

— Поверишь? Мне жалче зарезать поросенка, чем человека. Чего молчишь? Катя, ты здесь?

— Вы, Геннадий Дмитриевич, сперва вынынчите хоть одну жизнь. Охраните ее от болезней и обид. Вскормите. Согретьте. А потом спросите у себя: захочется отдавать ее под нож или кулак.

— Убил бы на месте!

— Вот. А вас не убили. Живой и радостный. И ничью жизнь охранять и вынынчивать не намерен. Зато готов искалечить и убить неугодных. Взял и наделил себя таким правом. Что ли, нет больше никаких способностей и желаний — только такие у человека Геннадия? Для этого он родился? А?

Помолчав, закричал в телефон:

— А кого я вынынчу, если за меня замуж никто не хочет?!

Вопль души.

Позвонив, вежливо осведомляется:

— Узнаешь? Не надоел? Что делаешь?

С моими делами и возможностями вкратце знаком: расспросил.

— Владимировна, я извиняюсь, конечно, но вроде верю, а вроде не совсем. Своими глазами не видел.

— Ну и не верьте.

— Чем мучиться, взяла бы кого на квартиру: пусть ухаживает за тобой.

— Ни за что! Кому в тягость своя жизнь?

— Вроде бы так.

— Именно так. Мне нравится жить по-своему, самой себя содержать.

— Не знаю, что сказать. Ты меня поражаешь, Владимировна.

— Потому что у каждого человека свои нормы всему.

Уловив мое мимоходное «ненадежная становлюсь», обеспокоился:

— Эй, ты там гляди у меня, Катюшка: живи! Кому звонить буду? Поняла?

— Разве отказываюсь? Может, и правда, для того здесь сию, чтобы вы мне звонили.

— Значит, не мешаю тебе?

— Нет, не мешаете, Геннадий Дмитриевич.

— Да Генка я, Генка!

Г. Д. — дежурный электрик, проверит рубильники и мыкается-сучает в пустой конторе.

Уже при мне дважды отбывал десятидневки в КПЗ за оскорбление мастера словом и действием.

— Довел же, коз-зел! Я тоже человек!

Новый год встретил в камере. Где всех радостей, что чифирнули.

— Кормят, шакалы, раз в день! Видела бы ты, чем! Ресторанными помоями!

— Питайтесь дома. — И рассказываю об американском астрофизике Хайдере — видел же по ТВ? — голодает и холодает у Белого дома в знак протеста против ядерного вооружения своей страны, жертвует собою во имя жизни всеобщей.

— А мы с вами на что и ради чего тратим жизнь?

— Каждый человек что-нибудь значит, — философически отвечивал Г. Д.

— Верно говорите, Геннадий Дмитриевич. Но каждому бы и задумываться о своем назначении. Тем более, что живем не однажды.

— Как это?

— Есть такое знание: тело смертно, но душа рождается в новом теле, опять и опять. Пока не очистится, не просветлится, не осознает себя.

— Кто сказал? Попы?

— Нет, мудрецы.

— Брешут. Тут одну жизнь девать некуда.

— Вот и живем, чтобы вразумиться, откуда мы и зачем. За один срок не успеваем.

— Ну, и что? Не усеку. И почему я должен верить?

— Не должен. Но если взаправду так, закон жизни тогда. И наши последующие судьбы зависят от того, как живем сейчас.

Что отдадим жизни, тем и она ответит.

— Е-мое, и там по Уголовному кодексу! Какую статью припечатывают, по той и отматывай срок?

— Вроде того. Причем приговоры обжалованию не подлежат, на пересуд не подадим.

— А ты в это веришь?

— Верю.

— Ни фиги себе: из тюрьмы в тюрьму! Катюшка, не сама ли ты сочинила это?

— У самой ума не хватило бы. Ладно, потом проверим. А пока задумаемся.

— А если я не хочу? Всего этого.

— Так ведь некуда деться, Геннадий Дмитриевич: законы.

— Не знаешь — научат, не хочешь — заставят? Правильно понял?

— Правильно.

Похоже, немного задумался, потому что на вопрос о библиотеке хохотнул:

— А зачем? Чтобы узнать, какой я есть? Не-е, не хочу!

Поперву же ссылался на другую причину: книги его усыпляют, и вообще незачем читать выдумки, с жизнью знаком вдоль и поперек.

— Ой ли? Вы, Геннадий Дмитриевич, не знатоки жизни, вы узкие специалисты.

Развеселился:

— Ну, сказанула. Вообще-то верно: узкие специалисты. Не жил еще.

Что я автор нескольких книжек прозы, знает от меня, но не читатель же и приятельский круг ответственный. Хитрит, торгуется:

— Скажи фамилию, я запишусь в библиотеку, прочитаю твои книги. Интересно же.

— Я с вами живьем разговариваю, в единственном экземпляре.

Мои книги ему до лампочки и выше, но по фамилии адрес найти запросто. По телефонному номеру бы в справочнике тоже, но пока не догадался. Досадует:

— Или боишься? Да разве трону?! Пропасть мне, падле, на месте!

— У меня такая жизнь, ничего уже не боюсь. — И возмутилась: — Еще бы: тронуть! На столько писем вашей братии ответила, столько исчислялись мы с мамой и кошками, потроша сигареты вам на табак!..

По мне, общение по телефону самодостаточно — души с душою. Внешности обманчивы, затенены впечатлениями, рассеивают внимание. И не обманчив голос, выражающий мысль в чувстве и в слове, которые либо есть, либо отсутствуют, что проявляется сразу.

— Всю ночь разговаривал бы с тобой, честно. Одному долго, скучно, а ты веселая. Плохо, что устаешь.

— Читайте. Пока скучно с собой, скучны будете и людям.

— Но тебе ведь не скучно со мной?

— Потому что сама с собой не скучаю.

— Наверно, потому что пишешь.

— А этим делом заниматься удастся редко. Вот мое горе.

— Отдыхай больше, тогда и попишешь больше.

— От чего отдыхать?

— От хозяйства.

— Но это моя жизнь, мои дела.

— И кто приходит к тебе? Некому приготовить и накормить?

— Не пугайте. Либо сама, либо никто.

— Я таких, как ты, не встречал. Даже не слышал о таких. И смотреть не разрешаешь!

— А что увидите? Сажу в постели. Зато, усилившись при госте, остаюсь без сил на хозяйство. А писать и читать? Отвечать на письма? На телефон вот.

— Я не в гости приду, я помогу!

— Чем же?

— В любом доме требуется мужская сила, верно?

— Найдется, если потребуется.

— А на улку вывезти некому! В тюрьме и то выпускают на воздух. Хочется небось? Я бы вывез.

— Спасибо, Геннадий Дмитриевич. Перехотелось давно. Без улицы можно обойтись: не жизненно важно.

— Могу и сварить чего. Думаешь, не сумею? Супчик! А ты отдохнешь.

— Я тронута, спасибо. Но ем свои супчики. И гостей угощаю им.

— Значит, чтобы тебя угостить, еще заслужить надо? За подлянку я, презираешь?

— Я вас не презираю.

— Не ври!

— Ничего себе презрение: часами убиваюсь в говорильне, голова раскалывается, голос хрипнет, глаза воспаляются.

— Ну, не нравлюсь я тебе: один хрен.

— Нет уж, хрен другой. Значит, нравиться хочется?

— Катерина, я тебя понял.

— Молодец. Это правда: не угощаюсь от тех, кто не нравится, от чужих. Но и вообще не люблю угощаться. Геннадий Дмитриевич, считаем: поела, спасибо, вкусно.

— Ты не ела, ты отказалась!

— Нет. Желание помочь — то же самое, что и помощь взаправду. А что я отказываюсь, не важно. (Еще как важно в данном случае.)

— Это правда, это закон жизни: все наше, хорошее и плохое возвращается обратно, рано или

поздно. Ваш суп, от которого отказалась, все равно реален, он есть, он ваш добрый запас, понимаете? Вот что важно.

— Когда слушаю, вроде понимаю, а потом перепутывается.

— Послушайте еще. И что собаку Юльку любите, тоже добрый запас. Если, правда, любите.

— Клянусь! Даже на цепь не сажаю. А к кому я убегаю с дежурства? К ней, покормить.

— А когда вы в КПЗ?

— Мать кормит. Я же за стенкой у них живу, один дом.

— Покормит и когда вы на работе.

Наша компания пополнилась. Вскричал мой Г. Д.:

— Что же такое? Опять! Заколебал, так-перетак! Ты чего, гад, приперся? Рога зачесались? — И уже мне, в трубку: — Я сейчас, побеседую.

Шмякнул трубку на стол — слушаю, как он там разоряется.

— Ты чего ходишь и ходишь? Допроверяешься, так-перетак-разэтак! Не открою я тебе, уходи! Уйди от греха, придурок! Канай домой, по-хорошему! — и так далее, тому подобное, туда-сюда-отсюда.

Там дверь стеклянная, через нее ведутся переговоры. Речи мастера не слышу, только стук в ту дверь.

Вправду упорный товарищ, в любое время стук на посту. Знает ведь, на кого и на что идет, один на один, запоздно. Я в трубку вплавилась, настолько нервно. Слушать мешает буран: грохочет и воет, все снега взбаламучены.

К телефону Г. Д. вернулся в горестном недоумении:

— Какого хрена мужику? Зачем?! Молодой, женатый, смену отработал. Меня бы от жены не оттащило, с работы бы домой убегал. А этот — из дому! Издалека прется, в непогоду! Ну, придурок.

— Нормально, — возразила я. — Ответственен за порядок и за вас, Геннадий Дмитриевич. Убегайте же домой?

— Убегаю. И буду.

— Бывает, дежурите в подпитии. Как в прошлый раз.

— Откуда знаешь?

— По разговору.

— Ишь ты? Я капелюху принял, а ты унюхала?

— Ага. Вы, Геннадий Дмитриевич, человек аварийный. А как жутко ругаетесь. Кто стерпит?

— Сейчас я вообще промолчал! Козел легко отделался! А то бы... Свидетелей нет.

— Я свидетель. Собой не владеете.

— Я как увидел его рожу, кровь в голову кинулась!

— Надо остужаться.

— Чем?

— Хотя бы до десяти сосчитать. И не в КПЗ за десять суток, а прежде любого своего действия. Попробуйте для разнообразия.

— Попробую. Но сосчитать не успею, факт.

— На улицу выбегайте, в сугроб. Небось лучше поболеть дома, чем в КПЗ, а то и в СИЗО.

— Катюха, я пробовал. Чтобы на работу не идти. Не простужаюсь!

Насильственно работает, оказывается, заставили: надо алиментов довыплатить семьсот рублей.

— Вымогатели, так их перетак! Ой, извини.

— Какие алименты?

А судебный долг. Детям убитого им человека. В колонии филонил, шел на любые уловки — лишь бы не работать

— Ах ты, гусь, — сказала я.

Неожиданно оскорбился. Мгновенно, до голосового срыва.

— Я — гусь? Почему гусь? Я тебя не обзываю, а ты меня за что?

— Обзывай. А чем, скажи, птица гусь хуже козла, мерина и прочих животных, которыми обзываешься ты?

— Но не тебя же!

— Без разницы. Это гусю обидно: не за что с ним сравнивать. Ты лишил человека жизни, детей отца, да еще семисот бумажек жалко?! Ой, не могу... Вот чем жив, оказывается, вот что умеет он: восемь лет исхитрялся не работать, и сейчас мечта о том же! Ну, brave молодец. Ну, деловой мужчина. Ну, специалист!

— Кать, послушай...

— Наслушалась. Тебя не только к женщине и ребенку подпускать нельзя — ни к кому живому вообще. Кошки разбегаются!

Он закричал:

— Владимировна, ты чего разошлась? Я от таких слов шалею! Я сейчас расшарахаю что-нибудь!

— Лоб себе. Авось почувствуешься и задумаешься.

Он хихикнул.

— Ухожу, все, — сказала я.

— Куда? — спросил растерянно.

— Из эфира. Спать. Оставайся, дежурь.

— Это как понимать? Не звонить больше? Не станешь разговаривать? — И жарко упрекнул: — Ты же сама разрешила все рассказывать! И я, дурак, поверил, лопухнулся!

— Ночь уже, — сказала я. — Пропадаю от усталости.

— Значит, не совсем рассердилась на меня?

— Что на тебя сердиться? Твоя жизнь — твое личное дело. Каким себе нравишься, таким и живешь. А теперь клади трубку, мне до телефона долго добираться.

— Владимировна, не сердись?

— Клади трубку.

Повздохнул, покряхтел, отсоединился.

Озвучился он не вскоре и в полночь.

— Чуть попозже: попрощаюсь с человеком.

— Так поздно ходят? Ни фиги себе.

— А сам?

Перезвонил с вопросом:

— Одна?

— С тобой, Геннадий Дмитриевич. Мне с тебя тоже бы алименты получать: пополам дежурим.

Засмеялся.

— Я не против, Катюшка. Но ты скрываешь адрес. Скажи? Жратвы принесу всякой. В смысле поесть. И буду рад.

— Ты, Геннадий Дмитриевич, за девять лет жалкий долг детям не выплатил, не говоря уж о человеческих чувствах. Где тебе угощать, разоришься.

Он застонал:

— М-м-м, опять!

А я будто не слышу:

— Не бойсь, Геннадий Дмитриевич, на меня не потратишься. На алименты не подам, бесплатно дежурю.

Он взревел:

— Замолчи, Катюха, так-пере... Извини, довела.

— А чем, собственно? Еще в гости просишься. Даже до десяти не считаешь. И это — на расстоянии.

— Ты сама подкалываешь меня! Специально!

— Конечно, подкалываю. Специально. А ты чего ожидал? Похвал и согласия?

Он стал кричать про расшатанную в лагерях нервную систему, испорченный там характер.

— Нечего, нечего. В горе человек не портится, а лишь проявляется быстрее, какой он есть на самом деле.

— Я так и знал, я тебя уже раскусил! Думаешь, почему не звонил долго? Боялся, что не станешь разговаривать. А сегодня не вытерпел, по лбу, думаю, не ударишь.

— В отличие от тебя, — вставила я, — специалиста по рогам.

— Уй, Катюха...

— Не кричи. И что дальше?

— Ты стала разговаривать, и я обрадовался. Честно. А ты вон как, значит, со мной?

— Нормально я с тобой.

— Да выплачу я те деньги, выплачу! Работаю!

— И норовишь удрать в КПЗ. Ладно, остывай.

И так едва живая.

— Болееешь?

— Болею.

— А врачи че говорят?

— Ничего определенного.

— Кон-новалы, всех в Хабаровск!

— Язык не заболел?

— Нет! Я весь здоровый! И с тобой поделился бы здоровьем!

— Спасибо, чужого не надо.

— Тогда выкинь болезни в форточку. К чертовой матери.

— Нельзя в форточку: выкину к чертовой, а заболеют люди. Свой мусор надо в себе пережигать. Желательно, без копоты. Понятно?

А он возьми да спроси неожиданное:

— Ты о чем пишешь? Твои книги о чем?

О чем? Наверное, ни о чем надо, если тому же Г. Д. нечего бы предложить, разве что один-два рассказа.

— Чего молчишь, Катерина?

— О жизни я пишу, Геннадий Дмитриевич. Но слабусенько.

— Прибедняешься?

— Ой, нет. Живу богато, а пишу бедно, отдача от меня малая.

Горячо зауспокаивал:

— Да ну, не бери в голову. Инвалидка, живешь одна, даже книжки пишешь. Попробовал бы кто! Ни хрена не выйдет, удавятся на кровати спинке.

— Страсти какие. Давай прощаться. Горло болит.

— Устала?

— Да.

— А ты не можешь перелечь удобнее? Я подожду.

— Кот на ногах, под ним не шевелюсь.

— Удавить надо, фраера.

— Ты что, жалко.

— Но он мешает тебе? Разреши, удавлю, а, Катюх?

— Разрешить преступнее, чем сделать: сразу три греха.

— Сказанула. Ни одного!

— Первый: чужую жизнь приговорить.

— Котову!

— Неважно, чью: все мы в жизни на равных правах. Второй: во грех ввести другого человека. Третий: свою душу отяжелить. А моя и так во грехах.

Г. Д. развеселился:

— Твоя?! Сидишь дома и успела?

— Такое всегда успеваешь.

— Расскажи? Я тебе про себя рассказываю.

— Долго рассказывать. Например, с родителями ссорилась.

— Кто с ними не ссорится!

— Что мне другие? Я себе не прощу.

— Зря ты, Катя. И так слабая, больная. Нет, твои настроения мне не нравятся, надо тобой заняться.

— Займись. Для начала отпусти с дежурства. Утро-то скоро?

— Катя, утро еще не скоро!

— А куда убрали часы?

— Какие часы?

— Которые на столе стояли. Разве не было их?

— А-а! Были, верно. Их унесли в другой кабинет. — И очень заинтересовался: — Ты откуда знаешь про часы?

— Чакали, я слышала, а сегодня не слышу.

— Ну если ты сечешь все, ответь, что я сделал минуту назад?

— Закурил.

— Ну, даешь. Я неслышно это сделал!

— Дымом пахнет.

Он хохотнул, но вдруг усомнился, что шучу. Возразил неуверенно:

— Так не бывает. По телефону дымом не пахнет.

— Но ты куришь?

— Курю.

— Я вижу тебя?

— Нет.

— Делай выводы сам.

— Ты меня озадачила. Не знаю, что подумать.

— Еще не так озадачу, приготовься. А пока прощаемся.

— На самом интересном! Не уходи, а?

— Тогда послушай. О помощи и о вредительстве. Жизнь общая, все на всех отражается. Ты душишь кошку...

— Эй, Катюха?..

— Не перебивай. Ты душишь кошку — я здесь задыхаюсь. И в то же время ты желаешь мне здоровья, чтобы было кому позвонить. Или я: гневаюсь на кого-то, раздражаюсь, а ты трепанул встречного человека: подпитался и моим гневом тоже. Улавливаешь взаимосвязь? В пространстве сохраняются и действуют все наши помыслы и чувства: закон жизни. Все мы сообщники и соучастники.

Не уснул?

— Слишком мудрено, Владимировна.

— Да не слишком, Дмитриевич, если вдуматься. Технику безопасности на работе признаешь, сдавал?

— Признаю, сдавал.

— Сейчас тоже о технике безопасности говорю. В нашей повседневности, в пространстве.

— Ну, ты свое гнешь, это я улавливаю.

— Гни и ты свое. Только выясни сначала, где свое. Как выяснишь, если не успеваешь подумать? И вдруг он «выясняет»:

— Осерчала на меня, зато на «ты» зовешь теперь. Вроде как по-свойски, да?

— Верно говоришь, Геннадий Дмитриевич.

Он засмеялся:

— Свой, значит?

— Я не отказываюсь. Слышал? — на Земле все люди братья и сестры.

— Слышал, слышал.

— А почему в таком тоне?

— Братья и сестры — одна семья. В общем доме.

— Да я ничего, не подумай, а то опять...

— Не подумаю. Вот и не подводи меня, свою родственницу, дежурь надежно. Учись до десяти считать. Ага?

— Ага! — весело согласился он. — Спокойной ночи, приятного сна, Катя. Не болей!

— Спасибо, не буду болеть.

г. Юрга

Виктор К

Виктор Анат
бассразрезуголь
горизонты»

В ПРОС
СУДЬБЫ

Уж м
то з
вед
на ц

Про
как
в ра
такс

Не т
в са
Они
с на

Про
и бу
Труд
с на

Каз
бол
И ка
дер

Пер
гляд
Он
бес

Вру
кив
И ц
на с

Виктор КОВРИЖНЫХ

Виктор Анатольевич — в ОАО «Холдинговая компания «Кузбассразрезуголь» работал корреспондентом газеты «Открытые горизонты»

В ПРОСТРАНСТВАХ СУДЬБЫ СВОЕЙ

Уж коль вам Родина от Бога,
то знайте вы: из года в год
ведет обычная дорога
на шахты, поле и завод.

Пройдя невзгоды и ненастья,
как испокон заведено:
в работе ведать смысл и счастье —
такое избанным дано!

Не тем, что звездами бульвара
в салонных блещут небесах.
Они — творцы иного дара
с наивной правдой на устах.

Проступят в Родине, как тема,
и будет этот лик суров.
Трудом засеянное время
с нас спросит музыки и слов.

У памятника М. Волкову
в СПТУ г. Березовского

Казалось, он стоял веками
большого зала посреди.
И как ребенка, черный камень
держал у бронзовой груди.

Перед распахнутою дверью
глядел сурово на людей.
Он размышлял: кому доверить
бесценный дар земли своей...

Вручил в уверенные руки,
кивнув на сумрачную даль...
И целый край обрек на муки,
на славу, гордость и печаль...

ПЕРВЫЙ РЕЙС

В этот день я пришел самым первым в гараж.
Всю машину протер и прочел инструктаж.

Расписался механик в путевке моей,
И я выехал в мир из гаражных дверей.

Еду сам! Наконец-то, ура! Еду сам!
Из груди сердце птицей рвалось к небесам!

Я старался вовсю, всех подряд обгонял!
Все девчонки, казалось, глядят на меня!

На ходу доставал и курил «Беломор»,
На погрузку въезжал, как заправский шофер!

И как все шофера, я боялся, что вдруг
Остановит ГАИ и права отберут...

51

Был ухаб не помеха, было мчаться не лень.
Всю Россию объехать хотелось в тот день!

А вернувшись в гараж, я свой лист путевой
Нес — чтоб видели все: я — шофер с грузовой!

СНЕГ ШАХТЕРСКОГО ГОРОДА

Черный снег, черный снег, черный снег,
под ногами устало скрипит.
Он сойдет, он сойдет по весне,
но во мне он залег, не избыт.

Как вина за себя ль, за чужих,
он скрипит над душою моей.
Я боюсь, что отпущенных дней
мне не хватит его пережить.

Оглянусь и — ослепну на миг:
пробивается девственный свет,
словно детский пронзительный крик,
на снегу мной оставленный след.

БЕЛОВО

Копры, терриконы, трубы,
серый ослепший снег.
Дорог шахтерский рубль,
долг в России свет.

Уставший от штурмовщины,
лимитов и очередей,
все гонишь и гонишь машины
в пространствах судьбы своей.

Кричит о погонных метрах
газетная полоса!
Врастаешь корнями в недра,
кроной дымов — в небеса.

И помыслы не о награде,
о планах в речах сквозит...
О Богом забытом граде
церквушки свеча горит.

Судьбою своей ответил
за долгий России свет:
играют в шахтеров дети,
в парках ослепший снег.

Не просим любви у неба,
хоть там, у седых деревень,
припас голубого снега
декабрь на черный день.

ПРОЗРЕНИЕ

Экскаваторщику, на смене
раздвигающему отвал,
вдруг цветок на панель управления
непонятно откуда упал.

Засветились улыбкой губы,
шевельнулось в груди тепло.
Потянулась рука, но грубо
ощутила рука стекло.

Что за черт? — становилось страшно.
Кто ж сюда его приволок?
Он рукой заслонил ромашку, —
на руке проступил цветок!

Он домой возвратился — тяжело.
Он коснулся спиной стены —
улыбались в глазах ромашки
у готовившей ужин жены...

Заливал одиноко горе,
над стаканом в раздумьях стыл.
А в стакане стояли гордо,
чуть посмеиваясь, цветы.

...Он работал и плавил слезы,
выворачивая пласты:
шли раздавленные березы,
шли раздавленные цветы.

Передовому машинисту
экскаватора

Когда герою приз вручали
за перевыполненный план,
то под породю кричали
кусты, деревья и бурьян.

Когда ему пожали руки
и дали выступить ему,
то содрогнулся лес в округе
и обреченно впал во тьму...

Он кончил речь под гром оваций...
Неравнодушный ко всему,
я тоже хлопал, но, признаться,
я не завидовал ему.

Хоть понимал, что люди эти
ему признательны до слез,
в тепле сидящие при свете
свечей раздавленных берез.

Он уходил в рассветы буден,
в камнях теряясь и в дыму.
Он был уже мне неподсуден
и, может, даже никому...

СТАРАЯ КУЗНИЦА

Воздух пред кузницей горек на вкус.
Жалостный отблеск стекла над угляркой,
словно осинки растрепанный куст
в гулком пространстве вагонного парка,

Звон наковальни полынью сокрыт,
зябко несет из дверей пустотой.
Так просветленной прохладой сквозит,
будто под кузней колодец с водою.

Льются протяжно сквозь щели лучи,
полны щемящей вечерней печали,
словно наивного счастья ключи,
счастье, которое недоковали.

Полуистлевшие спицы колес,
мохом покрыты венцы и стропила.
Ветхую крышу прошила насквозь
жгучим дремучим побегом крапива.

В полночь под лай деревенских собак
скорбная тень кузнеца оживает,
тяжко вздыхает и курит табак,
угли в остывшем горне разжигает...

г. Белово

Леонид ЛЯГОВ

ТРИ РАССКАЗА

АВАРИЯ

В лаве их было шестеро. Колесников вел комбайн, а Конев и еще четверо рабочих крепили лаву.

Все произошло настолько неожиданно и быстро, что каждый из них, подчиняясь инстинкту самосохранения, действовал, не осмысливая происходящего, и позднее даже не мог точно восстановить картину событий.

Лавина мутной воды с кусками угля и штыбом, щепой и обрубками крепления обрушилась в лаву, подхватила и понесла шахтеров.

Потоком воды людей бросало из стороны в сторону, прижимало к почве и поднимало к кровле, било о стойки и борт забоя, с них рвало каски, и они остались без света.

Много ли времени прошло с того мгновения, как под напором воды, накопившейся в водосборнике, рухнула подрезанная комбайном стена угля, и вот они, мокрые, с волосами, забитыми илом, в ссадинах и царапинах, в разорванных спецовках оказались выброшенными в метрах десяти от лавы, туда, где начинался подъем штрека. Их спасло то, что водосборник был сравнительно небольшим, промежуточным, и поток воды, вымыв лаву, выдавив перемычки штрека, ушел на нижний горизонт. Но часть выработки, где находилась глубокая впадина — мульда — осталась под водой.

Первым пришел в себя бригадир Конев — невысокий коренастый крепыш. Он нашарил рукой провод от аккумулятора. Головка светильника на ощупь казалась целой, и Конев, чуть приподнявшись, повернул выключатель.

Свет вырвал из темени остальных членов бригады, которые были почти рядом с ним.

— Все живы? — Конев осветил мокрых перемазанных грязью товарищей, их удивленные и растерянные лица.

— Значит, подрезали-таки водосборник. А говорили, что еще семь дорожек в запасе. А где Володька?

Все невольно осмотрелись вокруг, как будто бы комбайнер мог где-то спрятаться. В момент прорыва воды он был у машины. Кто-то даже вспомнил, что слышал, как он крикнул:

«Вода!»

Но где Колесников сейчас? А что если его привало углем у комбайна или замыло штыбом в

лаве? Да мало ли что может случиться с человеком, первым принявшим на себя удар стихии.

Будь сейчас Володька рядом, они бы уже поспешили выбраться на-гора: сбросить мокрую одежду, помыться, перевязать раны и ссадины, просто прийти в себя от пережитого. Но Володьки нет! Значит, надо забыть о дороге вверх и искать товарища. Но где искать и как? Снизу в лаву не пробиться — затоплен штрек. Остается добраться сверху. Но вот беда — на пятерых осталось только две исправных лампы.

— Василий! — обратился Конев к самому молодому рабочему, — ты постарайся без света добраться до телефона и вызвать помощь, а мы с лампами пойдем в лаву.

Пятеро тяжело и устало выбрались на уклон, дошли до вентиляционного штрека. Посветили уходящему в темноту Василию, взяли запасной инструмент и по штреку проникли в лаву. Вот и комбайн, заваленный до кровли углем и породой. Облазили и осмотрели завал — Колесникова нигде не было.

Где же он? Убежать на поверхность, испугавшись случившегося — чего греха таить, бывает и такое, — он не мог. Это понимали все. Володька не той закваски. Завалило? А может, тоже понесло вниз потоком?

Конев оставил двоих горняков с одним светильником разбирать завал, а сам решил попробовать пробраться в лаву снизу, через затопленную мульду. Ему хотелось верить в то, что ловкий и проворный Володька успел все же выскочить из-за комбайна, и сейчас, возможно, сбитый водой лежит где-то в лаве.

«Конечно, — убеждал себя Конев, — лежит Володька. Будь он на ногах, нашел бы способ дать знать о себе. Кричал бы или стучал бы по конвейеру».

И вот они опять у края мульды, куда их выбросила лавина.

Конев считал, что длина сплошь затопленного участка штрека, невелика — пять-семь метров. Надо нырнуть в холодную грязную воду, проплыть под ней эти пять-семь метров, а там еще немного — и лава. Если, конечно, проход в нее не забит углем. А как тогда? Вернуться — хватит ли воздуха? Как ориентироваться в такой мути?

А может, подождать? Ведь еще минут через двадцать, ну от силы полчаса, — спасатели будут здесь: Василий-то наверняка поднял тревогу.

Он рискнет, а после этого не придется ли спасателям искать двоих? А четверо ребяташек, ко-

торые останутся без отцов? У него двое пацанов да у Колесникова дочь и сын.

А вдруг этих самых двадцати минут и не хватит Володьке? Он бы, наверно, не стал медлить ради товарища. Ведь вернулся же он тушить горящий кабель, когда все убежали, — вдруг вспомнилось Коневу.

Тогда, как только яркими, стреляющими брызгами разметался по монтажной камере фонтан искр, ударивший из раздавленного кабеля, все бросились бежать, опасаясь взрыва.

Побежал и он, Конев. И без оглядки. Быть бы ему на коренном штреке, если бы навстречу не пробежал Володька. Даже сейчас, по прошествии не одного года, показалось, что откуда-то издали эхом вернулся его тогдашний испуганный надрывный крик: «Володька! Куда? Назад... Назад!..» И в который раз ему стало не по себе оттого, что, чуть повременив, он пустился догонять мечущиеся по уклону огни, понося сдуревшего, как ему казалось, комбайнера.

Позже, когда вернулся на-гора вместе со спасателями, Колесников спокойно рассказывал:

— Сначала я тоже припустил будь здоров, а потом решил: раз взрыва нет, то вряд ли уже будет. А если не потушить кабель — не миновать пожара. И рванул назад. Влетел в камеру и давай сланцевой пылью засыпать горящий кабель... Да нет! Страх не испытывал, как-то некогда было! Тушил — и все.

И он сумел один до прибытия горноспасателей справиться с огнем. Правда, руки обжег, спец пропалил, но, кто знает, может быть, спас участок, а то и шахту. Никто тогда не упрекал ни Конева, ни других членов бригады за то, что убежали, но поступок Колесникова волей-неволей так и отложился в шахтерской совести.

Когда в шахте авария, первое дело — вызвать спасателей, а спешить на-гора или бороться с огнем — советчик в том совесть и здравый смысл, и никто другой.

«Нет, надо спешить, — Конев задержал взгляд на уходящем в лаву кабеле. — Вот и ориентир!» Он перебросил головку светильника на грудь и, обращаясь к напарнику, сказал:

— Попробую, авось, пробьюсь. А ты сиди здесь. Если что — расскажешь.

Он нырнул в холодную муть и, перебирая руками кабель, поплыл к лаве. Отсчет был простой: как стойка — так метр. У четвертой стойки стало не хватать воздуха, и Конев, круто развернувшись,

выскочил из воды, больно ударившись головой о кровлю.

— Что, нет прохода? — забеспокоился напарник.

— Не знаю, — наконец отдышавшись, ответил бригадир. — Я только четыре стойки осилил, духа не хватило.

— Давай я попробую.

— Да нет уж, сиди! — разозлился на себя Конев. — Я еще раз...

И, набрав полную грудь воздуха, он снова резко нырнул в воду. Нашупал кабель и как можно быстрее начал перебирать его руками. Вот и четвертая и пятая стойка. У шестой тисками стиснуло грудь. Конев отчаянно рванул вдоль кабеля и, глотая грязную воду, кинул тело вверх. И тут вдруг почувствовал, что между водой и кровлей есть щель с воздухом. Он судорожно вдохнул. Дальше пошло легче: скользя головой по кровле и сплевывая гадкую гущу, он метр за метром пробирался вперед. Воды становилось меньше. «Неужели проскочил?» — подумал Конев и только теперь почувствовал, как ему холодно.

Как он и предполагал, проход в лаву почти до самой кровли был забит штыбом и переломанным деревом. Выбрав доску, начал разбрасывать завал.

Вдруг рухнула стенка прохода из мокрого штыба и вдавила его в грязное месиво почвы.

Конев некоторое время лежал неподвижно. Потом уперся локтями в почву и, напрягшись, стал выбираться из-под штыба. Перебрав всех святых, принялся яростно расчищать проход. Наконец — лава, можно встать во весь рост. Вода все снесла, и под ногами, куда хватал свет, лежали серые отмытые плиты сланца.

Колесников лежал на конвейере, Конев наклонился над ним: Володя тихо стонал.

— Это ничего, главное, жив, — дорогой ты мой! — вслух заговорил Конев. — Сейчас мы тебя приведем в порядок.

Он приподнял комбайнера, бережно уложил на промытую водой сланцевую плиту, расстегнул на груди спецовку.

Вспоминая, чему его когда-то учили по оказанию первой помощи, начал массажировать грудь, тереть виски Колесникову.

Комбайнер открыл глаза, а потом тихо и тревожно спросил:

— Ребята как?

— Да живы, живы ребята, — обрадовался Конев. — И у тебя все цело, оглушило малость, пройдет...

Снизу по лазу, пробитому Коневым, показались двое спасателей-аквалангистов.

Володю вынесли на поверхность на носилках. И только через месяц в бригаде вновь покатывались от его озорных солоноватых шуток.

ДЕД АСТАФЬЕВ

Уже многие годы дед Астафьев приходил на шахту раньше других и, прежде чем идти на свой участок, поднимался на второй этаж в дежурку.

Еще с порога он неизменно вместо приветствия начинал свою сводку погоды: «Етта... днем дождь будет» или «Етта... через недельку лист пробьется».

Прогноз деда тут же обсуждался и сравнивался с тем, что сообщило о погоде радио, и, если в этом незримом споре Астафьев оказывался правым, кто-то обязательно вспомнит и при случае скажет: «Говорил же дед!»

Дед Астафьев был высок и не по годам строен. Ходил он чуть прихрамывая, но нисколько не сутулясь. И, будь он всегда чисто выбрит и аккуратно одет, подстриги он свои лохматые волосы, — даже мы, молодежь, поняли бы, что не такой он старый и уж вовсе не дед.

Говорил Астафьев, слегка заикаясь. Мальчишкой в гражданскую его контузило, и поэтому как бы для разгона он начинал почти всегда с известного всей шахте «етта».

С любым начальством он держался на равных, уверенно и независимо. И порой было удивительно наблюдать, как некоторые нетерпеливые начальники слушали, сдерживая себя, медленную косноязычную речь деда с бесчисленными «етта».

Однажды новый управляющий рудника, слушая отчет деда, — а он был тогда начальником добычного участка — резко оборвал его. Астафьев на минуту смолк, потом как-то странно посмотрел на управляющего. Тихо, но веско снова заговорил: «Ты етта... сынок, не торопись. Я ведь за стул начальника участка не держусь, а с земли меня не сбросишь. Когда я эту шахту закладывал, ты, етта... еще без штанов под стол ходил. Разобрался бы толком, чем шуметь-то».

Управляющему хватило ума деда больше не трогать, да и отчеты других пошли без излишней нервозности. Правда, деда вскоре перевели на ремонтно-восстановительный участок — нет, мол, нужного образования. Однако это не изменило его особого положения на шахте.

О том, как закладывалась шахта, дед рассказывал при любом удобном случае — в мойке ли, в дежурке ли, а то где-нибудь на полянке возле шурфа, — и всегда у него находились внимательные слушатели.

— Етта... — раскуривая папиросу, начинал обычно Астафьев, — было это, помню, аккурат в июле тридцатого года. Кругом, где ныне город, — сплошь березняк. Если и встретишь елку, то она, как та царевна в белом хороводе баб. Березки ровные, стройные. Это сейчас они, етта, на ветру и голом месте кручеными стали.

А полянки — любой девке на вкус. Трава высокая, мягкая, душистая. Етта... куда вы теперь за шесть копеек на автобусе домой ездите, мы с ночевкой на лошадях добирались. Вот ведь! Пока, бывало, по лесу едешь, такой красоты насмотришься, что теперь ни по какой путевке, что шахтком дает, не увидишь.

55

Пришли мы на место, где теперь скиповый ствол. Осмотрелись. «Здесь, — говорит маркшейдер, — и начнем».

Забили по его отметкам на поляне колышки. Етта... поставили у каждого по пол-литра. Сняли дерн — и шабаш. Уселись на травку и, етта... как Райкин говорит, «банкет устроили».

Назавтра стали копать. Лопатами, точно тебе большой погреб, рыть стали. Вскорости полки промежуточные поставили и вперекидку пошли. Труднее стало.

Затем лебедки подоспели — дело веселее пошло. И хоть плачь — березки под топор пошли. Каких молодых порубили! Все думали — много их — лес цельный. А где он теперь? В настоящую-то тайгу самолетом летать надо. Хоть и вручную, но с лебедками-то быстрее пошли. В месяц двадцать-тридцать метров готового ствола давали. А когда на нижнюю отметку сели, квершлаг засекли. На всю округу праздник был — шахту пускали. Вот, считай, с первой лопаты мой стаж и пошел.

За четверть века работы на шахте Астафьев больше половины, пока, как он сам говорил, не вышел в начальники, работал лопатой, кайлом, топором. Да и теперь при случае мог он не хуже молодого поставить «круг» или несколькими точными сильными ударами разрубить стойку. Он познал многие шахтерские профессии, но дольше всего был посадчиком.

Эта работа, где шахтер всегда лоб в лоб с природой, требует отчаянной смелости, необыкновенно быстрой реакции и большой физической силы.

Природная восприимчивость и постоянное, пусть подсознательное умение анализировать позволили Астафьеву овладеть особо тонким пониманием природы Горы. По каким-то только ему понятным приметам он почти безошибочно предсказывал, как поведет себя новая лава и какие неожиданности могут встретиться при ее отработке.

Но вершиной прозорливости и мастерства деда была и оставалась посадка лавы. Он, как никто другой на шахте, определял момент, когда нужно начинать посадку лавы и что делать, если она прошла не так, как ожидалось.

Искренняя, абсолютно бескорыстная доброта деда была столь велика, что он, не задумываясь, мог сделать немалый крюк в шахте и без всякого приглашения появиться в лаве, где ожидалась общая посадка, внимательно осмотреть выработку, чутко послушать, как она дышит, дать свой совет, когда и как надо бы садить лаву. Астафьев просто не мог не отдавать людям того, что знал и что имел.

Помню, однажды после общей посадки «лава не села». Посадчики вырубili все стойки, а кровля завального пространства не шелохнулась.

Работать в таких условиях в лаве нельзя! Никто не знает, как дальше поведет себя кровля. Она может тут же рухнуть, а может висеть так часы, дни, недели. Что делать? Ждать самообрушения, но сколько?

Главный инженер шахты, дед Астафьев и начальник участка поднялись по лаве вдоль нескольких рядов стоек, предохраняющих от завала рабочую дорожку у груди забоя, и бросили в зловещую темноту обрушаемого пространства снопы света своих ламп.

Свет выхватывал кучи угля и породы, перерубленные стойки и верхняки. Над всем этим на высоте двух метров угрожающе нависла серая, размером с футбольное поле каменистая плита кровли.

— Да!.. Ситуация, скажем прямо, непростая, — нарушил молчание главный.

— Етта... аккурат над лавой песчаник оказался — вот и чудо. Он и держит, — пояснил дед.

— Так что же с ним, заклЯтым, делать? — тревожно обратился молодой начальник участка к Астафьеву.

— Как что? Взрывать! Иначе, етта, кто знает сколь ждать придется, пока сверху надавит.

— Если вверху песчаник, то, видимо, без взрывных работ действительно не обойтись, — поддер-

жал деда главный. — А если причина другая? Может быть, мы просто с посадкой поторопились. Начнем бурить, а кровля сядет? Что тогда?

— Етта... по всем приметам всему виной песчаник. Кровля ведь совсем молчит, да и давление на стойки невелико. Ну а, кроме того, я этот пласт давно знаю.

— Может быть, и прав ты, Дмитрий Егорович, — продолжал сомневаться главный, — но где гарантия? И бурить при таком риске кого пошлешь?

— Етта... раз кровля сразу не села — она теперь и месяц простоять может. Помню, мне в такой завал дважды пришлось лазить. Раз взорвали, а кровля чуть просыпала и висит, холера. Пришлось второй раз бурить. Вот тут было действительно страшновато.

— Кто знает? В нашем деле раз на раз не приходится, сам знаешь. Думаю, — продолжал мысль главный, — надо еще сутки-двое подождать, а уж потом, если сама не сядет, бурить и взрывать.

— А по мне — наоборот. Чем раньше начать бурить, тем тревоги меньше. Етта... — повернулся дед к начальнику участка, — пусть сверло тащат. Я начну, а там, смотришь, и твои бурильщики осмелеют.

Начальник участка вопросительно посмотрел на главного, тот чуть кивнул, хотя чувствовалось, что сомнения его еще не покинули.

Все, кто ждал внизу лавы итога этого необычного совета, вдруг увидели, что в завале движется свет.

Кто же решился на это? И тут же подумали: дед! — и не ошиблись.

Пока искали бур и коронки, подтаскивали кабель, дед Астафьев не спеша лазил в завале, внимательно осматривая порубанные стойки и кровлю, обстукивал ее палкой.

Я смотрел, как метался свет в завале, и думал о том, что вот становятся же люди под мост, который они проектировали и строили, когда он принимает первый железнодорожный состав. Тоже страшновато, но люди верят точности своих расчетов. А во что верит дед? В свой опыт, в свою интуицию? Но ведь она-то, интуиция, тоже складывается из проб и ошибок. А что, если дед сейчас ошибается? Но свет по-прежнему мелькал в завале.

Осторожно, словно вступая в ледяную воду, в завал шагнул главный инженер.

Дед что-то стал пояснять ему, сердито стуча своей палкой по кровле. Вышли к груди забоя и здесь решили, что дед все-таки попробует несколькими скважинами определить крепость песчаника под обнаженной кровлей, а уж потом

другая? Моторопились. Когда?

виной пес-и давление я этот пласт

Егорович, — о где гаран-пошлешь?

— она те-О, мне в та-Раз взорва-ит, холера. было дей-

раз не при-жал мысль ждатель, а уж рывать.

начать бу-рнулся дед щат. Я нач-осмелеют. посмотрел твовалось,

необычно-жется свет. подумали:

кивали ка-вале, вни-ки и кров-

и думал о г, который принимает страшно-етов. А во ицию? Но я из проб ается? Но

о воду, в

ито стуча ди забоя бует не-репость ж потом

составить паспорт, чтобы вести работу по всем правилам.

Оттого, что вначале один, а потом двое побывали в завале и, не торопясь, спокойно беседуют, как будто над ними не каменная плита, способная мгновенно рухнуть и уничтожить все живое, а привычный, надежный потолок, мы тоже стали смелее. И, когда дед Астафьев взялся за сверло, бригадир Конев тоже подхватил его, и они потащили кабель в завал.

Бурить вручную всегда нелегко, но во много раз труднее эта работа, когда скважину нужно делать над собой, в кровле. Сверло приходится постоянно держать на весу, и здесь все решает крепость мускулов рук.

С бура бежала тонкая струйка светлого штыба. Когда Астафьев и Конев делали паузу, дед черпал ладонью крошево кровли и перетирал его пальцами, тщательно рассматривал.

После третьей скважины они вернулись из завала.

— Етта... думаю, что песчаник близко. После хорошего взрыва лава должна сесть сразу, — заключил дед свои наблюдения.

Назавтра, как и предсказывал дед, лаву посадили, да так удачно, что сразу смогли начать добычу угля.

Днем в дежурке подробно обсуждали прошедшую посадку. И стоило туда заглянуть деду Астафьеву, как он сразу нашел благодарных слушателей.

— Етта... когда садить лаву, спрашиваете? Главное тут уметь слушать и понимать, что она сказать хочет и как просится на посадку. Хоть она, холера, и грозная, но на самом деле, как малое дитя, бессловесная. А с ним как: чуть прозевал — и мокрый. Почаще заглядывай в завал, приглядывайся, да примечай. Стукни по стойке и слушай. Лава тебе звуком скажет, как ее давит... А потом затихни. Вслушайся. Кровля тоже по-своему «говорит», когда на посадку просится.

На любой шахте есть люди, авторитет которых намного выше их официального положения. Авторитет деда Астафьева покоился на его удивительном горняцком искусстве, цепкой памяти на людей, события, смелости в отстаивании интересов дела. И хотя дед был до придирчивости требователен ко всему, что касалось работы, все знали и чувствовали его доброту к людям и, может, даже излишнюю снисходительность к их слабостям.

Вспоминается такой случай. Лето. Четыре часа

дня. В шахтовой столовой уже немногочисленно. За столиком у окна четверо молодых рабочих. Они уже навеселе, потому, пренебрегая требованиями, смело выставили на стол очередную бутылку белой.

Дед Астафьев, заметив шумную компанию, направился к ним.

— Етта... что вы в будний день праздник устроили?

— Да мы, Дмитрий Егорович, Васькин день рождения отмечаем, — поспешил сообщить один из горняков, который хотя и смутился от вопроса деда, держался достаточно вызывающе: мол, за свои, где хочу, там и пью.

— Етта... брось дурить! Васька твой январский, а сейчас июль.

— Все-то ты, дед, знаешь! Ну, просто встретились старые друзья! Нельзя отметить?

— У тебя каждый, кто с бутылкой, друг. Потому ты и не просыхаешь. Мало тебя, Анатолий, гоняли, мало! Етта... ты и на казенной кровати переспать можешь, а им завтра лаву рубить! А ну, подымайтесь — и по домам!

— Да ладно, я твоих «етта», пока на участке вкалывал, досыта наслушался. Допьем и пойдем. Здесь ты и им не начальник. Так что не мешай культурно отдыхать!

Двое из четверых были с участка деда. Это были еще молодые ребята, которым завтра впервые предстояла трудная и опасная работа — общая посадка. Третий — Анатолий, тоже когда-то работал в шахте, но спился и теперь перебивался шабашкой. Он хоть и огрызнулся, но явно побаивался деда.

Четвертый, здоровый малый с выступающей из-под майки замысловатой наколкой на груди, был незнаком деду. Он не принимал участия в споре, но на его осоловевшем лице росло напряжение.

— Етта... начальник у каждого должен быть в голове, а ежели нет...

Дед резко нагнулся над столом, захватил бутылку и, не разгибаясь, бросил ее в открытое окно.

— Ты что, паскуда! — взревел, поднимаясь из-за стола четвертый.

Но тут же две сильные руки, слева и справа, рванули его вниз. Он плюхнулся на стул и недоуменно посмотрел на ребят, которые прочно припечатили его к сиденью.

— Етта... Василий, теперь забирай Петра и марш по домам! Тоже мне, нашли друзей!

Василий и Петро встали и, как нашкодившие

дети, опустив головы, потянулись к выходу. Суетливо засобиравшись и Анатолий.

— Етта... как тебя?— обратился дед к четвертому. — Смотри, браток, а то следом за бутылкой отправлю.

Дед Астафьев был физически еще очень силен и при случае мог скрутить и молодого — это знали все. Но не эта сила удержала компанию от скандала: с четырьмя он бы все равно не справился. Уважение к деду было столь велико и общепризнанно, что не подчиниться ему было просто невозможно.

Когда у шахтеров заходила речь об авторитете, высказывал об этом свои мысли и Астафьев:

— Етта... ты только появился на участке, а люди сразу прикидывают, пришел ли ты вкалывать или так, стаж на пенсию набирать. Ведь, как ни измерь, одна у человека мера — его работа. Етта... шахтера не обманешь. Если ты боишься лишний раз спец надеть, а как что, только виноватых отыскиваешь, — не жди авторитета. Не придет он аж до седых волос! Шахтер тебе многое простить может. Ну, ты там, допустим, грубый или резкий, шибко резвый или робкий, соображаешь долго или силенок недостает, или еще какая причуда. Главное — все ли ты, что можешь, делаешь, чтобы у него честный заработок был. Бывает и по-другому. Пока молодой, в делах прыток и с народом душа в душу. А как выше полез — и не узнать. Куда все девалось? Вот и слинял авторитет — одна должность осталась. У такого как стул отнимут, так сразу обмяк, как будто из него воздух выпустили. Я так думаю, без авторитета нет настоящего начальника, а есть только половина или того меньше.

Вся жизнь деда Астафьева была посвящена шахте, ее ритму, ее радостям и горестям.

Жил он недалеко в крепком рубленом доме, постройкой которого, пожалуй, и кончились его заботы о семье. Все остальное решала и делала жена. Три дочери, мужа которых тоже были шахтеры, жили самостоятельно.

Несмотря на возраст и стаж, дед Астафьев на пенсию не уходил: «Етта... что дома сидеть? Только бабе мешать».

В больницу его увезли прямо с наряда. Умирал дед долго и трудно: сильный организм не хотел сдаваться.

Со смертью деда шахта потеряла не только еще одного доброго человека, но что-то существенно большее, постоянно необходимое.

И долго еще в дежурке всем не хватало нето-

ропливого, хрипловатого «етта». Это было не столько ощущение потери привычного, как если бы вдруг срезали копер и неизменный контур шахтных зданий стал более низким, сколько ощущение, которое испытывают горняки, когда в рудничном воздухе становится чуть-чуть меньше кислорода — как будто все та же атмосфера, а дышится труднее.

ОБЩАЯ ПОСАДКА

За плечами шахтеров лежат долгие и трудные годы познания сил Земли. Годы, когда «разведка боем» была чуть ли не единственной возможностью вывести ее тайны и когда порой за крупницу опыта приходилось платить по дьявольским ставкам.

Общая посадка была той отчаянной работой-вызовом, которая, может быть, больше, чем любая другая, обогащала шахтерский характер.

58 ...Посадку решили начать с двух часов дня. К двенадцати часам все, кому предстояло «садить» лаву: посадчики, районный инженер, начальник участка, горный мастер — собрались на совет.

Пока всё оговаривалось, я сидел, слушал и смотрел на посадчиков. Спокойные, внимательные, без тени напряжения на лицах, хотя речь идет об одной из самых опасных работ, которую не кому-то, а им через пару часов нужно будет делать. Что это? Люди без нервов? Без страха? Или люди, абсолютно уверенные в своем мастерстве? Безусловно, уверенные, но одновременно сумевшие так глубоко запрятать свой страх, что не только окружающим — себе не видно. Есть и нервы, но сейчас не до них.

Вера в успех не случайна. Как правило, несчастных случаев при общей посадке почти не бывает. И уж относительно меньше, чем на других работах, если их сравнить по степени риска. Везение? Нет! Четкий расчет, ясное знание опасности и полная психологическая, физическая, моральная и чисто профессиональная подготовка к встрече с ней.

Но хотя запрятан страх и связаны нервы, память, стоит ее только чуть поворошить, оживит разные по удачливости посадки. Бывало, вырубил лаву, а кровля и не шелохнется; а то, только начнешь рубить — и уже бежать надо; а бывало убежишь, она чуть присыпет, и опять нужно идти рубить; и так по несколько раз. Всякое бывало!

Как и намечали, к двум были у цели. Посадчики сели «перекурить», а руководители посадки и бригадир пошли «послушать» лаву. Зашли на се-

редину за-
слушались
час чутко
треск сжи
разных ме
резкий со
идуший с

Даже и
гоголосый
но стоять
рядом сл
огромная
га, но мгн
же, мы не
словаясь,
заклучил
телогрее
рассредо
по пять с
позицию
тка вверх

— Нач

после ки

Насту

реключе

с длинной

Слыш

кровля,

топора,

и через

ду «Беж

Конеч

не услы

кто в це

за шаг

На г

бить ка

Разо

но по к

по цен

труда,

ется к

мельча

Вот

стреми

момен

бавляя

зад дл

нет. В

ли по

ударо

редину завального пространства. Замолкли. Прислушались. Пока шли, лаву слышали плохо, а сейчас чуткое ухо ловило идущий со всех сторон треск сжимаемых стоек, перестук осыпающейся в разных местах породы и говор Горы: то сильный, резкий совсем рядом, то глухой, далекий, словно идущий с поверхности.

Даже им, не раз сажавшим лавы и кому ее многоголосый тревожный говор привычен, стало боязно стоять и слушать, как давит Гора. Вдруг совсем рядом сломалась стойка и с шумом обрушилась огромная глыба. Районного пробрала дрожь испуга, но мгновенная, и он спокойно произнес: «Похоже, мы не ошиблись. Садить пора. Ну что же, благословясь, начнем», — и, обращаясь к бригадиру, заключил: «Зови ребят». Посадчики налегке, без телогреек и курток, без самоспасателей быстро рассредоточились по лаве. На каждого пришлось по пять стоек в дорожке. Районный инженер занял позицию рядом с ними в центре. Начальник участка вверху, а горный мастер внизу лавы.

— Начинай, ребята! — подал команду бригадир после кивка районного — и застучали топоры.

Наступило время обильного пота и полного перекрытия всего себя на свой острейший топор с длинным топорищем, слух и зрение.

Слышать и видеть нужно все: как ведет себя кровля, как ломаются стойки под ударами твоего топора, где те, что рубят справа и слева от тебя, — и через все нужно быть готовым услышать команду «Бежать!»

Конечно, когда рубишь, всего и не усмотришь и не услышишь, здесь нужны внимание и опыт тех, кто в центре, внизу и вверху лавы и все время шаг за шагом движутся рядом с тобой.

На первых дорожках пришлось полностью рубить каждую стойку. Гора пока помогала плохо.

Разогревшиеся посадчики дружно и часто, точно по команде наносили сильные и точные удары по центру стоек. Глядя со стороны на это буйство труда, думалось, что в полумраке лавы совершается какой-то таинственный, отработанный до мельчайших подробностей, ритуальный танец.

Вот все присели, резко взмахнули топорами и стремительно бросили их на стойки, и в тот же момент тела посадчиков качнулись вперед, прибавляя силу удару, а затем резко откинулись назад для очередного взмаха. Раз, два, три... стойки нет. Все слегка выпрямились, быстро посмотрели по сторонам, прыгнули в сторону, и очередь ударов обрушилась на новые стойки.

После седьмой дорожки рубить стало легче. Увеличилось давление, и теперь два-три хороших вруба — и стойка ломается пополам. В некоторых местах лопнули контрольные стойки, которые составляли нетронутыми. Это уже первое угрожающее предупреждение. Рубится легче, но работает труднее, все время в полусогнутом состоянии, все больше нужно остерегаться, все чаще нужно уклоняться от падающей породы и верхняков, да и не всегда успеваешь увернуться.

После десятой дорожки районный дал команду каждому рубить три из пяти стоек, а две только помечать неглубокими зарубками. Работа пошла быстрее, но все же медленнее, чем хотелось. Сказывались усталость и растущее напряжение.

После двадцатой дорожки районный приказал больше стоек не рубить, а только делать по две противоположные насечки. Все больше и все чаще осыпается кровля, уже ломаются даже слегка помеченные стойки. С минуту на минуту должна сесть лава.

Когда строй посадчиков перешел к двадцать третьей дорожке, лава заходила. Порода осыпалась непрерывно, сверху нарастал глухой рокот, стойки ломались от одного прикосновения топора, в завале не стало видно многих контрольных стоек.

«Бежим! Бежим!» — прокричал районный. «Бежим!» — понеслось вдоль ряда вверх и вниз. Районный на секунду задержался, желая убедиться, что все поняли команду, и бросился вслед за несущимися по лаве огоньками. Он побежал вниз лавы и, подгоняемый страхом, с легкостью опытного слаломиста пролетал мимо стоек, перескакивал через породные груды и пробивался через замысловатые завалы.

В тот миг, когда он достиг штрека, способного его уберечь, раздался все заполнивший залп тысячи орудий, и тут же воздух, выдавленный из лавы, одновременно обрушившейся кровлей, сильно ударил его в спину, опрокинул и покатило по почве.

Стало темно от плотного слоя пыли, поднятой ударной волной. Некоторое время он лежал. Ему было ясно, что опасность миновала, но все тело после перенесенного напряжения отказывалось повиноваться. Затем он приподнялся, но никого не увидел. «Где все? Неужели...?» Нет, он бежал последним, значит просто успели убежать дальше. А как те, что бежали вверх?

Тяжелая породная пыль оседала быстро, и районный скоро заметил дальше по штреку огоньки. Он встал и сделал шаг в их сторону и только теперь

почувствовал боль в левой ноге. «Вот черт, наверное, стукнулся, пока бежал», — решил он. Боль была несильная, и он, чуть прихрамывая, пошел на свет.

Посадчики, только что выигравшие рискованную борьбу с природой, еще не остывшие, возбужденные, осыпанные угольной и породной пылью, приводили себя в порядок, улыбались и острили.

— Ты видел, как Матвей мчался?

— Да разве при таком беге усмотришь.

— Вот, вот, Матвей всех обставил, хотя рубил в центре. Я думал, что ему теперь не остановиться.

— Точно, если бы на штреке не зацепился, быть бы ему уже в мойке.

— Чего там, в мойке, в столовой, поди, уже место выбирал бы.

— Что вы к человеку пристали? — шутя вмешался бригадир, — у него беда, чуть ли не вся личность видна, а вы: бежал, зацепился.

— В том-то и беда, что все узнают, что хвалиться нечем. А то, как мотористку заметит, так, смотришь, засеменит вслед.

Матвей, пожилой посадчик, часто служил мишенью для острословов. Он не обижался и даже как-то внутренне гордился тем, что снятие напряжения в бригаде шло через него, и тем, что всегда был центром внимания, тем более, что шутить над ним было позволено только друзьям. Они же любого чужого обидчика самого тут же делали объектом насмешек.

— Ничего, Матвей, не тужи. Я смотрю, здесь все бегуны хорошие, хоть сейчас на стадион, — вмешался в разговор посадчик с другого участка.

— Сейчас не надо, что-то спину ломит, да и в коленках дрожь не унимается, — попытался перевести разговор Матвей.

— А вообще ты, Матвей, прав. Первые дорожки пришлось здорово подчистить.

— Точно, я вот только после седьмой дорожки почувствовал, что наконец он там, наверху, стал топтаться и давить.

Матвей был забыт, и у всех до боли рук и напряжения ног ожила непомерная по внутреннему накалу схватка с Горой, тяжесть которой хотелось скрыть за шуткой и бесшабашностью. Нет! От любой общей посадки, будь она хорошая, как эта, или плохая, как некоторые другие, не отрешиться ни сейчас, ни после. Она у каждого посадчика, оставаясь навсегда, с годами переходит в ту неторопливую жизненную мудрость и непоказное мужество, которые, как мне думается, передаются по наследству.

Подошел районный:

— Никто не ушибся?

— Да нет, только вот Матвей поспешил штаны раньше времени снять, — опять возвращаясь к шутливому тону, ответил один из посадчиков.

Районный посмотрел на рванные клочья Матвеевого «спеца» и удивился: «Здорово его где-то крутануло», — и опять повторил:

— Если только штаны, то невелика беда.

А у остальных все на месте?

— Да так, всякая мелочь, царапины, заживет. Вот только Андрей почему-то решил, что ему топор больше не пригодится, — за всех ответил бригадир.

— Ну что ж, — районный поддержал шутливый тон, — посмотрим, где он топор бросил, а заодно и как лава села.

Подошли к лаве втроем: районный, горный мастер и бригадир. Здесь, внизу, усиленное крепление выдержало натиск Горы, и дорожку у груди забоя только слегка пересыпало.

Двинулись вверх. Гора еще пыталась возмущаться: трещало сжимаемое крепление, с шумом ломались в глубине завала породные глыбы, с резким хлопком рушились под ноги отжимаемые от угольного массива хрупкие зубчатые плиты. Местами же так поджало крепление, что приходилось не согнувшись, а ползком пробираться.

Не доходя до середины забоя заметили, что сверху движутся огни. На душе повеселело — тревога за тех, кто убежал вверх лавы, уменьшилась. А когда начальник участка прокричал: «У нас все нормально! А как у вас?», стало ясно: можно радоваться успеху...

Все реже на шахтах общая посадка, где острый топор, сильные руки и быстрые ноги решают, кто — кого. Там, где комплексы, вообще лаву не сажают — стальные плечи секций выдерживают давление Горы. Там, где еще не научились водить комплексы, стараются делать посадку, пользуясь патронами, которыми ломают стойки.

Но чтобы «заселить» лавы комплексами, шахтеры должны были издавна без продыха добывать «хлеб промышленности» и при этом разведывать, какие силы скрыты в тайниках земли.

Вот потому нужны были грязный пот и натруженные руки многих поколений горняков, нужны были риск и смелость посадчиков.

Сейчас под землей тоже пота немало, но меньше!

г. Кемерово

УЛЯГУТСЯ

Борис БУРМИ

УЛЯГУТСЯ СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Борис БУРМИСТРОВ

ИЗ ДЕТСТВА

Болотистое место,
Ни город, ни село —
Мое земное детство
Здесь ливнями прошло.

Гремели грозы майские,
Катились по земле,
И чашечки китайские
Звенели на столе.

Безногие, безрукие —
Пришедшие с войны...
Я видел боль и муки их —
Поверьте мне, сыны.

Была пора победная,
Закончилась война.
И нищая, и бедная
Вздыхала Дух страна!

Вырыл колодец глубокий,
Хлебное поле полил,
Избу срубил у дороги,
Песню об этом сложил.

Вышел в открытое поле,
Долго в раздумьи бродил,
Выкрикнул: «Вольному — воля»
И... в кабалу угодил.

Дороги, долгие дороги —
У каждого своя стезя,
Разлуки, горести, тревоги —
Как будто бы без них нельзя.

Две колеи по бездорожью,
Да эхо гулкое в ночи,
Меня пронизывает дрожью
Мерцанье гаснущей свечи.

Скользит огонь неудержимо
И тает, тает вдалеке...
И свет любви нерасторжимой
На этом тонком фитильке.

И след любви необъяснимой
Во тьме отыщется... И вновь
К душе измученной, ранимой,
Как Божий дар, придет Любовь.

Улягутся страсти-мордасти,
Прижмусь я легонько к плечу —
В твоей я, любимая, власти
И власть отбирать не хочу.

Хочу я лишь самую малость,
Печальною лирой звеня —
Дай Бог, чтоб у власти осталось
Немного любви для меня...

Шампанское куплю и шоколад,
Возьму улыбку в цирке напрокат,
Приду к тебе, шампанское на стол —
Пора кончать бессмысленный раскол,

Раскол в стране и кавардак в дому,
Давай тебя я лучше обниму,
У камелька, обнявшись, посидим,
Любовь — огонь, все остальное — дым.

г. Кемерово

Сергей ДОНБАЙ

«ЭМАНСИПАЦИЯ»

Встала жена, да не с правой ноги.
И расходилась в хозяйском пылу:
Скатерть одёрнет — графин вдребезги!
Простынь одёрнет — мужик на полу!

Встанет мужик. И не спорит, не ноет.
Молча стекло за собой подметёт.
После — жену «на скаку остановит»...
Словом, «в горящую избу войдёт»...

ШУТКИ ПРОГРЕССА

Защищаются жёны товарищей,
Все становится наоборот:
Муж теперь наравне с генеральшей
По семейному чину идет.

Раньше были милашки, красотки —
Им такое теперь недосуг...
Как мундир, надевают колготки
По утрам кандидатки наук!

И толкают прогресс... Шутки в сторону!
Юбки в сторону — новый почин!
Если так и пойдёт по-учёному,
Мужики не нужны им почти...

И стоим мы в обнимку с товарищем,
Хоть качаемся, всё же стоим,
Оскорблённые этим позорищем,
Потрясённые намертво им.

Перетерпим прогресса припадки,
Не до шуточек будет опять:
Захотят «поглупеть» кандидатки
И детей, как прабабки, рожать!..

ЖДАЛ АВТОБУСА НАРОД

Моросило целый день.
Грязь блестела за сараем.
И собакам было лень
Провожать прохожих лаем.

Ждал автобуса народ.
Каждый почитал за благо
Потоптать в свой черёд
У печи в избе сельмага.

И, вполсилы разозлясь,
Продавщица нас гоняла:
Натаскаете, мол, грязь,
Мой полы за кем попало!

Чтоб она была добрей,
Покупали карамели,
Выручку поправить ей
Помогали, как умели.

И пока про молоко,
Хлеб и мясо говорили,
Те, кто жил недалеко,
На обед домой сходили.

Ждал молоденький шахтёр,
В город вздумал после смены,
И глаза устало тёр,
Словно угольные тени.

Две девчонки для него
Хохотали всё неловко!
Это только и всего,
Что их грело под ветровкой.

На раздумия влекло:
Осуждали и курили.
Те, кто жил недалеко,
Подойти коров сходили.

В сапожищах из кирзы
На дорогу вышел старец:
То ль погоде погрозил,
То ль ещё кому-то палец?

Ждал автобуса народ,
Как работой занят трудной,
До сих пор, наверно, ждёт...
Я уехал на попутной.

г. Кемерово

Виктор БАЯНОВ

У реки рябина вянет
Чистая и строгая.
Кто б ни шел — пройдет, не глянет,
А проходят многие.

Я не знаю — тут наветы,
Мелкая ли ябеда,
Но никто с цветущих веток
Не срывает ягоды.

И стоит она, страдая,
Под веселой зорькою,
И такая молодая,
И такая горькая.

* * *

Дом как дом. Цветы да занавески.
Я его пороги обивал.
В этом доме я себе невесту
Много лет назад облюбовал.
На вечерках возле сельской лавки
Я, смущенно опуская взгляд,
Для нее играл на балалайке,
Все сбиваясь на минорный лад.
Перезвоны рассыпал я густо,
И, во всем хозяину верна,
О моей бессоннице и грусти
Говорила первая струна.
И ее ничуть не повторяя
В чистой перезвонной красоте,
Выводила тоненько вторая
О моей сердечной доброте.
Не тая моей мечты в секрете,
Смутными надеждами томя,
Голосисто подтверждала третья
Сказанное первыми двумя.
Я любимой пел о кленах, ивах,
Звал ее неведомо куда.
Но девчата смотрят на красивых —
Я красивым не был никогда.
Был невзрачней всех в ребячьей стайке.
И когда с другим ушла она,
У моей веселой балалайки
С горьким всхлипом лопнула струна...
Далеки сегодня те тревоги.
В край сердечной первой маяты
Ливни поразмыли все дороги,
Паводки порушили мосты.
Там все так же клен зарей подпален,
И девчата водят хоровод.
И влюбленный некрасивый парень
Струны балалаечные рвет.

* * *

Что-то слишком рьяно
Зной пошел спадать.
Что-то слишком рано
Стало холодать.
Зной стоял в июле.
В сентябре — тень.
Тридцать лет мелькнули,
Как один день.
Тридцать первый начат.
Слышу в тишине:
Обо мне судачат,

Как не обо мне.

Дескать, как ни сетуй,
С памятного дня
Юношам — сосед ты,
Пожилым — родня.
Не молва, не вести —
Сам приметлив тут —
Стороной невесты,
Стороной идут.
Я хожу подавленно,
Замедляю шаг —
Что-то тут неправильно,
Что-то тут не так...

г. Кемерово

Владимир ШУМИЛОВ

* * *

На бревешке перед баром,
будто сонные сурки,
борются в душе с пожаром
ранним утром мужики.

Кружек край посыпав солью
душегрейку распахнув,
грудью радуясь приволью —
цедят пиво, пену сдуют!

Хлебным дышат перегаром,
разминая животы.
Пропадают рядом с баром
до глубокой темноты.

И скрепит насос, вздыхая,
как кузнечный дышит мех,
кружки с пивом наполняя,
гонит шапкой пену вверх.

На день позабыв работу,
горячась, как петухи,
на насесте, всю субботу
«квасят» пиво мужики...

Ни заботы и ни горя!
Пусть вся жизнь и вкривь и вкось.
Лишь бы дым клубился в споре,
да поскрипывал насос.

СВАТОВСТВО

Утопив себя в тулупе,
не сомкнув бессонных глаз,
взял гармонь в большие руки
наш артельный водолаз.

Лихо выдал нам частушку,
а на это мастер он.
Сдвинул шапку на макушку —
греет душу самогон...

Все моря по дну излазил —
всё искал русалки след,
той, что жизнь его украсит,
отведет от всяких бед.

Разбегаются деревья,
небо брызжет синевой.
Дымом тянется деревня,
распластавшись под горой.

Не жалея, гармонь-тальянка,
разноцветные бока.
Чуют все, грядет гулянка,
свадьбе быть наверняка!

ЗАЯВЛЕНИЕ

За столом сидел старик и, дымя самокруткой, выводил дрожащей рукой на листке бумаги:

«Я, Митрофан Подберезовик, солдат Великой Отечественной, кавалер орденов Славы и Красного Знамени, прошу поставить меня в очередь на получение конно-гужевого транспорта в одну лошадиную силу, то есть коня, взамен полагающегося мне автомобиля «Запорожец». В чем собственноручно подписываюсь — Митрофан Подберезовик. Апрель 1985 года».

Сидевшая на краю дивана жена, Фёкла Парфёновна, шустро перебирала в руках вязальными спицами. Когда старик закончил писать и, отложив ручку, свернул тетрадный лист вдвое, она отложила на время вязание и, встав с дивана, заворчала на него.

— Говорила тебе, дурню, еще в прошлом году, пиши сразу бумагу на животину, нет, смотри, машину ему подавай. На кой тебе под старость лет хомут на шею вешать?

Митрофан сам понимал, что лучше для них будет лошадка. И безопаснее, и практичнее. Всепогодная гу-

жевая повозка в одну лошадиную силу — это сельский вездеход, не иначе! Тут тебе ни бензина не надо, ни хлопот с техосмотром, ни прав. А дышать, при случае, в пробирку — тем более. Сыпани с полведерка овса, кинь охапку сена и полный порядок. А что касается ГАИ, так об этом и говорить не стоит. Держи покрепче вожжи в руках и езжай на все четыре стороны, хоть вдоль, хоть поперек. Нет, что ни говори, а права старуха. Он закурил по новой. И все-таки, причиной написания заявления был случай трехнедельной давности. А дело было так...

Сосед, тоже фронтовик — Семен Поморцев, получивший от властей «Запорожец» с ручным приводом еще в прошлом году, собрался с женой в район. Узнав об оказии, Митрофан напросился на поездку. Надо было показаться хирургу. Давали знать о себе старые раны. При смене погоды осколки ходили ходуном в теле старика, вызывая боль в боку.

64

— Троиц места хватит, — отшутился Семен.

Время перевалило за полдень, когда, освободившись от дел, возвращались домой. Накатанная сельская дорога убегала черной змейкой за горизонт. Митрофан с женой Семена мирно дремали на заднем сиденье. Вскоре и сам водитель стал «клевать» носом. Он еще долго боролся с сонливостью, пока глаза не сомкнулись. Став неуправляемым, автомобиль угрожающе приблизился к обочине, забрав влево. Оказавшись на краю насыпи, «Запорожец» накренился и медленно завалился набок в кювет.

Очнувшись, пассажиры стали срочно выбираться из машины. Когда все трое стояли на земле, раздался хлопок, из-под крышки двигателя вырвалось пламя. Охая и пуская маты, Семен ковылял вокруг горящего «Запорожца» на деревяшке, не зная, что предпринять. Черпая пригоршнями землю, жена пыталась сбить пламя. Хозяин бросил взгляд на дорогу в надежде на помощь, но ее не было. По округе разнесся сочный мат. Видя бесполезность попыток потушить автомобиль, он плюнул в сторону и, замерев, стал смотреть, как тот догорит. Через полчаса от «Запорожца» остался обгоревший остов. Семен в досаде выпалил: «Бог дал, Бог — взял!» Махнув рукой в сторону груды железа, стал выбираться на насыпь.

После этого случая Митрофан и скумекал, что транспорт в одну лошадиную силу будет надежнее. Как раз в канун празднования сорокалетия Победы он получил свой транспорт, чему был от души рад...

г. Кемерово

Влади

Владим
«Кузбассраз-
дактором га

НА У

— А что
седатель
этаже ад
Бульд
четный от
ной прем
— Каки
— Нич
развалит
седатель
не для га
— То-т
Сдав о
хал до кон
до отпра
— О че
— О с
шего рай
— Ну,
живет, —
деревня,
— Иди
держится
тоже поз
вом зале
Иван
сиденье
— На
года в го
ро продо
перь обс
Со вс
подумал
Так он и
— Для
реконстр
угольные
— В с
жит и ва
Опять
как люди
лектор и
ближе к л

Владимир ИВАНОВ

Владимир Васильевич — в ОАО «Холдинговая компания «Кузбассразрезуголь» работал ответственным секретарем, редактором газеты «Открытые горизонты»

НА УГОЛЬЯХ

РАССКАЗ

— А что, Василич, не на лекции? — спросил председатель профкома, повстречавшийся на втором этаже административно-бытового комбината.

Бульдозерист Иван Морозов поднялся в расчетный отдел разреза уточнить размер начисленной премии, но никого не застал.

— Какие лекции, когда весна? День год кормит!

— Ничего! У такого хозяина за час хозяйство не развалится! — шутливо бросил комплимент председатель профкома. — Лекция у нас по плану да не для галочки. Весь народ с интересом пошел.

— То-то, я гляжу, по комбинату никто не шастает!

Сдав смену, Морозов из котлована разреза выехал до конторы пораньше. В коридорах пустота, хотя до отправки служебного автобуса оставался еще час.

— О чем лекция-то?

— О социально-экономическом развитии нашего района.

— Ну, это тем, кто в центре, в казенном доме живет, — махнул рукой Морозов. — У меня, считай, деревня, а не город.

— Иди, Василич, иди! Все равно автобус задержится. Что здесь попусту топтаться? Я сейчас тоже позвоню и приду. Иди. Весь народ в актовом зале.

Иван тихонько вошел в зал и сел на крайнее сиденье в последнем ряду.

— Наша область в прошлые десятилетия из года в год наращивала темпы угледобычи, — бодро продолжал лектор, поблескивая очками. — Теперь обстановка другая.

Со всей страны он только на область съехал, подумал Морозов, когда еще до нас доберется! Так он и за час не управится.

— Для решения стоящих сегодня задач будут реконструированы старые и построены новые угольные предприятия, — продолжал лектор.

— В общем объеме немалая роль принадлежит и вашему молодому предприятию.

Опять задавит цифрами! Уж лучше бы говорил, как люди жить будут. Словно угадав его мысли, лектор и в самом деле начал говорить о том, что ближе к людским интересам. Оказывается, в цен-

тральном жилмассиве разрезовского поселка будут со временем многоэтажные дома. Центр прорезал лог, по нему раньше бежал ручей, а теперь протекают канализационные стоки. Лога этого, значит, не будет, — его засыплют горной породой. Этого добра хватит. На месте лога построят стадион и кинотеатр. Построят колбасный завод, и что уж совсем удивило — появится чулочно-носочная фабрика. Правильно, что подумали о женщинах. Сейчас для них рабочих мест — раз-два и обчелся. Куда им пойти работать? Особенно, если нет в семье достатка. Ведь не в каждой семье мужик — горняк. Это правильно, что о женщинах подумали. Ивана лекция постепенно захватила, и до конца он слушал с интересом, как и вся аудитория.

После лекции зал поаплодировал. На сцену к лектору поднялся председатель профкома:

— Товарищи, вы уже выразили признательность лектору за его содержательный рассказ, давайте поблагодарим его еще раз.

Он захлопал первым. Зал его снова поддержал. После того как хлопки утихли, лектор что-то сказал председателю профкома.

— Да! Товарищи! — спохватился профсоюзный лидер. — Может, к лектору вопросы будут?

Вопросы были.

— Я так и не понял, сколько все-таки у нас построят новых угольных предприятий?

— Две шахты и разрез.

— А где конкретно они будут?

— Шахты на северо-западе, в районе, где сейчас геологоразведочная партия.

— А новый разрез где?

— Извините, товарищи, на этот вопрос я не могу ответить, — сказал лектор.

Наступило молчание.

— Может, кто из специалистов ответит на вопрос? — выручил председатель профкома.

Откликнулся главный технолог разреза:

— Угольный пласт в окрестностях нашего населенного пункта характеризуется сложным строением, нарушением синклинали, чем вызван обрыв пласта по простиранию.

— А нельзя попроще? — перебили его из зала. — На что нам эта самая синклиналь?

— Попроще? А проще будет так. Пласты в связи с нарушением как раз здесь выходят близко к поверхности и простираются дальше на восток. Значит, прямо под нами залегают. Здесь предполагается добыча открытым способом. Значит, Рябовка и остатки бесперспективной Романовки придется сносить. Это будет или вторая очередь нашего разреза, или отдельный разрез.

Зал молчал, осмысливая сообщение.

— А людей куда же? — спросили из дальнего угла.

— Жилмассив придется переносить.

— Так во что это обойдется?

— С затратами других ни в какое сравнение не идет! Это же не город переносить! У нас на месте разработок только частный сектор.

Ответив на вопросы, главный технолог сошел со сцены. Затем на другие темы отвечал лектор...

Когда выходили из административно-бытового комбината к автобусу, рядом с Морозовым оказался председатель профкома.

— Ну что, Василич, интересная была лекция? — спросил он.

— Интересная.

— Ну вот! А ты не хотел слушать!

— О-очень интересная! Премного благодарен! Спасибо за лекцию...

Не желая дальше разговаривать, он отошел от председателя профкома и вошел в задние двери автобуса.

На подворье к весне скопилось немало дел. Осенью при подтаске зарода сена на тракторах малы оказались даже широченные ворота в большой огород. Прошлым летом Иван Морозов заготовил как никогда много сена. Раньше он косил вдоль обочины дороги, на небольших полянах. Два года назад подрядился обихаживать в лесхозе саженьцы кедрача, а взамен лесхоз предоставил ему на своих угодьях покос. Добрый вышел зарод сена прошлым летом — из сорока копен! Его тащили домой с натугой два трактора. Но трактористы не сумели точно развернуться и в аккурат протаскать сено в створ ворот, — снесли часть городьбы. Чтобы не лазила чужая скотина, Морозов сделал временную загородку, воткнув поваленные столбы прямо в сугроб. Но весной снег осел, столбы скособоились. Потом, конечно, придется копать ямы и ставить их капитально, — когда земля оттает. А сейчас предстояло подпорками укрепить городьбу, этим делом Морозов и намеревался заняться сегодня после смены.

Знакомые ребята с автобазы возят материалы в совхоз. Иван договорился с ними, что обратным рейсом они подвезут ему навоз. Теперь этот навоз то там, то сям возвышается в огороде маленькими пирамидками. Нужно и навоз этот равномерно разбросать.

Хозяин оглядел свое подворье. В этом домепятистенке он был третьим поколением Морозовых. Дед, приехавший в Сибирь с Поволжья по причине раскулачивания, в поисках лучшей доли

кочевал с места на место, пока не осел здесь, в Рябковке, куда, оказалось, переселились родственники еще раньше, — в дореволюционные времена, в период столыпинских реформ. Во дворе некогда стояла хибара, срубленная из бревен в обхват, которую купил еще дед на жилье. Хибара та была сработана на совесть, но как-то так, будто плотническую работу исполнил медведь. Когда переселились в новый дом, она долго служила амбаром. А пятистенок выстроил дед Александр — на российский манер: со ставнями, с резными наличниками. Отец же после военных ранений особого здоровья не имел, — дом с дедовских времен не обновлялся. И все строения десятилетиями держались благодаря прочной сработанности дедовской рукой, пока Иван не подрос и не взялся за хозяйство... Вслед за дедом снесли на погост и отца.

66

После многолетних скитаний Иван Морозов осел в родной Рябковке, в родительском доме. Младший брат Дмитрий, на кого бы оставить родителей, возвращаться в деревню никак не захотел. От морозов, дождя и ветра побурели, растрескались и кое-где затрухлявились ставни и наличники. Иван Петрович нанял столяров сделать точную копию этих резных украшений, выкрасил их в веселый светло-зеленый цвет. Стены долго не поддавались воздействию времени. Однако с некоторых пор заметил Иван: почему-то повадились осы. Они кое-где выгрызли мох, выискивая место в бревне для устройства гнезда. Хвойные деревья в отличие от лиственных пород не имеют пустой сердцевины, куда могут осы добраться и устроить себе гнездо, потому они оставили свою бесполезную работу. Зато для Ивана это был сигнал, что время властно и над их родовым домом. Он обшил стены досками, покрыл олифой. С тех пор дом смахнул с себя угрюмость, пропитался солнечным светом и даже в пасмурную погоду смотрелся весело.

Сейчас частники стали строить дома с летними комнатами наверху. Иван намеревался разобрать крышу, сделать ее выше, а под ней оборудовать летнее жилье. Для этого пришлось бы урезать двускатную крышу навеса, который тянулся до бани. Дальше бани была стайка с тремя отделениями — для коровы с нетелем, овец и телят. Отдельно стоял бревенчатый сарай для свиней. У ограды на улицу — летняя кухня.

Хозяйство Морозовых на отшибе поселка. Дальше — места сколько хочешь! Вот и надумал он рядом поставить дом для молодых. Такой дом отгрохать, чтобы и внуки поминали добрым словом дела.

Такие вид...
да, видно, во...
зайство, но и...
сновались, с...
лодые осины...
околками зе...
лась чернев...
обживания...
ше. Вместо...
пистого пих...
ли не от зем...
зеленела та...
людей. Вся...
дом Алексан...
шел он бли...
шал лазить т...
надежными...
земли. Пото...
няя ветка б...
шест с наде...
ветку. По э...
Многому в...
таежная нау...
годы, когда...
промысел...
был беспре...
лении след...
чишка прин...
му он невол...
усмешки. Ч...
нимал взве...
ходить на в...
сились со...
хозяина. То...
лицом был...
зил на кедр...
их внизу в...
ному прива...
дерева. Ар...
что весь с...
ночевкой. И...
крепивши...
пали суме...
работу при...
шишке, он...
дил колоту...
но стесыв...
доски. Же...
ли через ж...
чашкой де...
Если не ус...
шелушива...

Такие виды на будущее держал в голове Иван, да, видно, все теперь пойдет иначе. Не только хозяйство, но и это благодатное место, где они обосновались, сойдет на нет. За огородом росли молодые осины вперемежку с акацией и черемухой, околками зеленел пихтач. Раньше здесь начиналась черневая тайга. Потом по мере застройки, обживания местности тайга отодвинулась дальше. Вместо нее остались вот эти островки разлапистого пихтача, ветви которого начинаются чуть ли не от земли. А дальше, насколько хватал глаз, зеленела тайга — врачевательница и кормилица людей. Вся жизнь с детства связана с ней. С дедом Александром еще в мальчишеские годы обошел он ближние кедрячи. Поначалу дед разрешал лазить только на кедровые невысокие, с толстыми надежными ветками, которые начинались почти от земли. Потом пошли кедровые потруднее. Когда нижняя ветка была уж слишком высоко, дед вырубал шест с надежной рогатиной, потом цеплял ее за ветку. По этому шесту Ваня забирался наверх. Многому в лесу научил дед мальчишку. Вся его таежная наука здорово сгодились Ване в военные годы, когда дед уже к тому времени ослаб и на промысел Ваня отправлялся с матерью. Тут он был беспрекословным хозяином. В каком направлении следовать дальше, где сделать привал, мальчишка принимал решение самостоятельно. Потому он невольно важничал и порой ловил материнские ужимки. Чтобы не попасть впросак, решения принимал взвешенно, в лесу манерами старался походить на взрослого мужика. Иногда с ними просились соседки, оставшиеся после войны без хозяина. Тогда уж трудились артелью, и первым лицом был снова Ваня. Еще бы! Ведь это он лазил на кедр и сбивал шишки! Женщины собирали их внизу в мешки и относили к заранее выбранному привалу под густой хвойной кроной старого дерева. Артелью можно было сбивать шишки почти весь световой день, — оставались в лесу с ночевкой. К вечеру набиралась гора шишек. Подкрепившись, начинали шелушить. Когда подступали сумерки, разводили костер и продолжали работу при свете огня. Ваня лупил колотушкой по шишке, она расплющивалась, потом резко проводил колотушкой по бревну, которое предварительно стесывали и ребрили на манер стиральной доски. Женщины на широкой холстине просеивали через железную сетку орехи от мусора, потом чашкой делили на равные части по числу людей. Если не успевали за первый день промысла, дошелушивали шишки наутро, а потом, подкрепив-

67

шись, направлялись домой. Зимой лежи себе, щелкай орешки! А подслащенное кедровое молоко! Губы оближешь! Мать в чугунном казанке толкла орехи, пока не образуется вязкая кашка. Потом заливала теплой водой, размешивала хорошенько и процеживала. Добавишь немного сахара — и лучшего напитка не надо! Вот так тайга заменяла корову в хозяйстве. Тайга была кормилицей во все времена, но особенно она выручала в голодные годы, будто чувствовала — людям без нее не прожить. Откуда по весне первая свежая зелень? Из тайги! Уже перед Первомаем из-под снега пробиваются первые ростки колбы чуть больше спички, а потом с каждым днем идет она стремительно в рост, теряя терпкость и острую горечь. Войди в эту пору в каждый дом — на столе пучок зеленых витаминов сдобривает приевшуюся за зиму картошку. Истосковавшиеся, изголодавшиеся по зелени глаза невозможно отвести от этого пучочка! И какая окрошка без колбы! Был как-то Иван в санатории, подавали окрошку с зеленым луком. Так она до того показалась ненатуральной, что есть расхотелось, лишь потом понемногу привык. В конце мая, когда колба уже большая и сочная, Иван обязательно заготавливает ее на зиму.

А в июне уже поспевают другие угодья — жимолость. Каждая хозяйка спешит тогда со своими ребятишками на свое заветное место и начинает на солнцепеке набирать сизые с вязким кисло-терпким вкусом ягоды. Отменное варенье из жимолости! Первое в новом году! Зачин есть, а там уже пошло-поехало! В поймах и по берегам водоемов прозрачными гроздьями (даже семечки видны!) наливалась красная смородина — ягодка-кислица. Вслед за ней в урехах да на болотах и черная смородина начинает поспевать, потом черемуха, рябина... И венец всему — кедровый орех! Хотя по кедровым Иван Петрович теперь уже не лазит, годы не те, но про ореховый сезон начинает думать загодя — сходит в таежку к ближайшим кедровым, поглядит на завязь: будет нынче урожай на шишки или нет. Потом, в последних числах августа, возьмет сговорится с друзьями да и пойдет бить орехи. В прошлом году они ходили втроем — зять Борис, сват Гриша и он. Лазил на кедр, конечно, Борис, они со сватом лишь шишки внизу собирали, но все равно на шишковое ощущение такое, будто молодость заново вернулась.

Да... Молодые годы, когда занимался таежным промыслом, отошли в прошлое, как уходит на нет и эта земля под наступлением угольного разреза.

Иван обил сапоги о фундамент. Еще дед поставил под дом массивные чурки из лиственницы. В последнее время многие хозяева в заботах о продлении жизни в своих уже потемневших от времени домах стали подводить под них бетонный фундамент. Когда Иван тоже надумал укрепить фундамент цементом вперемешку с гравием, стал выбивать из-под низу лиственничные чурки. Но они, оказалось, затрухлявились только снаружи, а ближе к сердцевине стали как камень. Тогда он обтесал трухлявый слой этих лиственничных подставок и залил фундамент. Теперь дом стоял на прочной опоре. Иван почистил сапоги о скобу, взшел на крыльцо под двускатной крышей и вошел в дом.

Дома были престарелая мать, зять Борис и дочь Лена. Жена Анна по путевке поехала подлечиться на Телецкое озеро. А то как оттаает земля да начнутся огородные работы, до самого снега спину не разогнешь.

Борис сидел за столом, Лена крутилась на кухне, а мать смотрела в окно.

— Как ты прошел? — спросила она, обернувшись к сыну. — Я тебя все выглядываю, а не заметила.

— Я огородом прошел, — сказал сын.

— Че задержался-то?

— Лекция была.

— А-а, — протянула мать, скорее довольная возвращением сына, чем лекцией, которую он слушал.

— Интересная лекция? — спросила дочь, когда Иван умылся и сел за стол.

— Интересная! В гробу б ее видеть!

Борис удивленно поглядел на тестя. Он сроду не видел его вскидывающимся по таким пустякам.

— Видать, лекция в печенки въелась, раз батя в гроб ее загнал, — сказал Борис.

Зять по характеру общителен, быстро сходится с людьми. Иван многое прощал зятю за открытое сердце. Но сейчас слова Бориса его покорибли, и он не сдержался:

— Это ты так со старшим говоришь?

— Ну, папа! — укорила Лена.

Морозов понял, что переступил черту. Не стоит с зятем так.

— Ты знаешь, о чем лекция была-то? — как бы оправдываясь, обратился он к дочери.

Но Лена обиженно поджала губы.

— О чем? — как ни в чем не бывало спросил зять.

— О будущем города.

— Нашего, что ли?

— А то какого же?

— Дальше хуже будет?

— Хуже!

— Как это? Если о будущем — значит, говорили о планах. А в планах у нас хуже быть не может. Планы — это же не жизнь! Это в жизни может хуже быть!

— Для других, может, в планах лучше, а для меня хуже.

Лена угадала, что отца раздражает не сам Борис, а что-то другое, и вступила в разговор.

— Чем, папа, хуже-то?

— Снесут все к чертовой матери!

— Вот это да! — изумился зять.

— По эту сторону дороги все снесут!

— И таежку, выходит, подчистую сведут?

— И ее!

— Это кто ж так распорядился?

— Запасы угля распорядились. Спасибо за лекцию — просветили!

— Жалко таежку. Такая красота пропадет!

— Красоту ему жалко! — усмехнулся Иван. —

А людей тебе не жалко?

— Людям что — благоустроенные квартиры дадут!

— А ты и обрадовался?

— А что? Тогда нам и строиться не надо!

— Все нажитое променять на какую-то казенную клетушку? — вздохнул Иван.

— Так за постройки деньги же выплатят! Двойная выгода!

— Вы-ы-ыгода!

— Что в этом плохого-то?

— Врагу бы такой выгоды не пожелал!

— Вам под старость наоборот лучше в благоустроенном доме.

— Ишь ты, какой заботливый! Ну, спасибо!

— Чего спасибо-то? И дрова не надо заготавливать, и уголь завозить, и вода под рукой.

— Легко так разбрасываться, когда сам на хозяйстве и мозолилки не нажил.

— А че отказываться, если дадут?

— Мода пошла — не зарабатывая получать готовенькое!

— Нам сколько еще пластаться, пока дом поставим, — сказал Борис, не обращая внимания на колкости тестя.

Зять идею постройки собственного дома воспринял без особого энтузиазма. Эх, нет в нем хозяйской жилки, нет! Сколько теперь их развелось, требующих готовенького! Наш город пока еще и не город, а так — поселок на поселке при каждой шахте. Многие могли бы строить свое жилье, а вот не хотят. Лес кругом, места вдоволь, а вот — не хотят.

— Правильно, — сказал вслед своим думам

Иван. — В своем хозяйстве упираться надо. Тут на диване у телевизора не шибко полежишь.

— Другие что — глупее нас, кто живет в благоустроенном доме?

— Вот-вот, я и говорю — свою линию гнешь!

— А как быть, у кого хозяйства нет — батрачить на частника?

— А ты батрачишь? Это я пекусь, чтобы дом был у вас свой!

— А на что дом, раз снесут?

Иван не успел ответить, — вошла со двора вместе с внуком мать. Сын замолк, но мать ухватила обрывок разговора.

— Кого снесут? — спросила она.

— Улицу нашу снесут, — откликнулся Борис.

Иван поглядел на зятя и покачал головой, — не надо бы матери все это знать.

— Улицу? — спросила она. — Почто так?

— Уголь будут добывать, — пояснил сын.

— Вот тут, что ли? — старуха постучала клюкой по полу.

— Тут, тут! — сказал Борис.

— Да это, бабушка, когда еще будет! — перебила Лена, осуждающе глянув на мужа.

— К тому времени, бабушка, лет полста пройдет, — исправил Борис свою оплошку.

— Слава богу! Не увижу разора, — сказала старуха. — Буду уж в могиле.

— Нет, бабушка, тебе еще жить да жить, — подбодрила ее внучка.

— Не приведи, господи, дожить до этого!

— Не до этого, а вообще поживите, правнуков понянчите, — утешил Борис.

— А могилки тоже снесут? — спохватилась старуха.

— Кладбище трогать не дадим, — успокоил ее сын.

— Улицу, значит, снесут, а кладбище оставят, — рассуждала вслух старуха. — И горы кругом наворочают. Видала эти горы, как в церкву в город ездила. Завалят, и будешь лежать под землей-то!

— Бабушка, ведь мертвые в земле и лежат, — сказал Борис.

— Лежат-то лежат, да по-людски лежат, — возразила старая. — А тут так завалят — и следов не останется! Как вы к нам в Родительский день или в Троицу придете? Могилок-то не будет!

— Если что — кладбище перенесут, — сказал Борис, стараясь успокоить бабу. — Перенесут на другое место, приходите к родственникам на поминки будет куда. Уж помянем.

— Так снесут или нет? — строго обратилась старуха к сыну.

— Ну что ты, мать, ей богу, снесут — не снесут! — ответил Иван. — Когда это еще будет, если и снесут.

— Выходит, снесут, — заключила старуха. — Ты, значит, трактором своим кладбище порушишь, прах отца своего из могилы вытолкнешь и вон его! А меня похоронишь — потом тоже откопаешь? Погрузишь кости в машину — и в овраг! Вот как теперь родителей почитают. Ну спасибо, сынок!

— Бабушка, тебе нельзя волноваться, — сказала Лена.

— Тогда уж и деда своего Александра, и бабу Дарью в овраг один с нами, чтоб вместе! Гляди, не раскидай родовой в разные стороны! Вместе на погосте, вместе и в овраге чтоб!

— Не тревожься, мать, — снова успокоил ее Иван. — Что мы, такие уж супостаты?

— И роют, супостаты, и роют! Уж сколько земли раскурочили! Грех-то какой!

— Как же нам без угля-то? — вставил было Борис.

Но бабушка продолжала свое:

— Угроздило поселиться на чертовых угольях! Вот теперь на угольях этих черти и жарят. Не к добру это, ох, не к добру — подымать мертвых и губить живое. Восплачете, да поздно будет!

Не притронувшись к еде, она удалилась в свою комнату.

Ужинали молча. Потом Иван вышел на крыльцо и закурил. Слова матери пуще растревожили душу. Вот тебе еще забота! Одно дело — вести работы на безлюдье, другое — когда на своей родимой сторонке, где на земле и в земле — все свое, кровное, родное... И как теперь руками рвать кровные узы, вырывать родимые корни! Морозов сошел с крыльца и пошел к срубу. Что с ним теперь делать? Думал: отгрохает дом, возведем пристройки, как у людей, и даже лучше, а вот как все оборачивается! Но ведь не завтра здесь начнут уголь брать, — может, жизнь человеческая пройдет! Но такое самоутешение мало помогло. Что толку вить гнездо, если знаешь — его снесут. Из жизни уходит главное — уверенность в будущем, теряет смысл забота о хозяйстве. Но начатое дело надо закончить, — завтра они со сватом продолжат наращивать сруб. Морозов пару раз стукнул сапогом о землю и прислушался. Внизу пролегал угольный пласт, который выбил почву из-под ног, лишил душевного покоя...

Ночью Иван видел сон. Они с дедом вдвоем пошли шишкарить. Возле высокой гладкоствольной кедры дед вдруг снял котомку. Раньше старик никогда не понуждал его лазить на такие могучие кедры.

— Залазь! — приказал старик внуку.

Это Ваню сильно удивило.

— Дед, я боюсь, — сказал он.

— А-а-а! Боишься! — злорадно выкрикнул дед. — Копать глубоко не боишься, а лазить высоко боишься?

Под жестким взглядом деда Ваня полез на кедр. Руки соскальзывали, трещали сухие ветки под ногами. Порой казалось, — вот-вот оборвется. Но все-таки добрался до кроны, где на сизых шишках белыми точками проступала смола. Тут он пригляделся и увидел, что шишки пустые: склеваны птицами.

— Дед, орешки-то склеваны! — крикнул Ваня вниз. — Только зря меня сгонял!

— Выше погляди, выше! — донеслось снизу.

Ваня вскинул голову — там на самой макушке тройчатками висели крупные шишки. Хотел было полезть вверх, но поднялся ветер, стал раскачивать макушку. Оглянулся вниз и ахнул: это не ветер раскачивает, а экскаватор старается вывернуть кедр и повалить наземь. Что же дед-то такое позволяет, подумал Ваня, он же знает, что я на вершине.

— Дед, а дед! — стал окликать Ваня.

Но деда и след простыл.

«Что же это я кричу? Ведь он в могиле лежит!» — подумал Иван, просыпаясь и выходя из тревожного сна. Он давно уже не видел себя во сне маленьким, таким беспомощным, — стало жаль себя. Закурил и долго лежал с открытыми глазами...

Наутро приехал с соседнего горняцкого города, как и договаривались, сват Гриша Шилкин. Принялись плотничать. Иван любил хозяйскую работу еще и потому, что в делах забывались душевная сумятица, житейские неурядицы. Вот и сейчас, пока ошкуривали бревна и подгоняли их друг к другу, из души ушла вчерашняя хмарь. Весело перетюкивались топоры, работа шла скоро.

— Слышь, Гриша, нас-то переселять будут, — сообщил Морозов, когда присели на перекур.

— А что так?

— Уголь будут здесь брать.

— Может, не тронут.

— По нашу сторону дороги все снесут.

— Угля кругом вон сколько! Что под деревней-то рыть?

— Коли уж начнут, нас не спросят.

— Откуда известно?

— Лекция вчера была на разрезе.

— Чему быть, тому быть! Благоустроенную квартиру дадут.

И этот туда же! Яблоко от яблони... Слова свата резанули по живому, но Морозов промолчал.

К вечеру прекратили работу и вошли в дом. Борис сегодня в первую смену, а сейчас уже дома.

— Что не вышел помогать? — спросил его старший Шилкин.

— Так он только-только со смены, — заступилась Лена.

— А где мать? — обратился к ней Иван.

— Бабушка? Говорила, схожу к бабке Агафье.

— Ты нам сготовила что-нибудь?

— Картошку стушила. На плите. Папа, мы спешим в кино. На стол сами соберете, ладно?

— Да уж ладно. Бегите, — согласился отец.

Молодые ушли. Иван приготовил на стол, выставил белоголовую.

— Вот ты, Гриша, говоришь — чему быть, того не миновать. Это что же, так, за здорово живешь, нас и сгонят со своей земли? — спросил Морозов, когда пропустили по первой.

— Да брось ты, Иван, — махнул рукой Шилкин, закусывая. — Когда это мужика о земле спрашивали? Нагонят техники и начнут копать. Не отступятся. Сам же видишь, уголь тут под ногами, копнешь — и вот он! Самый дешевый, на него много тратиться не надо.

Залежи каменного угля и в самом деле кое-где выходили прямо на поверхность. Еще дед, до строительства шахт, привозил из тайги на лошадях уголь. Да и не только он один, — в кои времена наткнулись мужики в пойме речки Каменушки на блестящие сколы угольного пласта, вынесенного со склона горы весенним паводком; с тех пор, кто имел охоту, ездил в лес к прорубленной штольне. Потом эти штольни забросили — после пуска шахт стали выписывать уголь в конторе. Да и во время войны уже мало кто ездил, в домах, считай, одни старики, бабы да пацанва. Зачем им, маломощным, было кожиться, когда лес на дрова рядом...

— Оно конечно, тут угля невпроворот, — сказал Иван. — Но почему из-за него людей переселять и срезать с земли все живое? Уж лучше строить шахту, чем брать открытым способом.

— Вот ты как заговорил! А что же сами-то экскаваторами да бульдозерами у себя на разрезе землю живую похабите? Мы-то у себя в шахте этого не делаем!

— Наш разрез — на безлюдье, ничьего хозяйства не трогаем.

— Вот видишь, сразу нашел себе оправдание! Вот так же и государство. У него, может, тоже свои

резоны. Что с его точки зрения наша земля? Так, клочочек мизерный, пятачок. А там, между прочим, миллионы тонн угля. Вот и выходит — уголь перетягивает потерю земли. Вот как оно — с государственной колокольни!

— А еще бы с государственной колокольни — каждому бы во дворе свою живность держать! — поддел свата Морозов.

— Я свое на производстве отдаю, пусть они свой долг передо мной выполняют.

— Кто это «они»?

— Кто кормить меня должен.

— А кто должен?

— Кому уголек добываю.

— А ты, значит, пришел со смены и лежи?

— Что мне делать?

— Вести свое хозяйство.

— Я в казенном бараке живу.

— В бараке-то каждому своя стайка есть. Был же у тебя, видел, соседи твои ведь держат живность.

— Я вот не желаю.

— Мыслить государственно мы можем, а крутиться по хозяйству — нет. Ты мог бы себе и дом давно поставить.

— Зачем? Мне теперь квартиру вырешат! — сказал Шилкин.

— Какая квартира! Ты же видишь — о перестройке заговорили! А ремень — все туже затягиваем. Вон в магазинах — все сметают подчистую, уже и брать нечего. А чем все это кончится? Теперь не то что квартира, пенсия будет ли, нет ли!

— Будет, будет! Брось-ка, Иван, свою душу беречь, — примирительно добавил он, когда выпили по новой. — Я тебя понимаю. Кому охота наживать, наживать и остаться в дураках.

— Так, так! Держим хозяйство — потому дураки, а вы, значит, умные?

— Да не заводись ты! Прикинь — кто в накладе, а кто в выигрыше. Снесут — каждому квартиру дадут. И барачным, и частникам.

— Ха! Наивный человек! Думает, все это будет, и он будет в выигрыше!

— Кто хозяйство теряет, ты или я? — спросил Шилкин.

— Кто на боку лежал — будет смеяться, а кто вкалывал — плакать.

— Ну, вам компенсацию дадут за дом, за постройки.

— На хрена мне компенсация? Мне силы и годы кто скомпенсирует? Ком-пен-са-торы!

— Ты бы у лектора допытывался. Что с меня-то взять?

— Правильно! Что с тебя взять? Вот ты и в выигрыше! У Бориса тоже нет души к хозяйству.

— Да продай ты сруб! Раз снесут — зачем горбатиться?

Ивану весь строй рассуждений Шилкина поперек горла.

— Вот, вот! — сказал он. — Можно не делать — зачем же делать? И опять в выигрыше! Можно без десятилетки? Можно! Можно без института? Можно! Зачем учить, зачем тратиться? Спихнул сына в ремеслуху подальше с глаз — опять в выигрыше.

— Намекаешь, что на дочь шибко растратился? — спросил Шилкин. — Я, выходит, сыну ноль внимания?

Тут Иван опомнился. Разговор безнадежно пошел мимо чего-то главного. Сказать о главном мешало какое-то необъяснимое раздражение, какое бывает, когда несколько суток подряд не добирался сон.

— Бес с ним, со всем этим! — сказал он примирительно. — Зачем раньше времени голову забивать? Как-нибудь все обойдется.

Григорий вначале хотел было обидеться серьезно, но был отходчив и откликнулся на дружеский тон свата:

— Ведь в самом деле! Не пропадем же в конце концов!

— Верно, — подтвердил Иван, разливая остатки по стаканам. — На наш век хватит, а молодых мы по миру не пустим.

— Точно! Не пустим! — согласился Шилкин, поддевая вилкой шляпку черного груздя. — Лучше нас еще будут жить!..

Покончив с ужином, вышли на крыльцо. Закурили. Поговорили о том, о сем, но как-то скучно, вяло. Сват с третьей смены, ушел в дом подремать.

Когда Иван остался один, снова наплыли невеселые думы... Раньше совсем не так было. Встречались, строили планы, ставили сруб в полной уверенности за будущее детей и внуков, а стало быть, и самих себя. Знать бы точно, как все дальше пойдет. То ли ставить дом для молодых, то ли нет? Сруб-то, конечно, надо доделать в любом случае. Может, и построиться надо. В самом деле, когда еще снесут? Да и снесут ли? Нет, на лекции-то было сказано, что снесут. Значит, планы давно составляют. Но раз планы есть, надо и сказать, когда это будет! А то что за лекция! В гробу ее бы видеть! Да причем тут лекция?.. Теперь голову под крыло, как гусак, не упрячешь. Прежнего покоя теперь уж не видеть...

Александр КУРИЦЫН

БОРЬКА

РАССКАЗ

Занесенная снегом промплощадка безвинно убиенной шахты «Пионерка». Тишина. Тлен. Запустение. Разграбленные, полуразрушенные технологические здания.

По узенькой тропке между бойлерной, машинным зданием подъема и слесаркой медленно бродит старый белый песик по кличке Борька.

Иногда он садится перед дверным проемом и подслеповатыми глазами всматривается в темноту заброшенной слесарки, словно ждет, что из тьмы вот-вот появится человек в шахтерской робе, накормит, обогреет, погладит по голове, почешет за ухом.

Не дождавшись, Борька, спотыкаясь, бредет назад к бойлерной, где еще теплится жизнь и найдется добрая душа, которая позаботится о нем.

Войдя в помещение, он тяжело вздыхает, ложится на бетонный пол, опускает голову на лапы и закрывает глаза. Борька думает. Мысли тяжело ворочаются в его голове.

Он вспоминает, как крошечным щенком оказался выброшенным на улицу, а идущий на смену шахтер пожалел бедолагу и принес его в слесарку подъема, которая стала щенку родным домом.

Нарекли щенка Борькой. Случайно или ради хохмы он стал тезкой тогдашнему механику. Поставили Борьку на довольствие, и стал он полноправным членом шахтерской братии. Шахтеры щедро делились с ним своими пайками, баловали песика, а он платил за ласку преданной дружбой. Пес провожал их до дверей надшахтного здания, когда они спускались в шахту, встречал после смены, ревностно охранял территорию, яростно облаивал посторонних, появлявшихся на его объекте.

Это стало Борькиной работой, которую он добросовестно исполнял.

Так прошло много лет. Борька постарел, но жизнь его была вполне благополучной. Он по-пре-

жнему был сыт, обогрет и обласкан своими многочисленными покровителями.

Но пришли беда. Шахту закрыли.

Шахтеры встревоженно шумели, придавленные свалившейся на них напастью, а Борька с беспокойством заглядывал им в глаза, пытаясь своим собачьим умом понять, что же случилось с его всегда веселыми хозяевами.

Шахтеры покидали шахту в поисках работы.

Когда опустела слесарка, один из них увел Борьку к себе домой, но на следующий день пес вернулся туда, где прошла его жизнь, где он был счастлив среди людей в промасленных шахтерских робах.

Теперь он бродит по пробитой в снегу тропке между мертвыми зданиями, заглядывает в провалы дверей и еще надеется, что вспыхнет в темноте огонек шахтерской лампочки и позовет его знакомый голос.

Когда закроется бойлерная, Борька останется совсем один, без крова, без пищи. Смерть шахты будет и его смертью. Борька чувствует ее приближение инстинктом, переданным ему многими поколениями его предков.

А пока он лежит в своем последнем пристанище, положив голову на вытянутые лапы, и виляет облезлым хвостом, когда вспоминает свою молодость, сытую жизнь и ласковые шахтерские руки.

И вот наступил день, когда Борька почувствовал, что умирает.

Он сполз с крыльца и, шатаясь на дрожащих лапах, поплелся по знакомой тропке. Несколько раз пес падал, но с тяжким стоном поднимался и упорно шел вперед, пока не дотащился до слесарки.

Здесь силы его иссякли окончательно. Борька упал в снег у дверного провала, конвульсивно дернулся и затих навсегда.

Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что Борька умер не от старости, а от тоски, от того, что ему не для кого и не для чего стало жить. От того, что порвалась нить, связывавшая его с теми, кто его любил и кого любил он.

Без этой любви жизнь потеряла смысл.

Дай Бог, чтобы шахтерам повезло больше, чем их питомцу.

г. Белово

Валентин МАХ

ДАЛЕКИХ П

Валентин Васильев
«бассразрезуголь» ра
горизонты»

Сожми
Да так,
Закреп
Далеки
Проник
Шагни
И уясни
Огонь д
Пока е
Свиреп
Еще не
Угрюм
Присяд
У полу
И слуш
Его рас
Пускай
И заби
Ты пре
Пред д
За то т
Тебя со
За все
За тай
В свой
Земле
И миру
Видень
И как
Подар
Кузнец
На сто

Жи
Не
Ка

Валентин МАХАЛОВ

ДАЛЕКИХ ПРАЩУРОВ ТЕПЛО

Валентин Васильевич — в ОАО «Холдинговая компания «Кузбассразрезуголь» работал первым редактором газеты «Открытые горизонты»

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

Первооткрывателю
кузнецких углей
Михайле ВОЛКОВУ

Сожми в руке горячий камень,
Да так, чтоб в кровь твою вошло
Закрепощенное веками
Далеких пращуров тепло.
Проникнись их наивной верой,
Шагни неслышно в темный век
И уясни, что думал первый
Огонь добывший человек,
Пока еще не ставший тленом,
Свиреп глазами, ликом сер,
Еще не вышедший из плена
Угрюмых каменных пещер.
Присядь с ним на косматых шкурах
У полуночного костра
И слушай медленно и мудро
Его рассказы до утра...
Пускай слепые пляшут тени
И забивает горло дым —
Ты преклони свои колени
Пред диким пращуром своим
За то тепло, что ночью тою
Тебя согреет до утра,
За все земное и святое,
За тайну первого костра.
В свой век вернись перед рассветом
Землепроходцем с посошком
И миру расскажи об этом
Виденье гаснущем своем.
И как итог своих исканий
Подарок мысли и души —
Кузнецких мест горячий камень
На стол народу положи.

Живет на свете женщина
Невесело и странно,
Как ветер, переменчива,

Как совесть, постоянна.
В ней боль земная смешана
С последнею надеждой.
Живет на свете женщина
Красивой и нездешней.
Свои глаза-печалины
Она несет по городу
До смелости отчаянно,
Возвышенно и гордо.
С путями этой женщины
Задумчивой и строгой
Случайно перекрещены
Мои пути-дороги.
Я знал ее любимого,
Любимого, неверного,
Никем не заменимого,
В душе ее, наверное.
Рассветы, весны, осени
С ним накрепко запомнены.
Куда его забросили
Дороги заокольные?
Ужели его, грешного,
Ни разу не окликнула
Тревога этой женщины,
Любовь ее великая?
Прошу у жизни малости,
Прошу у жизни милости,
Не доброты, не жалости,
А просто справедливости.

На поляне, руки вразброс,
Я стою, осиянный зноем.
Шмель, как маленький бомбовоз,
Тяжело гудит надо мною.
Шебаршат в траве муравьи —
Работящий чудной народец,
Словно родственники мои,
Заколдованные природой.
В этом мире чужих забот,
Измеряемых трудной мерой,
В сердце медленно прорастет
Чувство гулкое Гулливера,
Беззаботность мою круша,
Перепутает быль и небыль.
Я пойду домой не спеша,
Головой задевая небо.

г. Кемерово

Владимир ЩЕЛКАНОВ

ЗАБАСТОВКА

Дождь с волнением шуршал о железо
Ржавых кровель и ярких машин...
И решительный, как «Марсельеза»,
Рвался ветер из горних глубин...

И биение тысяч и тысяч
Жаждой воли бурлящих сердец
Можно было на мраморе высечь:
«Забастовка! Терпенью — конец!»

А когда, отшумев, отмытарив,
Возвратились шахтеры в забой, —
Только вождь все стоял на бульваре
С одиозно воздетой рукой.

Но давно, задыхаясь от «измов»,
По разбитым дорогам Руси —
Разойдется не гимн коммунизму,
А «Христос, сохрани и спаси...»

г. Белово

Анатолий ИЛЕНКО

Анатолий Павлович — в ОАО «Холдинговая компания «Кузбасс-разрезуголь» работал заместителем начальника управления по сельскому хозяйству, начальником отдела по связям с общественностью и средствам массовой информации

ЗВЕЗДА

И в кои-то веки удача свалилась
Мне прямо в ладони, бери — не хочу:
Звезда над моей головою склонилась,
Доверчиво гладит лучом по плечу.

Такого со мной не случалось ни разу,
Боюсь в это чудо поверить сейчас.
Я снял ее с неба, — не вышло бы сглазу
И скрылся тайком от завистливых глаз.
Ушел далеко-далеко от деревни:
За темным прудом, на уснувшем лугу,
Упал на траву под густые деревья,
От счастья шального вздохнуть не могу.

Остыл, оробевшую, ловким движеньем
Повесил на грудь свою, словно медаль,
К себе вдруг проникся таким уважением —
Рассказывать — временем тратить жаль.

Но вижу: в лице ее тает улыбка,
Сама угасает на нет, без следа.
— Прости, — тихо шепчет мне,
— вышла ошибка,
Бывают промашки у звезд иногда...

Скрип ворот, петушиное пенье,
Лай собаки, мычанье коров, —
Неприметное глазу теченье
Скудной жизни крестьянских дворов.

Дней в запасе хватает у бога:
Здесь минутам особый учет, —
Зазевался сегодня немного,
Завтра новых забот полон рот.

Валят с ног, выживают со света:
Пахота, обмолот, сенокос...
То одно, то другое, то третье
И в жару, и в крещенский мороз.

Круглый год голова кругом кружит,
Маета от темна до темна,
Здесь терпенье не всякого сдюжит,
Здесь закуска с пеленок нужна.

В суматохе соседка-старуха
Мне обронит, как добрая мать:
— Отдохнул бы хоть малость, Петруха...
Усмехнусь: — Так ведь надо устать.

Александр КАТКОВ

Как стыдно мимо нищих проходить,
когда ты сам уже почти что нищий,
и пустота вселенская в груди,
и тишина, как будто на кладбище.

Как стыдно за тебя, моя страна,
когда тебя раздели до бесстыдства,
и ты, как девка падшая, срамна,
на снежных простынях забыто стынешь.

Но стыд пред Богом — он уже не стыд,
и верую в надежде на прощенье,
что праздничною скатертью накрыт
наш стол для праздника и воскрешенья.

Когда напирает серость
и равнодушие прет,
руку кладу на сердце —
живет или не живет?

Когда свирепствует очередь
и крайних-последних нет,
неужто опять воочию
блокадный хлеб и Ташкент?

Когда отвечаю хаму,
плюющему в старину,
я вспоминаю маму,
выжившую в войну.

Помню глаза ее скорбные,
словно над болью моей:
«Мир, сынок, не без добрых,
он не без добрых людей...»

Люди должны оставаться людьми.
Пусть из седла тебя подлостью выбило,
что бы там ни было, как бы там ни было,
люди должны оставаться людьми.

Не забронируешь место в раю,
счастья на детских слезах не построишь
тем, что ты яму заветную роешь
под несвободу злую свою.

Будем как дети — чисты и добры.
Разве не мы ими только что были?
Были, да сплыли, о том позабыли,
непробиваемы и мудры.

Люди должны оставаться людьми.
В женских объятьях, в убийственном споре,
утром и ночью, в веселье и в горе
люди должны оставаться людьми.

Семен ПЕЧЕНИК

ШАХТЕР

Семье Долговых
из г. Ленинска-Кузнецкого

И вновь я вижу, как декабрьским днем
Шахтер приходит к райвоенкомату.
Толкует там про уголь,

Про заем
И просит в бой послать его, в солдаты.

Он требует. Он просится туда, —
Где вьюга ходит по шинелям серым.
Куда идут большие поезда
И вновь в Кузбасс несутся за резервом.

Три сына у него
На трех фронтах.
Три телогрейки в доме опустели,
Да похоронки две на образах,
И в сердце посвист
Бешеной метели.

ДОНБАСС — КУЗБАСС

Поезд 195. Одесса — Дебальцево — вагоны
старые, разбитые. В 1994 году в 5 раз подорожа-
ли продукты. Зарплату снизили в 70 раз.

Донбасс — Кузбасс — тропа покатая.

Вот станция Ясиноватая.

Здесь силикатным кирпичом
добротой сложен каждый дом.

Бульварчик, овощные груды,
и «Сникерс», пиво и «Дирол»,
купоны шелестят повсюду —
счет на миллионы перешел.

Дубки и ясени, каштаны,
жовтоблакитный всюду флаг,
но ей-же-ей, совсем не странно —
и у людей, и у собак —

все одинаково: Россия
и Украина — все одно! —

Толкучка с бедностью старинной
и заграничное вино.

О наша бедная Отчизна!

Здесь продается все подряд —
и заграничная харизма,

и в смазке новый автомат.

Дывись, смотри, ходи и щупай —

а пищевой продукт — хорош;

девчат намазанные губы,

шахтера старый макинтош.

И, как в Кузбассе, всюду лица —
татуированы углем.

Какая к черту граница!

Здесь лозунг: Однова живем!..

УГОЛЬНЫЕ КУЩИ

ДИПТИХ

1.

За перекрестком
 вызрел террикон.
Автобус рассекает снег чернющий.
Прокопьевские
 угольные
 кущи...
Закон — тайга?
Нет! Уголь здесь закон!

2.

Как черствеет закат за оконным стеклом!
Неба серого плат не согреет теплом.
А закатные угли тепло не внесут
В этот скорбный, завьюженный сырый уют.

Вновь Прокопьевск.

 Гостиница. Скучность во всем.
Лица грустные, скорбные, как похоронные,
Освященные мрачным безрадостным днем.
И в закатном огне — словно лики иконные.

Черной угольной пылью здесь мечено все:
И январский снежок. И лицо у шахтера.
И в шахтовой столовке, закусив «ивасём»,
Тихо «стервис» ругают два ушлых шофера.

Мир Кузбасса! Синеющий скорбно углем,
Темно-синий, чернеющий мир наш шахтерский!
Отчего мы согласны всегда и во всем?
Почему б не рвануть воротник «по-геройски»?

«По-геройски»...

 А может быть, просто вот так:
Разорвать серых будней сжимающий ворот!
Отвести угрожающий жизни кулак,
Синью угольной татуированный город!
Потому что повсюду божественный зрак
Метит тенью Христовой кварталы для бедных.
Потому сквозь шахтовый натруженный мрак
Вижу лица святых в этих обликах бледных.

г. Кемерово

Алексей ПАТШИН

КОЧЕГАР

Землякам,
шахтерам Кузбасса

Мы в России терпеливы —
Не ломаемся, но гнут...
Барин царствует пугливый,
Дай-ка, братка, в руки кнут!

Эй, рязанские мараты
(Голос звонкий — сибиряк!),
Пошуми-ка на Арбате, —
Пошевеливайся, хряк!

Разжирел твой братец-боров,
Гой, родимый паренек,
Загребел кузнецкий норов,
Знай, Россия, — уголек!

Что Москва?! — и в ус не дует,
Пухнет рыло — невдомек,
Выйдем на гору, раздую —
Всесоюзный огонек!

Под лучиной прозябали,
А навалимся вдвоем —
В сорок первом отстояли,
Но сегодня — разорвем!

Волчий мех лица не греет,
Стынет слезный водоем,
Ну, держитесь, Мавзолеи, —
В щепку с браткой разнесем!

Мы в России терпеливы, —
Не ломаемся, но гнут...
Барин царствует пугливый,
Дай-ка, Шило, в руки кнут!

ст. Плотниково
Промышленновский район

Мих

ИР

Мон
пятнист
— Бр
Жив
следил
ми глаз
зину, он
Перед к
нарх, тр
взглядо
вал их р
— Кр
раясь м
слишком
раз обл
это вре
пробега
трясени
В кор
ного же
вые гво
вокруг
стулу. З
кряхтел
живому
лыком,
дом, пе
лезть р
на доск
Спасите
кроме л
лье нич
отаплив
заносил
жить те
дню, б
жили на
Игум
тогда от
лодого
— Мо
мен. —
света? К
ный поя
— Пу
много. К

Михаил ОРЛОВ

ИРИНАРХ

РАССКАЗ

Монастырский кузнец Епифан отшвырнул ногой пятнистую кошку.

— Брысь, шалава!

Животное, мяукнув, метнулось под лавку, откуда следило за происходящим в келье настороженными глазками. Епифан поставил у ног плетеную корзину, она глухо ударилась о земляной влажный пол. Перед кузнецом сидел на грубом стуле инок Иринарх, тридцатилетний, задумчивый, с туманным взглядом. Губы у него все время сохли, он облизывал их розовым языком.

— Крепить, что ли? — хмуро спросил Епифан, стараясь меньше дышать, так как воздух в келье был слишком затхлый. Иринарх судорожно глотнул, еще раз облизнул бледные губы и кивнул. Он за все это время не издал ни звука, только изредка дрожь пробегала по его плечам и отзывалась легкими сотрясениями в пальцах.

В корзине оказался тяжелый, кованный из черного железа пудовый пояс, молот, длинные кривые гвозди и заклепки. Епифан обернул железо вокруг Иринарховых бедер и стал крепить его к стулу. Звяканье молота пугало коппсу. Епифан кряхтел и бил осторожно, чтобы не попасть по живому мясу. Стул примыкал к стене, обшитый лыком, чтобы инок, откинувшись, мог спать. Рядом, перед низеньким оконцем, куда могла пролезть разве что человечья голова, была укреплена доска, на ней лежали священные книги, крест Спасителя и образ Приснодевы Матери. Больше, кроме лавки, под которой пряталась кошка, в келье ничего не было. Ни летом, ни зимой она не отапливалась. К декабрю слюдяное оконце все заносилось снегами. В этом мраке должен был жить теперь Иринарх, прикованный к своему сиденью, одетый во власяницу. Еще, по обету, наложили на него оковы на руки и лодыжки.

Игуменом Старого троицкого монастыря был тогда отец Феодосий. Он пытался отговорить молодого инок от тяжелого обета.

— Молясь, уже избываешь скверну, — сказал игумен. — Пошто еще хочешь лишить себя божьего света? К чему оковы на всех членах и этот железный пояс?

— Пусть, — ответил Иринарх. — Буйства во мне много. Не удержат меня обычные молитвы и зап-

реты. Пусть железо меня переможет. Буду кричать, выть — не слушайте, пока именем Христа тихо не вымолвлю слово.

Феодосий перекрестил инок и отпустил его, кликнув кузнеца. Теперь Епифан, закончив работу, усмехнулся, кинул молот в корзину и сказал узнику:

— Помогай тебе бог. Авось высидишь какое благолепие.

Иринарх услышал насмешку, но смолчал, тряхнул только локтями. Железные кольца на руках отозвались твердым стуком.

Боярский род Иринарха значился в последней разрядной книге. Семеро братьев его служили в разных Приказах. У всех уже были свои дома. Старший, Василий, находился при Посольской Палате, ездил в Австрию и Неметчину. Другие братья также были заняты важными делами, носили кафтаны с золотом, шапки с самоцветами, сабельки с жемчугами.

Младший, Иринарх, звался тогда в миру Алексашкой Юровским. Был тих и серьезен, хотя силой и его матушка не обидела, — волчьи капканы с легкостью разжимал и в седло птицей взлетывал.

Иван Грозный разорил, обескровил древние боярские гнезда. В силу входили новые люди. Манили их золото, власть, роскошь, пьянила гульба. И без того на Руси редкий год удавался тихим, а теперь всюду началось великое брожение. Разгорался огонь взаимного истребления. Видел Алексей, как исподволь копили силы и надвигались друг на друга Шуйские и Годуновы. Братья Юровские приняли сторону молодого, смелого, хитрого и клыкастого, как волк, Бориса, знавшего во Дворце все ходы и выходы.

Часто шептались на пирах и пирушках. Что-то затевалось в Москве, вилось ползучими ветвями вокруг Федорова трона. Самого царя, пересмеиваясь, даже в торговых рядах обзывали «дурачком».

И вправду, царь Федор был слишком набожен. Глаза его любили блеск золотых крестов, венчающих грозди церковных куполов. До страсти любил царь Федор пение псалмов и колокольные перезвоны. Иногда, в возбуждении, сам лез по крутым лестницам наверх и бил в колокола славу Спасителю. Борис, глядя на скачки царя с веревками в руках, кривил губы: в тех ли руках бразды правления? И зря ли господь в благодати своей?..

Минул год. Иринарх терпеливо сносил тяготы затворничества. Однажды попросил старца Кирилла, убиравшего в его келье, передать игумену, что он зовет его видеть. Феодосий, улучив время, пришел.

— Звал меня?
— Звал, — ответил Иринарх. — С жалобой я к тебе.

Игумен приготовился уже разрешить узнику снять с себя бремя обета, но Иринарх опередил его:

— Малой тяжестью давят на меня эти оковы. Смущается и бродит мой дух. Хочу еще тяжести.

— Если это угодно Господу нашему, то он, верно, сказал тебе, какая тяжесть тебя облегчит?

— Да, — признался Иринарх. — Это должны быть медные кресты на груди.

— Слава Иисусу. Было б на смех Сатанаилу, если б в нашей обители не нашлось медных крестов. Я пришлю тебе.

Скоро в келью принесли короб с крестами и стали навешивать их по одному на грудь Иринарху. Он равнодушно смотрел на старцев, продававших льняную петлю за петлей ему через голову. Кирилл дважды сбегал в монастырскую кладовую, собрал все запасы медных крестов и насчиталось при этом всего девяносто девять. Иринарх требовал еще. Кирилл отказал ему.

— Куды тебе столько? — сердито спросил он прикованного подвижника.

— Не твое дело, старик, — грубо отозвался Иринарх. — Делай то, что тебе приказано.

Кирилл отправился к Феодосию, и тому снова пришлось спуститься в темную келью. После кратких переговоров Феодосий был вынужден послать Кирилла по кельям и, если у кого из монахов есть ненужные медные кресты, взять и передать их Иринарху. Пять коробов сносил Кирилл в келью. Иринарх продолжал шептать: «Еще», — все ему не доставало до какого-то predeterminedного числа.

Когда же на шею лег сто сорок второй крест, он попробовал пошевелить плечами и не смог. Тогда он сказал:

— Достаточно... Моя мера исполнена.

Удивленные, разошлись монахи по своим жилищам.

Отныне все силы Иринарха уходили не на душевную смуту, а на преодоление этой физической тяжести. Обессилев, инок откидывался спиной на стену, отдыхал, потом снова принимался прямо и высоко держать голову перед невидимым небом.

Время для Иринарха приобрело разные цвета, привкусы, глубину, как вода в реке. Он, если хотел, делал так, что день от восхода до заката оканчивался словно краткое дыхание или же медленно плыл Старо-Троицкой пустыней.

Не забывал его игумен Феодосий. Он приносил с собой короткие новости. Например, сообщал, что

царица Ирина опять забеременела, но родила мертвую девочку.

— Не иначе, как семя гнилое у Федора Иоановича. Нету на Руси наследника...

— Что Годунов?

— Закусил удила, а куда вынесет его дорога, не знает...

— Борис хитер...

— Это так, это так, — отвечал игумен. — Да не грех. Плохо на Руси простому да простоватому.

Игумен так же, как Иринарх, жалел царя Федора, понимая, что не по нему шапка Мономаха.

— А ведь не нам то решать.

— Заходи еще, отец игумен.

— Зайду. Завтра хлеб привезут, посчитаю зерно и приду.

Особую радость доставляли Иринарху птицы. По просьбе отшельника Кирилл рассыпал остатки недоеденного хлеба перед его оконцем, и теперь пернатые часто прилетали сюда кормиться. Часто бывал синичий выводок. Зимой, пока не замело сугробами, под окном поскакивали снегири. Их вид вызывал у Иринарха блаженные слезы. Долго висли они на ресницах, усах и бороде.

В первые годы узник мерз от холода, бывало, даже простужался, болел, задыхался от кашля. Но не жаловался и ничего для себя не просил. Сердобольный Кирилл в холодное время побольше накидывал в келью соломы. А то приходила та самая Шалава, которая встретила его здесь, она привыкла к отшельнику, ложилась к нему под ноги и грела босые ступни.

Потом незаметно Иринарх перестал мерзнуть. Так же он почти не замечал летней духоты, лишь иногда ему досаждал мелкий гнус и мухи. Однако не болью, которую причиняли укусами, а тем, что лезли в глаза и в уши. У глаз он давил их набрякшими веками.

На двенадцатый год загудели внеурочные колокола. Вечером, перед службой, Феодосий зашел к Иринарху.

— Борис Дмитрия зарезал. Угличский народ восстал.

Иринарх ужаснулся и наказал себя на всю неделю бессонницей.

Спустя малое время по всем монастырям проехали государевы гонцы, сообщившие подробности смерти царевича Дмитрия и непричастность к сему Годунова. — В смерти царевича виновата его болезнь.

Дело было неясное. Царевича действительно колотила падучая, он катался во время приступа по земле и совал в рот что ни попадя. Мамка царевича

ча держала е
так он ей вс
откусил на
вич оказался
ли свидетел
рот свой ост
нову или нет
к трону, и Б
Все слуги у
свидетелями
— Ирод! —
лич на бунт
лась кровав
твердо.

Игумен с
чал. В сумр
странную см
му царевичу
ней мере, не
даря на русс
высказали, т
дит большук
а то и в кош

В один и
тяжные дож
Сгнила попе
ди кельи, он
разовавший
чале Иринар
Феодосий с
непогоды в
улицу. А вод
ляная стена
литься и по

Тогда Ир
лосом. Крич
за стенами
ку с вином.
какая прикл

На выруч
ника поднял
Он с тоской
осеннюю зе

Феодоси
нарха, тому
надцать лет
рытый мор
ржавыми ок
завершая к
ни на этот
Спасителя

— Куда т

ча держала его руками, чтобы не допустить увечья, так он ей все руки объел и сыну ее большой палец откусил напрочь. В тот роковой день, однако, царевич оказался на дворе один и, как в голос объяснили свидетели, вместо мягких мамкиных рук сунул в рот свой острый кинжальчик. Было нужно это Годунову или нет? Юный Дмитрий стоял на пути Бориса к трону, и Борис же отвечал за здоровье царевича. Все слуги у царевича были Борисовы. И они же были свидетелями.

— Ирод! — завопили бояре Нагие, поднимая Углич на бунт. Но эта отчаянная выходка завершилась кровавой расправой с Нагими. Годунов стоял твердо.

Игумен сообщил подробности Иринарху и смолчал. В сумраке они почувствовали друг в друге странную смесь чувств — жалость к рано умершему царевичу и облегчение от того, что так, по крайней мере, не будет еще одного слабоумного государя на русской земле. Этих слов они, впрочем, не высказали, так как слово от мысли до языка проходит большую дорогу и превращается то в мудрость, а то и в кощунство.

В один из осенних дней ноября, когда шли затяжные дожди, не выдержала, обрушилась келейка. Сгнила поперечная балка. Переломившись посреди кельи, она чуть не придавила подвижника. В образовавшийся разлом потекла холодная вода. Вначале Иринарх решил потерпеть, пока Кирилл или Феодосий сами не заметят беды. Но, укрывшись от непогоды в кельях, монахи не высовывали носа на улицу. А вода все бежала за шиворот, и мокрая земляная стена подозрительно выгнулась, грозя обвалиться и погresti под собой узника.

Тогда Иринарх стал кричать своим слабым голосом. Кричал долго, пока один из бельцов, живших за стенами монастыря, не понес монахам баклажку с вином. Он услышал жалобный голос, а увидев, какая приключилась беда, поспешил к Феодосию.

На выручку подоспела братия. Мокрого подвижника подняли вместе со стулом и вынесли на двор. Он с тоской и радостью озирался, видя блеклую осеннюю землю, тучи, строения, лес вдалеке.

Феодосий был поражен старческим видом Иринарха, тому, как он преобразился за истекшие пятнадцать лет. Грязный, волосатый, изможденный, изрытый морщинами, с гнойными ранами под ржавыми оковами. Позеленевшие медные кресты, завершая картину медленного наступления времени на этот человеческий образ, слиплись, фигура Спасителя на них исчезла под налетом окиси.

— Куда тебя определить, брат? — спросил с жа-

лостью Феодосий. — Может быть, окончилась пора твоего терпенья?

Иринарх был непреклонен.

— Нет, тоска еще в сердце моем. Дайте мне какую-нибудь захудалую келейку, я там буду жить.

— Хорошо, — согласился игумен. — Скончался инок Акинфий, завтра снесем на кладбище. Если хочешь, ступай в его келью.

— Я согласен, — сказал Иринарх, и его отнесли в келью к мертвому Акинфию. Монах лежал со свечой в руках на лавке, перед ним сидел Кирилл и читал за упокой его души.

— Иди, брат, — обратился к нему Иринарх, — я ему почитаю.

Ничтожный огонек свечи согрел Иринарха, он гнусавил молитву, забыв о только что пережитой неприятности.

Иринарх видел перед собой всегда добродушное лицо игумена Феодосия, его согбенную фигуру, как будто придавленную заботами о праведной жизни монастыря. В голосе, осипшем от молитв и распоряджений, слышалось ему человеческое участие. Заглянул бы он в душу игумена! Там далеко не было того мира и покоя, тех безмятежности мыслей и человечности, какие приписывал ему Иринарх.

Еще при жизни Ивана Грозного Годунов прислал в монастырь дьяка Фролова с тайным поручением. После этого бывший управитель монастыря отец Апраксий заболел и умер, а его место получил Феодосий. Все главные монастырские должности были заняты людьми, назначенными Фроловым, то есть теми, на кого мог положиться сам Годунов. Вслед за этим Борис прислал Феодосию деньги на пополнение хозяйства. Притом Фролов, усмехнувшись, сказал, что деньги не считанные. А коли бы и были записаны в книги, то святая церковь сама знает, сколько нужно на дробление камня, а сколько на причастие. Феодосий понял, что может взять из этой суммы, сколько ему надобно. И взял, нимало не усомнившись, что еще придется отработать эту заранее данную плату.

Время пришло скоро. В монастырь стали прибывать «грешные» людишки. От них требовалось строгое покаяние, иных сажали на цепь, иные тотчас заболели странными болезнями, как Апраксий, и умирали. Не переменявшись в лице, встретил игумен князя Туренина, который привез в его обитель под сильной охраной самого регента Ивана Петровича Шуйского. А через две недели регент уже в холодной келье с руками на груди, в смиренной иноческой одежде. За окнами терся о кровлю слякотный ноябрьский дождь, а в душе регента цвело вечное блаженство. По собственной

неосторожности Иван Петрович задохнулся от печного дыма. Феодосий понял, что в Москве началось время важных перемен и знамя Шуйских клонится к ногам Бориса.

Так оно и случилось. Вслед за Иваном Петровичем опале подверглись Андрей и Василий Шуйские. Рука Годунова настигла Федора Шереметьева, Ивана Колычева.

Никто не знает, какие замыслы зреют в черной голове Годунова. Ни в чем нельзя быть уверенным. Бояре Юровские, братья Иринарха, быстро пошли в гору, а потом вдруг с ними случилась беда: семеро были разосланы по разным монастырям и сгинули в русской глухомани. О судьбе их Феодосий догадывался. Дипломатические ходы Бориса были ему известны, а то, чего он не знал, додумывал сам, взвешивая не слова, а только события. Расстояние от монастыря до Москвы лишь облегчало ему задачу, поскольку не было того неистовства противоречивых слухов. Знал Феодосий о том, как порвал Годунов завещание Ивана Грозного, как при живом Федоре сватал его жену к австрийскому принцу, как дурачил греческих патриархов. Знал и то, что положение Бориса все-таки шатко, и знал причину этому: у Годунова иссякли деньги. Шуйские боролись за власть рука об руку с другими боярами, их сплачивали единые интересы, и там, где им было достаточно слова, Борису приходилось кидать золото или должности.

Между тем хозяйство от Ивана досталось некрепкое, казна пустая. С запада выколачивали последние доходы поляки и шведы, с востока — татарские орды. А царь Федор наигрывал на колоколах любимые перезвоны.

Иринарх сидел теперь в келье старца Акинфия. Дни шли за днями, а мысли его не просветлялись. Бывало, брало Иринарха неистовство, он сотрясал висевшее на нем железо, шевелил чешуей медных крестов, выл по-звериному, и волосы его становились дыбом от мучительного внутреннего раздора. «Куда я должен идти, Господи, — вопрошал он висевшую перед ним тьму. — С братьями пойдешь, с Годуновым — там все кровь! С Шуйскими — кровь! Бельские, Мстиславские — кровь!! Романовы — кровь! Не потому ли вишня цветет прекрасным цветом, что взлелеяна на крови? Русь ты пресветлая! Потому ли такова, что слезами омыта, очищена?..» На вой Иринарха прибегали старцы, чаще всего Кирилл, которого время не брало, разве что он как бы поиссох, но с тем же выражением радости на лице.

— Ай, плохо тебе брат? — сочувствовал Кирилл.

— Плохо, плохо! — отвечал Иринарх. — Ступай! Или нет, пришли мне отца игумена...

Приходил Феодосий и всегда знал, чем отвлечь мысли узника, но отвлекая, он не мог разрешить их, и даже не пытался. Ибо сам, вглядываясь в ночную темень, не раз задавал себе вопрос: какое новое семя упало там, в далекие земли? Какие плоды даст в положенный срок? Должно ли человеку вмешиваться в течение рек, или русло их проложено наилучшим образом, а тот, кто меняет их направление, меняет и само человеческое установление? Правы ли братья Юровские, сгинувшие за чужую доблесть, или прав Иринарх, не обогривший руки кровью, не запятнавший себя убийствами, страдающий и ждущий себе просветления в затхлой келье? Он — человек ли? Благо ли — жить на подавание? Если нужен человеческий род, значит, нужно пахать землю, засеять ее зерном и, когда приходит время жатвы, срезать тяжелые колосья. Значит, нужно делить эту землю. А дележ — это распри, кровь, это мертвый Шуйский, это тысячи мертвецов из тех, кто слабее. Так ведь и татаровье прошло по Руси, потому что оказалось сильнее, а потом мы взяли верх, князь Дмитрий побил поганую орду. И это есть жатва. Должно так быть? Нет сего объяснения в Писании.

— Одно только есть самое чистое на свете, — говорил Феодосий Иринарху, — то материнское напутствие. Оно в глубине своей воистину бескорыстно. Опрочь того все овеяно тьмой и бесславием.

Иринарх не согласился.

— Самое святое, самое истинное еще должно быть. Что оно есть, я знаю, оно у меня в груди. И то хочу извлечь. С тем и жить.

Игумен знал, что это ложь. Иринарх знал, что это правда.

Годунов устами проныры-канцлера Щелканова убеждал австрийского посла: «Мы начали возделывать пашню! Мы вместе — страдники и сеятели! Ежели мы усердно будем возделывать землю, бог нам поможет, чтобы быстро взошло и произрастало то, что мы посеяли. А мы, работники, сообщая пожнем с божьей помощью плоды здесь, на земле, и там — в другой жизни».

И Годунов знал, что правда за его плечами.

На исходе пятнадцатой зимы в ворота монастыря постучался ездок в богатой енотовой шубе. Он не предъявил должного письма к игумену и потому простоял на морозе битый час, пока ленивый привратник сходил к Феодосию.

Игумен оглядел боярина из заледеленого окошка, смутная догадка мелькнула у него в мыслях. Но он не спешил открывать, чтобы успеть взвесить все последствия этого неожиданного визита.

Боярин, саблей.

Феодосий гостя в игумновской жарко зомлеет, вырин легко дельстнице, мсквозняк и нгорели на сные дубовыеной двери плаком. Изну

— Кто та

— К тебе

— Пусть в

Монах то

сам исчез тместо у вор

— Прости няясь игуменнадолго. Тут

Отец Феодесли возникон почти нав

— Все мдушу. Моли за чужие греся. Имя свое

— Боярин

— Что за тель?

Лицо Юрзаметны былметки, — подСкользни чу не стоял бы

— Брата

— Да, — с объяснилос

— Не зна

— Как та

— Строги

ей кельи и лет поститс

кие. Свято

— Ирина

— Это им

— А как н

сунул руку бровями, —

лось не гра

литых лини

Боярин, замерзнув на ветру, застучал в ворота саблей.

Феодосий тихо исчез, наказав монаху проводить гостя в игуменские покои. Он решил принять его в своей жарко натопленной комнате, авось боярин разомлеет, выкажет то, что хотел скрыть в душе. Боярин легко двигался за монахом. Они поднялись по лестнице, миновали несколько коридоров, где дул сквозняк и несло холодом. Изредка толстые свечи горели на стенах. Перед глазами мелькали темные дубовые двери, оснащенные щеколдами. У одной двери привратник остановился и постучал кулаком. Изнутри послышался недовольный голос:

— Кто там?

— К тебе гость, батюшка.

— Пусть войдет.

Монах толкнул дверь, открывая путь боярину, а сам исчез той же дорогой, возвращаясь на свое место у ворот.

— Прости меня грешного, — сказал боярин, кланяясь игумену. — С маленькой просьбишкой и ненадолго. Тут же должен воротиться к службе.

Отец Феодосий не приближался к боярину, чтобы, если возникнет такая нужда, холодно отказать, хотя он почти наверняка знал, о чем его будут просить.

— Все мы грешные, все спасаем здесь свою душу. Молимся неустанно... Не только за себя. И за чужие грехи тоже. И за тебя, боярин, помолимся. Имя свое назови.

— Боярин Юровский, батюшка.

— Что за дело привело боярина в дальнюю обитель?

Лицо Юровского дрогнуло, на левой стороне его заметны были свежие красные шрамы. «Добрые отметки, — подумал игумен, — и счастливо отделался. Скользи чуть ниже сабеля, по яремной жиле, уже не стоял бы ты предо мной». Вслух произнес:

— Брата хочешь повидать?

— Да, — обрадовался боярин, что так просто все объяснилось.

— Не знаю, захочет ли он тебя видеть.

— Как так? — удивился гость. — Как не захочет?

— Строгий обет дал... Никуда не выходит из своей кельи и света дневного не видит. Пятнадцать лет постится и молится, оковы на себя наложил тяжкие. Святое сердце у брата Иринарха.

— Иринарха?

— Это имя дано ему в иночестве.

— А как не захочет, — боярин шагнул к игумену, сунул руку в карман, так что Феодосий вспорхнул бровями, — за кинжалом? — но из кармана появилось не граненое лезвие, а серебряная пряжка. В литых линиях виднелись черты какой-то, птицы с

раскинутыми крыльями, не коршун, однако, и не сокол, другая птица — тех бы игумен узнал.

Отливка была старая. В углублениях металл почернел, а выпуклые части тускло блестели сумеречным светом.

— Пусть возьмет Алешка на память.

— Что же, пойдем, провожу тебя... Да не удивляйся, воздух у него не чистый, с непривычки душу воротит.

Они пошли по протоптанным дорожкам в снегу. Солнце низко катилось над монастырскими стенами, но в облаках и тучах уже появилось белесое с желтизной, не близкое, но уже явное предвестие весны.

Со скрежетом отворились ворота и пропустили в обитель подводу. Мужик, сидевший чуть не на самих оглоблях, погонял мохнатую кобылу кнутом. Возок был доверху наполнен рыбой. Возле амбаров мужик натянул вожжи, спрыгнул, стал разминать ноги, ругаться и пощелкивать кнутом. На шум из амбара высунулась толстая заспанная рожа. Ухмыльнувшись, снова появилась.

— Примай дары святого Егория! — сказал мужик.

— Дары-дары для грешной дыры! — гоготнула рожа и опять спряталась в амбаре.

Келья Иринарха невысоко возвышалась над землей, выделяясь в снегу небольшим бугорком и тропинкой. Игумен еще раз пристально оглядел боярина и указал пальцем на дверь.

— А я пойду распоряжусь, — и он направился к возу с рыбой.

Боярин шагнул вниз.

Закрыв дверь, беспомощно завертел головой. Сумрак ударил по глазам. В нос шибануло отхожим местом и погребом, гнилым, тошнотворным запахом. Темный комок сидел в углу на стуле, от него исходило зловоние. Шевельнулись цепи, слабый голос булькнул, порвал пленку молчания.

— Кто здесь?

— Я, — нерешительно ответил боярин. — Брат твой, Василий. Ты, Алешка?..

— Здравствуй, брат Василий... Нету Алешки... Я Иринарх.

— Это для них, — сказал боярин. — Для меня Алешка. Я тебя на коня подсаживал... Аль не помнишь?..

— Не помню.

Растерявшись, Василий не знал, как продолжать разговор. Видно было, что слова даются ему трудно.

— А мать с отцом помнишь? Дом на Воздвиженке помнишь?

— Мой отец Иисус, его имя славлю.

— Не Иисус же тебя породил! — с усмешкой сказал Василий.

— Люди только тело дали, — отозвался Иринарх. — А дух мой Христом наполнен, и разум дан единосущной Троицей. Тело мое я заковал в железо, духом же зрю в темноте лица небесные, вечные... Слова нерушимые слышу... Было, смердела во мне кровь. Теперь я другой. Ты пришел ко мне коросты драть?

— Я пришел к Алешке Юровскому! Мы с тобой двое остались! Остальных погубил иуда Щелканов! Мало чужих сощелкал, — за своих принялся. Я чудом выскочил, по всему телу отметины кровавы ношу. К тебе шел, думал, осталось в душе человеческое... Мстить будем! За каждую голову вдесятеро возьмем! Вставай, Алешка! Пойдем за Вязьму, скоро наберешь силу! Я тебя выкормлю, травами выпую! Одному мне не выстоять, Алешка!

— Я Иринарх, — прозвучало в ответ.

— А это... тоже не помнишь?

Перед глазами Иринарха оказался продолговатый предмет, напоминающий птицу. Воробей? Жаворонок? Шевельнулось в памяти смутное облако, но почуяв набегающую волну радости, Иринарх остановил ее, усилием воли рассеял облако, прошептал слова ежедневной молитвы и сказал:

— Не помню.

— Так будь же проклят, святоша поганый! — вскричал Василий и бросил пряжку от отцовской перевязи, на которой он носил свою славную саблю и с которой играли все его дети еще в пеленках, — с которой был связан образ отца, дома Юровских, смысл их жизни; Василий бросил пряжку под стул Иринарху, на кучу испражнений, едва прикрытых соломой.

— Будь благословен, — прошептал ему вслед Иринарх.

К тому времени игумен распорядился текущими делами и возвращался в келью Иринарха. Но войти не успел. Навстречу ему выскочил Василий с перекошенным лицом.

— Ну как брат Иринарх? — спросил игумен.

— Брат... — Василий протянул игумену тяжелый малиновый кошель с золотом. — Помяните всех невинно убиенных...

Кошель мелькнул бархатным пузом в руке игумена и соскользнул под полу.

— И тебя, боярин, помянем добрым словом. И твоя участь облегчится, бог даст.

— Нет уж. Моя участь не в божьих руках. Прощайте, отец игумен. Больше не увидимся.

— Прощай, боярин.

Василий Юровский зашагал к воротам, где его

терпеливо ждали сани и два стрельца верхами. Феодосий двинулся было в келью к Иринарху, но передумал и направился в свои покои. Кошель Василия Юровского бил его по ногам, но игумен не замечал тяжелого колыханья, он думал, кого послать к Борису с сообщением об этом неожиданном визите и своих догадках.

Еще пятнадцать лет просидел в оковах Иринарх. Под конец наложил на себя еще более тяжкий обет молчанья и теперь только слушал да кивал головой, да плакал от умиления.

На Соборе 1599 года был избран Борис Годунов на царство. Мелкие бояре кричали «Хотим Бориса!», а крупные помалкивали, переглядывались.

Годунов показал себя умным государевым мужем. Однако его мероприятия не укрепили хозяйство Руси, а напротив, расшатывали, потому что княжества были расколоты на два враждебных лагеря: на безродных и именитых. Дело, начатое Иваном Грозным, все глубже ввергало Русь в пучину смуты.

Боярские переpleсы около трона отзывались страшными потрясениями всей русской земли.

Надорвавшись под тяжестью взваленной на плечи власти, Борис умер. Буйные Шуйские воспряли, со злорадством сволокли царевича Федора Годунова за бороду по кремлевским ступеням, обливая их кровью. Борис был похоронен в Архангельском соборе. Шуйские разорили могилу, тело бывшего правителя Руси кинули, как падаль, на заброшенном, заросшем бурьяном кладбище.

Один страшный голод сменялся другим. Люди грызли древесную кору, ели кошек и доходили в умопомешательстве от множества смертей до того, что вырезали куски мяса из человеческих трупов... В одной Москве свезли тогда на погост почти полтора ста тысяч мертвецов. Многие искали спасения на Дону, бежали туда поодиночке и целыми семьями.

В Польше объявился живой царевич Дмитрий, сзывал народ под свое знамя, двигался, пыля по дорогам, на Москву, неся с собой ту же смерть и расправу. Польские шляхтичи ни в грош не ставили душу русского крестьянина, жизнь целой семьи ценилась дешевле борзой собаки.

Феодосий каждый день служил молебны по невинно убиенным. Иринарх, слушая колокольные перебуды, мычал. Ему казалось, что с каждым ударом колокола в воздухе разливается яркое сияние и духи людские переговариваются между собой на многие версты, летая над прекрасной землей, — над цветущей и наконец просветленной Русью.

Публикация Е. В. Орловой

Герман В

Веселов Герман Васильевич, член Российской Федерации, кавалер орденов и государственных наград. С момента его основания по капитальным проектам создано пять строительных объектов: «Кузбассуглестроительный», «Суретский», «Суретский», «Таловский», «Черниговский», «Ольжерасский», «Киселевский», шахтерских поселков, много объектов в других регионах.

Друзья во всем мире берегут реки, что расположено в городе когда-то шорцев, небесное сивейшее море.

Встреча в строительстве «Гинский». Друзья, полны жизни, манящие пейзажи.

Георгий твоего новолосый инженер, будешь реза, работаешь на угольном.

Проект «рабатывался» близко выходных гор, что брало уголь прекрасной открытки. Торов, уже «Таким участием начала».

Друг Георгий тоже горный, ными волнами, чуть у был на много, ство угольного из Москвы, ительства «рошему на».

Герман ВЕСЕЛОВ

Веселов Герман Семенович, заслуженный строитель Российской Федерации, заслуженный шахтер Минтопа Российской Федерации, кавалер знаков Шахтерской Славы, имеет правительственные награды. Работал на комбинате «Кузбассразрезуголь» с момента его образования заместителем начальника комбината по капитальному строительству. Под его руководством было создано пять строительных управлений и организован трест «Кузбассуглестрой». Построено десять угольных разрезов («Междуреченский», «Сибиргинский», «Калтанский», «Байдаевский», «Ерунаковский», «Талдинский», «Караганский», «Сартаки», «Моховский», «Черниговский»), реконструированы разрезы: «Томусинский», «Ольжерасский», «Красногорский», «Бачатский», «Краснобродский», «Киселевский», им. Вахрушева, «Кедровский». Построены три шахтерских поселка: Краснобродский, Бачатский, Кедровский и много объектов социального назначения, обслуживающих угольные разрезы.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Друзья встретились в конце июня 1970 года на берегу реки Мрас-су, недалеко от города Мыски, что расположен на юге Кемеровской области. Этот город когда-то был неофициальной столицей шорцев, небольшой народности, населяющей красивейшее место юга Кузбасса — Горную Шорию.

Встреча была необычная, связанная с началом строительства нового угольного разреза «Сибиргинский». Друзья были еще относительно молоды, полны жизненной энергии, впереди у них были манящие перспективы.

Георгий тридцатилетний, высокий, темноволосый с веселыми карими глазами горный инженер, будущий директор «Сибиргинского» разреза, работал пока начальником добычного участка на угольном поле этого разреза.

Проект «Сибиргинского» разреза только разрабатывался, но пласты коксующегося угля так близко выходили на поверхность у подножия Шорских гор, что местное население уже десятки лет брало уголь для отопления своих домов. Такой прекрасной геологией воспользовались горняки-открытчики, поставив несколько мощных экскаваторов, уже «пионерным» участком добывали уголь. Таким участком и командовал Георгий в ожидании начала строительства нового разреза.

Друг Георгия Геннадий, тридцати восьми лет, тоже горный инженер-строитель, блондин с крупными волнами волос, с серовато-голубыми глазами, чуть уступал ростом своему другу, но по чину был намного его выше. Он представлял руководство угольного комбината и только что вернулся из Москвы, где решал финансовые вопросы строительства «Сибиргинского» разреза. По его хорошему настроению чувствовалось, что поездка

ему удалась. В Москве он прожил почти месяц, обивая пороги высокого начальства в Министерстве угля и Госплана СССР.

Благодаря своему настойчивому и пробивному, в лучшем смысле этого слова, характеру, а также аргументации доказательств начать строительство разреза именно в этом году, он попал с письмом министра на прием к самому Председателю Совета Министров А. Н. Косыгину.

И, наконец, победа — получена самая высокая и весомая подпись, утвержден титул на строительство разреза самим А. Н. Косыгиным, и вот благодаря этому историческому случаю друзья встретились, чтоб обсудить еще раз, где лучше закладывать промышленную площадку разреза и с чего начать строительство. Кругом стояли покрытые таежным лесом горы, ровное место было только по берегам реки и большой остров, омываемый двумя протоками. Учитывая, что угольное поле разреза делилось рекой на две части, в любом случае необходимо было строить автомобильный мост, поэтому промышленную площадку решили разместить на более удобном левом берегу реки.

Место было очень красивым, от города Мыски сплошной цепочкой тянулись гряды бесконечных гор Кузнецкого Алатау, покрытые хвойным и лиственным лесами. Всю эту красоту как серебряной струей разрезала, оставляя после себя красивые изгибы берегов, река Мрас-су (по-шорски «черная вода»). Сибирская горная Швейцария. Такой красотой только восхищаться, да рисовать картины, радующие глаз. Смотря на девственность этих лесов, друзья в душе понимали, что пришли они сюда с бедой для природы. Строительство разреза через несколько лет превратит прекрасный пейзаж в большую грудку камней. Деревья срубят, земля будет перевернута мощными экскаваторами, и отвалами породы засыпятся чудесные разломы зеленых гор, напоминая лунный пейзаж.

Но, видимо, игра стоит свеч, так как эти горы хранят в себе сотни миллионов тонн высококачественного коксующегося угля, «черного золота», так необходимого для человека.

Георгий первый прервал эти грустные мысли. Доставая из машины увесистую сумку и приглашая товарищей перекусить. Решение этого вопроса надо отметить коньячком.

Первый тост был за удачную поездку в Москву, они пожелали здоровья А. Н. Косыгину и выпили до дна.

Друзья очень любили природу, обедая, они продолжали рассуждать, что будет здесь через не-

сколько лет, когда поработают строители, появится мощная карьерная техника, которая непрерывно будет глотать своими стальными челюстями эти горы. Далеко ходить не надо. Наглядный пример этому — угольные разрезы, работающие на этих же пластах в десяти километрах от реки в сторону Междуреченска. За тридцать лет работы были стерты с лица земли на многие километры такие же красивые горы, которые когда-то опоясывали берега другой реки-красавицы, Томи. И пройдут столетия, пока эта красота, возможно, восстановится. Было жаль этих гор, но они оба были горные инженеры, и их научили добывать уголь, сегодня так необходимый людям. Было произнесено уже несколько тостов, определены первые этапы строительства разреза и можно было переходить к беседе на другие темы.

Геннадий отметил, что лицо у приятеля было не по времени очень загорелым.

— Наверное, успел побывать на Поднебесных Зубьях, подставил свое лицо теплему горному солнцу? — спросил он. — Снова летал за медведями, у тебя это строго по графику?

Секретов у друзей не было.

— Так оно и было, — признался Георгий. — Небольшой компанией с приятелями с Междуреченского разреза, такими же любителями-охотниками, на вертолете летали в горы на наши излюбленные места. Охота получилась удачной, погода стояла хорошая, там и загорел.

Друзья хоть и давно были знакомы, но вместе чаще бывали на рыбалках в верховьях горных рек Мрас-су, Бель-су, Томи, там ловились таймени и хариусы. Ездили также на охоту на соседние просторы степного Алтая погонять лис и зайцев. На медведя как-то вместе не приходилось, да и непостоянная это охота. Необходимо иметь надежное оружие, лицензию, время; и медведь — не заяц, он не живет где попало, надо знать места таежной глухомани, где он обитает, или мощную технику типа вертолета, чтоб тебя доставили поближе к этим местам.

Геннадий хоть и не промысловик, но охотник заядлый, однако в жизни видел медведя только издали. Как тот однажды сидел на кедре, ломал ветки с шишками и бросал их вниз, да еще раз в малиннике, когда собирал ягоды, неожиданно спугнул медведя. Поэтому он внутренне завидовал другу, слышавшему в округе знатным медвежатником.

Попивая армянский коньячок, приняв решение через неделю пригласить проектировщиков для окончательного решения всех вопросов строительства, приятели отделились воспоминаниям сво-

их охотничьих и рыбачьих приключений. Геннадия настолько взволновали и заинтересовали рассказы про животный мир в горах на Поднебесных Зубьях, что он твердо решил на следующий год выбрать время и слетать на такую же охоту с приятелем. Было принято решение в конце мая — начале июня только вдвоем организовать недельный отпуск и посвятить его охоте в заветном месте. Почему именно надо быть в горах только в это время? Потому, что там еще много снега и практически нет животных, так как из-за очень глубокого снега зимой все копытные спускаются осенью в степные районы Алтая, Монголии. Возвращаются они в горы, в эти труднодоступные места, только после таяния снега. Здесь они производят потомство и на высокогорных сочных травах кормятся до осени. Кроме этого в горах звери, животные спасаются от комаров, гнуса, так что на зиму там остаются только медведи, которые все равно укладываются спать в берлогу. Так же зимует в горах и вездесущий осторожный пушистый соболь. Медведь после продолжительной зимней спячки выходит из берлоги голодный и начинает жировать. Учитывая, что копытные животные еще не подошли в горы и что медведь всеяден, он выходит на южные склоны гор, где меньше скапливается зимой снега, на так называемые окаты, и пасется, съедая самую сочную первую траву. Особенно он любит кандык.

Вот в это время, когда еще лежит снег и невысокая трава, удобнее всего охотиться на медведя. Начало летнего периода в горах — это июнь, когда там скапливается большое количество лосей, маралов, коз, и трава начинает постепенно стареть. Медведь переходит на более питательную живую пищу. Он начинает охотиться на животных и из вегетарианца превращается в хищника. Медведю необходимо за лето накопить больше жира, чтобы зимой пять-шесть месяцев спокойно спать, а медведице этим жиром еще и выкормить свое потомство.

В берлоге медведица приносит одного-трех слепых, размером с рукавицу, медвежат и кормит их до наступления лета своим жирным молоком. Медвежата, как правило, из берлоги выходят на своих ногах, готовые с помощью матери познавать окружающий мир.

Беседа друзей подходила к концу, определены дальнейшие действия по строительству разреза и заключен договор на совместную медвежью охоту. Можно собираться и по домам, тем более Геннадию предстоял дальний путь до Кемерово. В машине под впечатлением встречи и предстоящей медвежьей охоты он начал составлять себе

план дальн
реди почти
рить в гряз
шо подгото
в природе
плечами о
в различн
подготовл
физически
дентом гор
спортивно
легкой атл
медведь —
щий хозяи
ся тщател
рам, он во
бегал на л
город и ст
ящий биат
что где-то
падется м

Время

Присту

дется цел
спать в па
ведя. Был
тем време
леть все н

И в пут

Георгий т
поселке К
госпромх
ведей. По
ронов, и
попутно н
Было так
еще молс
кликке Со
вое крещ
тщательн
пошли в к
кой парти

Посел
регу реки
реченска
торые об
Эта парт
редовую
крывая п
главе ге
работал
походил
с густей
тыми бр

план дальнейших действий. Время еще было впереди почти год, но за этот период, чтобы не ударить в грязь лицом перед другом, надо себя хорошо подготовить физически и морально. Геннадий в природе был не новичок, с детства с ружьем за плечами он находил тысячи километров. Попадал в различные сложные ситуации и переплеты, был подготовленным спортсменом, разносторонне физически развитым и выносливым. Будучи студентом горного института, защищая его честь, имел спортивные разряды по стрельбе, лыжным гонкам, легкой атлетике. Он также хорошо понимал, что медведь — зверь серьезный, умный. Это настоящий хозяин тайги, и на такую охоту надо готовиться тщательно. Чтобы без одышки ходить по горам, он всю зиму тренировал свое тело, легкие — бегал на лыжах, иногда выезжал с винтовкой за город и стрелял из любого положения, как настоящий биатлонист. При этом всегда представлял, что где-то рядом может находиться или даже упадет медведь.

Время охоты настало.

Приступили к тщательным сборам, ведь придется целую неделю жить в заснеженной тайге, спать в палатке, ходить по горам, стрелять в медведя. Был специально куплен самый лучший по тем временам фотоаппарат «Киев», чтоб запечатлеть все интересные моменты путешествия.

И в путь на юг Кузбасса, в город Междуреченск. Георгий также был в полном сборе и ждал друга в поселке Камешки около взлетной площадки. Он в госпромхозе уже оформил две лицензии на медведей. Получил два карабина с комплектом патронов, и главное — договорился с геологами, что попутно на вертолете их доставят в нужное место. Было также решено взять с собой на первую охоту еще молодую полторагодовалую собаку лайку по кличке Соболя. Как и у Геннадия, это было его первое крещение медвежьей охотой. После встречи и тщательной проверки всего снаряжения друзья пошли в контору навестить начальника геологической партии Петра Коломийцева.

Поселок геологов Камешки расположен на берегу реки Томи в восьми километрах от Междуреченска, здесь проживало тысячи две людей, которые обслуживали геологоразведочную партию. Эта партия уже несколько десятилетий вела передовую разведку всего Кузнецкого Алатау, раскрывая подземные богатства юга Кузбасса. Во главе геологоразведочной партии уже много лет работал Петр Коломийцев, который даже внешне походил на геолога. Среднего роста, коренастый, с густейшей русой шевелюрой, большими лохматыми бровями, свисающими на карие глаза. Вро-

де бирюк, но на самом деле веселый, жизнерадостный человек, хороший товарищ и к тому же заядлый рыбак. Ружье он в руки никогда не брал. Но удочку и спиннинг, как говорят, из рук не выпускал. Любил он ловить хариуса и тайменей, используя, естественно, иногда приданные ему вертолеты. На этих стальных птицах, проверяя по топографии все вокруг лежащие горы, он забирался в самые верхние течения рек, куда на все лето в холодную и чистейшую снеговую воду поднимаются все лососевые рыбы. Пойманной рыбой он охотно делился с друзьями, особенно отменными у него получались вяленые хариусы и таймени, но не с пивом, а с настоящим сухим красным вином, которое у него всегда водилось на складах партии. На этот раз, поговорив о погоде, сроках охоты, планах высадки и прилета вертолета за охотниками, друзья любезно отказались от сухого вина с хариусом. Но зато с удовольствием взяли предложенного пятикилограммового вяленого подкопченного тайменя. Это действительно был фирменный деликатес Петра.

По команде летчиков охотники начали грузить свои вещи в вертолет. Командиром вертолета был молодой симпатичный летчик по прозвищу Монгол. Эта кличка пришла к нему года три назад, когда, возвращаясь на базу после высадки в горах очередной партии геологов и оборудования, при плохой видимости он попал на территорию Монголии. Сев на площадку около небольшого эймока — поселка, он увидел, как к нему бегут, окружая вертолет, монгольские ребятишки. Летчик понял ошибку и, не заглушив двигателя, поднялся и улетел. Летел на базу в Камешки, конечно, с плохим настроением, и точно, его уже ждали компетентные люди, которые немедленно начали допрос: «Зачем? Почему? Как?» Рассказав о своем промахе и то, что «курица — не птица, а Монголия — не граница», летчик отделался выговором, и за такую ошибку его на три месяца сняли с вертолета. С тех пор друзья зовут его Монголом.

Вот с этим-то Монголом мы и полетели в район нашей будущей охоты. Пока рабочие загружали оборудование геологов, летчик по карте уточнил место нашей высадки. Застрекотали лопасти, и мы, поднявшись в воздух, полетели в нужном направлении. Нас должны были высадить на обратном пути после доставки и выгрузки оборудования в верховье реки Бель-су (по-шорски «белая вода») у самого подножия Поднебесных Зубьев.

Лететь на вертолете над горами, покрытыми хвойным лесом, на вершинах которых шапками лежит еще нетронутый солнцем снег, а в разломах и ущельях бушуют потоки полноводных гор-

ных рек и ручьев, где на южных склонах уже зеленеет трава, — это сказка. Перебегаешь от одного борта вертолета на другой, прильнув к иллюминатору, смотришь и не можешь налюбоваться на эту красоту. Вдруг летчик Монгол кричит и показывает рукой, так как грохот двигателя заглушает его слова: «Смотрите!» От приближающегося шума вертолета бежит здоровенный медведь, а недалеко другой. Летчик смеется: «Вот тебе и охота», но садиться здесь нельзя, да и маршрут у нас другой. Нам лететь еще минут двадцать пять до высадки, да и медведи это не наши. Наши там, за горами, где берет начало река Бель-су. Наконец летчики сбавляют ход и начинают кружиться над горами, высматривая посадочную площадку для высадки охотников. Кругом только снег. Поэтому принято решение вертолет не садить, колеса его могут провалиться, а посадить нас на весу. Машина зависает, спущена веревочная лестница-стремянка, все дружно сбрасывают наше снаряжение прямо на снег, и мы с карабинами за плечами и собакой спускаемся вниз. Для Геннадия такая высадка по болтающейся лестнице при сильном потоке воздуха, создаваемом винтами, сбивающего тебя с ног, впервые. Наконец все проделано, друзья падают в снег, держа собаку. Мотор вертолета взревел, летчики помахали рукой, и стальная птица, набирая высоту, полетела между гор, оставляя охотников почти на семь дней наедине с дикой природой.

Наши охотники стояли на твердом белом снегу, от которого резало глаза, в ушах еще стоял треск удаляющегося вертолета, а они уже думали, где и как поставить палатку, где разжигать костер. Ведь надо устраиваться капитально, здесь жить придется целых семь дней. Соболь отошел от шума, от своего первого полета и начал осваиваться на месте, поводя чутким носом.

Собираем разбросанные при посадке вещи в одно место, достаем небольшой охотничий топорик из нержавеющей стали с выбитым барельефом лося и начинаем прощупывать толщину снега. Покров снега в этом месте был еще очень толстым, и друзья приняли решение ставить палатку прямо на снег, предварительно нарубив под палатку кедрового лапника. Георгий, выступая в роли старшего, сказал, что надо полностью обустроиться часа за два, перекусить и после обеда пойти на вечернюю зорьку.

Необходимо было сориентироваться на местности, из бинокля осмотреть все южные склоны гор, где появилась трава и, возможно, там увидеть медведей. Георгий взялся за палатку и укладку продуктов и вещей, а Геннадий должен нарубить

веток кедрача и сделать таганок у костра для приготовления пищи.

Кедрач на вершинах гор обычно из-за сильных ветров растет небольшим, его мощные ветки стелются, прижимаясь ближе к земле, поэтому постель была быстро нарублена, уложена толстым слоем на снег. Сверху этого настила была установлена палатка, которая имела брезентовое днище, и домик для проживания был готов. Охотники имели прекрасные спальные мешки из верблюжьей шерсти, так что можно спать им, как дома, в одном нижнем белье. Пока Геннадий разводил костер и кипятил чай, Георгий натаскал в запас много сухих дров и закопал в снег привезенные на неделю продукты. Что было в хорошей традиции этих друзей — на охоту и рыбалку они не брали спиртного. Кое-кто по наивности думает, что охотники, рыбаки едут на природу в основном развлекаться, побаловаться спиртным, порассказывать байки, анекдоты. Один горе-рыбак приглашает своего товарища: «Иван, поедem на рыбалку», а тот отвечает: «У меня нет снастей, да и рыбачить-то я не умею». Друг ему отвечает: «Чего там уметь? Наливай да пей!» Но это не совсем так. Настоящая рыбалка, тем более охота, связанная с оружием, преследованием опасного зверя, — это большой физический труд, и он несовместим с выпивкой. После охоты, да еще удачной, по возвращении домой, с устатка можно. Но на этот раз, учитывая недельную охоту, да еще в таких труднодоступных гористых местах, где можно и в воду упасть, и с обрыва свалиться, друзья взяли с собой четыре «мерзавчика» — чепухи водки и аккуратно поставили их в снег. Когда все было уложено и настроено, Георгий предложил перекусить, после чего были заряжены карабины и в путь — в неизвестное, манящее и интересное.

Погода была чудесная. Синее небо, яркое солнце, снег, набухший водой, под ногами не проваливался, прозрачный воздух свежил грудь, идти было легко и бодро. Температура плюс 5–6 градусов, кругом зеленый хвойный лес и гробовая тишина. От этой необычной тишины в ушах как бы было пусто, свободно и казалось, что ты на какой-то необитаемой планете.

Двести, двести пятьдесят километров вокруг ни одного поселения людей, никакого звука, даже почему-то в этом месте не было маршрутов пролетающих самолетов. Медвежьи следы пока не попадались, другое зверье: лось, марал, коза — будут позже, когда сойдет снег.

Учитывая, что было уже второе июня, а кругом еще лежит снег, не прилетают сюда и птицы, а там

внизу под горой певают свои

— Да, — слышны воробы и сойки.

Вдруг Геннадий тановил свое писк птицы».

ся и сразу в

— Кто это

— Да это

крыса-сенос

лониями. Вид

кая копешка

несколько ко

стимся пони

ежных крыс.

зима продол

ют много тра

живут в них,

Спустивш

увидел коло

дывать и из

Снег около

шо видно з

лутора-двух

столовой —

там, где п

нутые сто

послышали

Георгий ост

двадцати, п

действитель

ным хвостом

мания. Генн

про существ

есть один ви

есть круглы

ветил: «Ты

боля, так во

ной пищей»

мир Кузбас

Начало

ждет дальш

Друзья

увидели то

оргий недо

перешли на

су, ближе

склонах ок

Походив

удобную те

ривалась п

на камни,

ность, выс

внизу под горами они уже сидят на гнездах и распевают свои песни.

— Да, — сказал Георгий, — птиц здесь нет, даже вороны и сороки не залетают. Полное безмолвие.

Вдруг Геннадий услышал какой-то писк, он остановил своего товарища: «Послушай! Я слышал писк птицы». Друзья остановились, писк повторился и сразу в нескольких местах.

— Кто это? А ты говорил, что птиц нет.

— Да это не птица, — сказал Георгий, — это крыса-сеноставка. Их здесь много, они живут колониями. Видишь, вон из-под снега торчит маленькая копешка сена — это домик крысы. Вон еще несколько копешек, значит, здесь их колония. Спустимся пониже, увидим целые поселения этих таежных крыс. Учитывая, что снега здесь больше и зима продолжительная, они за лето заготавливают много травы, складывают ее в копешки и зиму живут в них, тут и питаются.

Спустившись ниже, Геннадий действительно увидел колонию, подошел к ней и начал разглядывать и изучать впервые увиденные жилища. Снег около копешек почти растаял, и было хорошо видно зимние ходы. У каждого зверька в полтора-два метра от копешки — его жилья и столовой — свое отхожее место. Зверек не гадит там, где питается. Невдалеке стояли еще нетронутые стожки, это были резервные. Вдруг снова послышались свистки сразу в нескольких местах. Георгий осторожно сказал: «Смотри». Метрах в двадцати, пристроившись на ветке, сидел зверек, действительно похожий на большую крысу с длинным хвостом и свистел, не обращая на нас внимания. Геннадий, впервые увидевший и узнавший про существование этих зверьков, сказал, что если есть один вид животного, должен быть и другой, то есть круглый год пища для хищников. Георгий ответил: «Ты прав. Знаешь, здесь много водится соболя, так вот эти сеноставки и являются их основной пищей». Для Геннадия, знающего природный мир Кузбасса, это было открытием.

Начало путешествия уже интересное. Что их ждет дальше?

Друзья прошли около часа по склону горы, но увидели только два старых медвежьих следа. Георгий недовольно заметил: «Неужели они уже все перешли на правую, более высокую сторону Бельсу, ближе к Поднебесным Зубьям, где на южных склонах окатов трава более молодая?»

Походив еще немного, они нашли на склоне удобную террасу, откуда на километры просматривалась прекрасная панорама, и, сев поудобнее на камни, стали в бинокль просматривать местность, высматривая хозяина тайги. Внизу под ска-

лой, метрах в тридцати, раздался какой-то шорох, друзья притихли, шорох повторился, и с небольшой пихты, прыгая друг за другом, спускались два соболя. Геннадий потихоньку достал фотоаппарат и приготовился к съемке. Георгий его остановил и прошептал: «Далеко. Не надо, все равно не получится. У нас будут еще встречи, соболя здесь много». Зверьки продолжали играть. Геннадий с удовольствием разглядывал этих таинственных таежных красавцев. Георгий дернул друга за рукав и сказал: «Брось ты этих соболей. Смотри, вон на другой стороне реки пасется медведь».

Геннадий поднес бинокль к глазам и с волнением начал водить окулярами, но никого пока не видел. «Он зашел за пихту, — тихо сказал Георгий, — подожди, минут через пять выйдет». Геннадий не отнимал глаз от бинокля, рассматривая таежные сопки, внимательно изучая каждый квадрат редколесья. Вдруг он увидел движущуюся черную точку, молча навел резкость. Да, он не ошибся, это был медведь. Теперь Геннадий толкнул Георгия, показывая место нахождения медведя. Тот, взглянув, сказал: «Да, это другой!» С полчаса охотники следили за медведями, но они для них были недостижимы: где-то внизу, под горами, разрезая ущелье, бежала река, которая являлась естественной преградой. Да и медведи были очень далеко. Просидев весь день с биноклем, охотники увидели на другой стороне развала за рекой сразу пять пасущихся медведей. На левой стороне реки, куда их высадили с вертолета, кроме сеноставок, соболей да старых следов медведей, уходящих за реку, они больше ничего не видели.

Солнце быстро садилось за горы, надо было возвращаться в лагерь. Первая рекогносцировка местности и ее обитателей была проведена, теперь надо было принимать решение. Друзья решили: если утром обстановка не изменится, необходимо перебраться на другую сторону реки, где уже были замечены в бинокль пять пасшихся медведей. Так рассуждая, друзья шли на ночной отдых. Расстраиваться было еще рано, впереди целых шесть дней. Вдруг, не доходя до палатки метров сто, они увидели глубоко в снегу следы крупного медведя, который прошел уже после установки палатки. Он прошел в то время, пока охотники сидели на скале, наблюдая в бинокль за его собратями. Было принято новое решение: утром искать медведя по свежим следам, далеко за ночь он уйти не должен.

Друзья развели у палатки костер, начистили картофель и с говяжьей тушенкой и луком сварили себе вкусный ужин. После ужина, подбрасывая в костер дрова, долго сидели, любясь скатертью

небесных звезд, восходящей луной и наслаждаясь покоем и тишиной. В палатку, в спальные мешки залазить не хотелось, и охотники, согреваясь у костра, пустились в воспоминания.

В горах в это время погода резко континентальная, днем под ярким солнцем температура поднимается выше десяти градусов, а ночью опускается ниже нуля, а бывает и так, что горы затянут тучи, и сутками идет дождь или снег. В такую непогоду, конечно, никакой охоты нет, и приходится отлеживаться в крохотной палатке. Залезешь в спальный мешок и с тоской лежишь и выжидаешь... Поэтому вначале главной темой разговора было везение с погодой, хоть начальный прогноз и был неплохой, однако в жизни мы часто встречаемся с нарушением этих предсказаний. Но погода пока радовала, ночь была тихая, все звезды, как обычно, на своих местах, только вроде стали немного ближе и ярче в чистом горном воздухе.

С надеждой на хорошую погоду и удачу друзья залезли в палатку, в спальные мешки на покой. Соболев улегся в ногах. Засыпая, каждый из них надеялся, что утром со свежими силами они двинутся в путь к интересному и неизвестному, что их ждет в этих таинственных и молчаливых горах.

Утром, умывшись чистым горным снегом, взяв с собой на грядущий день провиант, охотники двинулись преследовать медведя. Медвежьи следы вначале шли вдоль горы, но вдруг резко повернули в низ ущелья, к шумевшей реке. Без останков медведь спустился вниз и, потоптавшись на берегу, вплавь перебрался на другую сторону, туда, где бродили его собратья, накануне вечером. Река бурлила и шумела так, что от ее рева разговаривать можно было только крича прямо в ухо друг другу. Медведь же, не боясь такой бешеной скорости воды, вошел в нее и спокойно переплыл на другую сторону. Сила в нем неимоверная.

Приятели задумались: «Что делать?». На левом берегу Бель-су явно медведей уже не было, они все переместились на правый берег, там, выше в горах, видимо, на южных склонах гор более молодая трава после растаявшего снега. Было решено переправляться вслед за медведями. Но как? Брода нигде не было, плыть через такую стихию — смерти подобно, единственный вариант — сделать плот. Это решение приемлемое, но как его скрепить, когда скоб, гвоздей, веревок нет. Единственное оружие — маленький топорик и немного веревок, если их отрезать от палатки. Время дорого, поэтому охотники сразу приступили к работе: начали в тайге подбирать, вырубать сухостойные деревья. За несколько часов восемь су-

хостов было подготовлено, и смельчаки пошли к палатке, чтобы срезать веревочки и взять на пару дней провианта. Спустившись снова к воде, с помощью четырех веревочек и двух толстых ремней плот был собран и утащен по воде метров на двести выше переката. Расчет был таков, чтоб от одного до другого переката успеть по плесу шириной 35–40 метров с помощью шестов переплыть на противоположный берег. На плоту вбили топорик, к которому привязали рюкзаки с одеждой, продуктами, патронами, спичками и ножами. Взяли в руки шесты, встали на плот, Соболев с повизгиванием заскочил на бревна, и местный паром пошел по течению. Друзья заработали шестами, толкая плот к противоположному берегу, но через несколько секунд они поняли, что при таком сильном течении шестами управлять плотом бесполезно. От такой скорости воды шесты не успевали коснуться дна, и плот стремительно покатился вниз. Бревна плота были неровные, его стало крутить течением. Геннадий понял, что шесты им толкаться не помогут, они начали ими грести, как веслами, но сила воды была намного сильнее людей. Назад было возвращаться поздно, и правый берег был еще далеко, а плот неумолимо приближался к перекасту, на котором спасения не было. Оставалось только грести из последних сил. Друзья работали молча, как автоматы. Вот до берега осталось метров пять-шесть, до переката — метров сорок. И плот потянуло под березу, которая, подмытая, лежала в воде, еще держась корнями за берег. Первого сбивают с плота ветки березы Геннадия, он летит в воду с одной только мыслью, чтоб ремни карабина и фотоаппарата, висевшие на шее, не зацепились за сучки березы. Тогда точно конец. Удар, еще удар. Геннадий цепляется за ветку березы и старается удержаться, но течение таково, что оно сильнее рук, и его затягивает под березу. Какое-то мгновение человек находится в воде, в этом крошечном водяном шуме, получая беспрерывно удары по телу. Наконец он освобождается и выныривает ниже березы: слава богу, не зацепился. Вверху голубое небо, а рядом, в четырех метрах, берег, и, собрав последние силы, рывком, буквально рассекая воду, он схватился за торчавший на берегу камень. Ура! Спасен, колени достают дно, и он постепенно выбирается на берег. Первая мысль: «Где плот? Где Георгий?» Соболев стоит уже на берегу, а друг лежит на камнях около самого переката. Геннадий вскакивает и бежит на помощь другу, но тот уже сам выползает на скалу. Стоит такой грохот воды, что разговаривать бесполезно, охотники обнялись и прошептали: «Слава богу, мы живы». Плот, естественно, на

перекасте р...
заками уп...
не догадал...
они уплыл...
отжимать о...
ше. Полож...
ческое: ост...
патронов, с...
минусовая т...
как-то выка...

Прежде...
пройти с к...
хоть один...
сучок или к...
лись в путь...
они обнаруж...
лась вплотн...
лезть вверх...
лезть по ска...
заки. Преод...
схватил Ген...
«Молчи!» —

На проти...
два медведя...
ста, между...
от друга при...
валун. Прис...
ник, охотник...
возможность...
заряжены об...
патроны упл...
ный медведь...
ние. Геннад...
оргий идет с...
был укрыт в...
лись в сторо...
взяв собаку...
шой пихты...
медведю, ко...
ном, левый м...
совершенно...
ведя Георгия...

Медведь...
опасность, т...
нику нужно...
шевелиться...
питаться. Но...
и слух. Если...
ном случае —...
но. Почувств...
лышав неост...
реагирует: в...
дя своим нос...
медленно пр...

пошли к
на пару
де, с по-
х ремней
в на две-
об от од-
су шири-
ереплыть
били то-
одеждой,
ами. Взя-
с повиз-
ый паром
шестами,
но через
ком силь-
ом беспо-
не успева-
покатился
стало кру-
ты им тол-
и, как вес-
ее людей.
равый бе-
о прибли-
я не было.
х сил. Дру-
до берега
ата — мет-
у, которая,
сь корнями
тки березы
ко мыслью,
висевшие
. Тогда точ-
епляется за
но течение
гивает под
находится в
ме, получая
он освобож-
ава богу, не
дом, в четы-
е силы, рыв-
ился за тор-
сен, колени
ется на бе-
оргий?» Со-
ит на камнях
скакивает и
м выполняет
о разговари-
и прошепта-
ественно, на

перекате разломился, и остатки его вместе с рюкзаками уплыли за поворот реки. Хорошо, что еще не догадались ремни снять с винтовок, а то бы и они уплыли вместе с плотом. Охотники начали отжимать одежду и соображать, что делать дальше. Положение было не смертельное, но критическое: остаться на целых шесть дней без пищи, патронов, спичек, верхней одежды, когда ночью еще минусовая температура, — весьма неприятно. Надо как-то выкарабкаться.

Прежде всего, на удачу, было принято решение пройти с километр вниз по течению. Возможно, хоть один из рюкзаков где-нибудь зацепился за сучок или камень. Не раздумывая, друзья двинулись в путь. Пройдя по берегу метров шестьсот, они обнаружили, что за поворотом река прижималась вплотную к утесу, и надо было метров двести лезть вверх, чтобы обогнуть этот прижим. Пришлось лезть по скале вверх, не теряя надежды найти рюкзаки. Преодолев скалу до перевала, Георгий вдруг схватил Геннадия за руку и прижал палец к губам: «Молчи!» — и показал рукой вправо.

На противоположном склоне развала паслись два медведя. Расстояние до них было метров триста, между медведями, которые находились друг от друга примерно в ста метрах, лежал огромный валун. Присев на колени и взяв Соболя за ошейник, охотники совещались, что делать. Такую возможность упускать было нельзя, карабины были заряжены обоймами по пять патронов, остальные патроны уплыли в рюкзаках. Георгий, как опытный медвежатник, предложил следующее решение. Геннадий с собакой остается на месте, а Георгий идет скрадывать правого медведя, который был укрыт валуном. Метров сто охотники двинулись в сторону медведей вместе, затем Геннадий, взяв собаку за ошейник, залег с ней за ствол большой пихты. Георгий подкрадывался к правому медведю, который пасся метрах в сорока за валуном, левый медведь был ближе к Геннадию, но на совершенно открытом месте. Скрадывание медведя Георгием длилось минут двадцать.

Медведь очень плохо видит. Если он замечает опасность, то мгновенно настораживается. Охотнику нужно остановиться и некоторое время не шевелиться, медведь успокоится и снова начнет питаться. Но у медведя очень хорошие обоняние и слух. Если ветер со стороны опасности, в данном случае — человека, подойти к нему невозможно. Почуввав неладное, он мгновенно убегает. Услышав неосторожный треск сучка, он также быстро реагирует: внимательно изучает местность, поводя своим носом и ушами. Поэтому Георгий очень медленно приближался, прячась за валуном, кото-

рый скрывал его полностью от медведя. Геннадий лежал за стволом дерева, наблюдая всю эту картину и держа Соболя, чтоб тот по неопытности не подбежал и не спугнул медведей. Пока Георгий подползал к валуну, левый медведь, потихоньку пощипывая траву, спускался вниз, в сторону притаившегося Геннадия. Расстояние быстро сокращалось, и у охотника возникла мысль: «А если и мне выстрелить в медведя одновременно с выстрелом товарища?» Мысль эта ему понравилась, и он взял медведя на прицел. Расстояние было уже в пределах ста двадцати метров. Георгий в это время дошел до валуна и начал потихоньку обходить его справа, чтобы выйти на медведя, Геннадий тщательно прицелился в левого медведя и ждал выстрела товарища. Наконец медведя и ждал выстрела товарища. Наконец выстрел прогремел, и Геннадий тоже нажал на спусковой крючок. По тайге в горах раздалось эхо двух практически одновременно прогремевших выстрелов.

89

Геннадий увидел, что медведь, в которого он стрелял, упал, он машинально отпустил ошейник собаки и посмотрел в сторону Георгия, откуда продолжали доноситься еще выстрелы. Тот стоял у валуна с карабином у плеча и стрелял в пробегающего мимо него метрах в двадцати медведя. Прогремело несколько выстрелов, но бегущий медведь, оставляя за собой шум падающих камней, уходил за перевал в густую таежку, не оставляя никаких надежд. Георгий бежал вслед за ним в сторону другого, левого, медведя, он, по-видимому, не слышал выстрела Геннадия и не видел лежащего медведя. Отпущенная собака наконец подбежала к лежащему медведю и начала громко лаять. Медведь вдруг встал и оказался в тридцати метрах от бегущего охотника. Георгий, увидев медведя, от неожиданности остановился, вскинул карабин, пытаясь выстрелить, но выстрела не последовало, так как все пять патронов были выпущены по правому медведю.

Геннадий издали видел всю эту картину, но стрелять ему было нельзя, так как рядом с медведем были его друг и собака. Почувствовав приближение хозяина, собака с еще большей яростью набросилась на медведя, и тот наконец бросился бежать в ту же таежку, куда убежал и его собрат. Когда, тяжело дыша, карабкаясь в гору, подбежал Геннадий, медведя уже и след простыл. Друзья посмотрели друг на друга: «Что же происходит?» Георгий, оправдываясь, говорил, что промазать с расстояния сорок-пятьдесят метров он не мог, уж слишком большая была мишень. Да и последние выстрелы в бегущего медведя на двадцать метров из-за валуна — это тоже были выст-

релы на поражение. Геннадий продолжал: «Ну, а мой-то медведь вообще лежал минуты три. Что случилось, почему он убежал?» Что делать, пошли разбирать следы. Оба медведя были ранены. Сгоряча охотники бросились по следам за медведями, на ходу заряжая карабины четырьмя оставшимися патронами. По два патрона на карабин. Кровь медведей виднелась по следам везде, значит, далеко они уйти не могли. Соболь вначале бежал впереди хозяев, но, когда вошли в таежку, шмыгнул за спину охотников и даже перестал лаять, видимо, чувствуя опасность, да и опыта у него еще не было никакого.

В таежке было, как в сказке. По всему видно, что здесь живут медведи: все кругом истоптано, кучи медвежьего кала, как в конюшне, попадались разбросанные муравьиные кучи, сломанные и ободранные когтями деревья. Свежие следы терялись в этом слишком обжитом месте. Друзьям стало не по себе: а вдруг из-за какой-нибудь колотины вывернется раненый зверь — это очень опасно. Посоветовавшись, они решили оставить поиск зверей до утра: если раны смертельны, то медведи останутся где-то в этом районе, а сейчас вернуться к реке и продолжить поиск рюкзаков. И думать надо, как высушить одежду и где ночевать. Развернувшись, они пошли снова вниз по реке и, перевалив увал, осмотрели весь берег, но, к сожалению, рюкзаков нигде не было. Счастье им пока не улыбалось. Рюкзаков нет, продовольствия нет, спичек нет, медведи ушли подранками, одежда мокрая и никаких перспектив. Что делать? Вдруг Соболев зарычал и кинулся вверх по горе. На окатах южного склона друзья снова увидели уже третьего пасущегося медведя. У охотников снова появилась надежда, подгоняемые азартом, они медленно стали скрадывать медведя, предварительно договорившись, что будут стрелять враз, по команде. Близко к медведю подползти было нельзя, кругом на окатах голое место. Метров за сто медведь забеспокоился, начал поднимать голову, прислушиваясь и приносясь к обстановке. Медлить было нельзя, охотники лежа прицелились и под команду «пли» выстрелили разом. Медведь упал, несколько раз перевернулся под гору, но вдруг вскочил и через несколько минут скрылся за камнями противоположного склона горы. Тут дело дошло до матов: что такое в жизни не везет и какая в этом причина. Убедившись, что медведь ранен, Георгий сказал: «Если зацепили хорошо, завтра найдем, а сейчас пойдем к речке, будем думать, как добыть огонь и как ночевать в мокрой одежде».

Спускаясь к реке, охотники рассуждали, какой

медведь сильный зверь. Если пуля, попав в него, не задела жизненно важные органы, то медведь уходит, кровь у него быстро останавливается, рана затягивается салом. Поэтому карабин не самое лучшее оружие на медведя: пуля небольшая, она с огромной силою прошивает тело медведя, не нанося ему смертельные раны. Раньше, когда карабин был редкостью, охотники стреляли медведей из гладкоствольного ружья свинцовой пулей, «жаканом». От этой пули подранков уходит мало, но стрелять из такого ружья надо было с небольшого расстояния, а карабин мог поразить цель и за сто метров. Просто счастье от наших охотников пока отвернулось, их преследовала полоса невезения.

Огонь теоретически можно было получить только при помощи карабина и двух оставшихся патронов. Но как? Главное — не торопиться и продумать все возможные способы получить огонь. У Геннадия был опыт получения огня таким методом, но это было охотничье ружье, где в патрон он вместо пыжа помещал вату, которая при выстреле холостым патроном вылетала недалеко из ствола и дымилась. Дальше дымящуюся вату, раздувая, клали в бересту и получали огонь. Но из карабина, где сила выстрела намного сильнее, да еще при отсутствии ваты получить такой огонь практически невозможно.

Подшли к реке, она неистово шумела, напоминая о своем коварстве. Расстроенные неудачной охотой на медведей, разбитым на перекате плотом, оставшиеся без пищи и огня, находясь в мокрой одежде, приятели присели на валуны и начали анализировать создавшееся положение. А оно было критическим: обратного пути через бушующую реку не было, рискнуть пуститься вплавь равносильно самоубийству. В этой глухомани рассчитывать на чудо не приходилось, а вертолет прилетит только через шесть суток. Значит, надо вначале решить два вопроса: добыть огонь и пищу. Не угасала надежда найти раненых медведей и из двух патронов добыть огонь. Но снова вопрос, как. Ваты нет, одежда вся мокрая, даже нет сухой тряпочки. Если вместо ваты заложить в патрон тонкую бересту, то, вылетая из ствола, она вся рассыплется, да и вряд ли загорится. У охотников даже не было ножа, все утащила вода в рюкзаках. Казалось, выхода нет, придется ночевать, прижавшись друг к другу, а завтра за день одежда должна просохнуть, все-таки солнце греет хорошо.

Геннадий был одет в шахтерский костюм темно-зеленого цвета из тонкого непромокаемого брезента, называемого в народе «чертовой кожей». Карманы на куртке и брюках застегнуты на ме-

ав в него,
медведь
ется, рана
не самое
ышая, она
дведя, не
когда ка-
пи медве-
ой пулей,
дит мало,
с неболь-
ить цель и
их охотни-
ла полоса

чить толь-
ихся пат-
и проду-
огонь. У
ким мето-
патрон он
и выстре-
ко из ство-
ту, разду-
нь. Но из
ильнее, да
кой огонь

ела, напо-
е неудач-
а перекате
находясь в
валуны и
положение. А
через бу-
ься вплавь
омани рас-
толет при-
надо вна-
нь и пищу.
едведей и
ва вопрос,
е нет сухой
в патрон
на вся рас-
охотников
рюкзаках.
ь, прижав-
ежда долж-
хорошо.
остом тем-
мокаемого
вой кожей».
ты на ме-

таллические пуговицы. Эта верхняя одежда, от-
талкивающая воду, была не очень мокрой. Случайно похлопав себя по груди, он почувствовал, что в левом нагрудном кармане лежит какой-то небольшой предмет. Расстегнув карман, он достал небольшой сверток из газеты и начал тщательно его разворачивать. Счастье, чудо — называй, как хочешь, — но там лежали две спички и часть коробка. Содержимое было вроде сухое, затеплилась маленькая надежда получить огонь. Быстро с берез нарвали бересты, наложили сухого мха, веток, и, загораясь от случайного порыва ветра, Геннадий чиркнул о коробок, и спичка загорелась. На бересте появился вначале слабый огонек, но постепенно захватил мелкий хворост, забегал, языками охватывая сложенный костер ярким пламенем. Да, это была первая победа и надежда на положительный исход для попавших в беду охотников. Вторая спичка была бережно завернута и спрятана в надежное место. Снимая с себя одежду и подставляя ее к огню, Георгий тихо спросил: «Как у тебя оказались эти две спички в кармане, и почему ты не знал об этом?» Геннадий долго молчал. Он не помнил, где и когда он положил эти «золотые спички жизни» себе в карман и мог ответить только предположительно. Он никогда в жизни не курил, поэтому где-то на охоте или рыбалке, благодаря таежной смекалке, уходя на засидку в скрадок, у приятеля попросил на всякий случай, в резерв, спички, которые ему тогда негодились. Вот теперь, благодаря этому случаю, друзья стояли голыми у живительного огня и сушили одежду. Закончив с этим занятием и надев на себя сухую, теплую одежду, с приподнятым настроением решили пройти еще вниз по течению реки, поискать на счастье свои рюкзаки. Подбросив в костер толстые деревяшки, они тронулись в путь. Соболь побежал вперед, вселяя веру в успех.

По пути в одном болотце Георгий увидел из-под снега торчащие растения, похожие на колбу (черемшу). И действительно это была она, съедобное растение, по вкусу похожее на чеснок с луком, которое и стало основной пищей охотников на последующие шесть дней. Идти по берегу, по большим камням, по бурелому, притащенному водой, было неудобно и утомительно, но надежда найти рюкзаки заставляла идти вперед. Пройдя еще с километр, охотники снова уткнулись в большой прижим скалы, за которым был резкий поворот реки. Именно на этот поворот и была последняя надежда найти вещи. Но, к сожалению, и здесь их не оказалось. Счастье друзьям не улыбнулось, настроение упало. Теперь они могли рассчитывать только на огонь, колбу и свои силы. Вдруг

Соболь забеспокоился и, поводя носом, стал смотреть вверх. Чудо! На краю обрыва, метрах в ста, на горе стоял, как на картинке, марал с пантами на голове. Его четкий профиль хорошо вырисовывался на фоне черного заката. Георгий быстро снял с плеча карабин с единственным патроном и, боясь спугнуть марала, тихо сказал: «Стрелять буду я». Стоя стрелять неудобно, да еще от усталости его руки дрожали. Геннадий, видя это, молча подставил ему свое плечо, крепко встав, расставив ноги и затаив дыхание. Прозвучал выстрел и за ним победный крик Георгия: «Попал!» Марал с огромной высоты, кувыркаясь, упал в сторону реки. Друзья обнялись. Победа! Еда обеспечена, а завтра, возможно, найдем медведей и тогда... Немая сцена. Марал, кувыркаясь с горы, набрал такую скорость, что, перевернувшись несколько раз по камням на берегу, упал в воду. А стремительная Бель-су как будто только этого и ждала, своим могучим течением она подхватила зверя и поглотила его, разбивая об острые камни.

91

Терпение лопнуло. На что уж молчаливый Георгий, и то запустил четырехэтажный матерок. Буквально за минуту привалило такое счастье, и тут же утонуло, унося с собой двести килограммов диетического мяса, да еще с пантами. Вот это стихия! После увиденного и пережитого друзья напрочь отказались от мысли вернуться к палатке с провиантом вплавь. Лучше быть голодным, чем быть разбитым о камни этой водяной стихией.

Что такое «панты»? Все копытные звери: лоси, маралы, олени, козы — ежегодно сбрасывают свои рога. Рога этим животным кроме красоты нужны для обороны от других животных. Осенью, когда у них начинается гон, самцы при помощи этих рогов в борьбе завоевывают себе самку. Счастличиком за обладание самкой остается победитель. Борьба бывает такая, что два самца, сцепившись ветвистыми рогами, не могут разойтись, и так в муках они вместе погибают. После осеннего гона рога сбрасываются, опадают. И в марте они снова начинают расти. Рога этих копытных растут очень быстро, особенно у марала, 10–12 миллиметров в сутки. Пока рога нежные, они растут покрытыми шерстью, и после того как вырастут и окрепнут, эта шерсть с кожицей от костей рогов отделяется и опадает.

Рога растут с такой силой благодаря пантокрину, который у домашних маралов забирается путем спиливания еще неокостеневших рогов. Эти вываренные и высушенные рога идут на изготовление лекарства «пантокрин».

Заканчивался второй день пребывания друзей на охоте, который с утра был наполнен желанием,

мечтой об удаче и закончился так печально. Видели много, стреляли медведей, ранили, марала убили, и ничего нет. Нет снаряжения, продуктов, одежды, спальных мешков, и вот теперь на голодный желудок надо укладываться спать. Потихоньку друзья поплелись к затухающему костру мастерить себе постели — это пока единственная их надежда на уют и спасение.

Выбрав место между столетними пихтами, охотники начали из лапника сооружать себе постели. В начале июня, пока горы еще покрыты снегом, ночью температура падает до нуля, так что спать на пихтовом лапнике без костра, тем более без спальных мешков невозможно — холодно. Поэтому между двумя лесными постелями был разведен костер, который грел поочередно подставленный при поворачивании бок. А если прозеваешь, то можно лишиться и последней одежды. Продремав ночь на голодный желудок, встав утром, охотники умылись холодной водой Бель-су, проглотив немного вкусной воды, стали планировать свои дальнейшие действия. Георгий внес предложение вначале обыскать еще низины вдоль реки, где, возможно, растет колба, ведь это пока единственный источник их питания. Предложение было принято, и через полчаса спутники, похрустывая, уже ели свежесочную колбу. Но они — опытные люди, знали, что много колбы, тем более на голодный желудок, есть нельзя, так как это тот же чеснок и через некоторое время начнется изжога. Утолив немного голод, охотники взяли один карабин с единственным патроном, крикнули Соболя и пошли разыскивать раненых вчера медведей. Георгий был уверен, что из трех хоть одного они найдут. Геннадий, усмехаясь, сказал: «Хорошо, возможно, повезет и найдем, а чем обдирать-то будем? Ножа нет, а ногтями толстенную шкуру медведя не раздерешь, придется зажаривать медведя в шкуре. Вот будет шашлык килограмм на двести — двести пятьдесят».

Охотники вернулись к тому месту, где они бросили преследовать двух медведей. Таежку нашли быстро, вот и следы, решили идти пока за одним, где виднелось на снегу больше крови. След уходил все глубже в тайгу, пока не было ни одной лежанки, зверь шел тяжело, но прямым ходом. Вокруг свежих следов вдоль и поперек попадались следы и медвежьи лежанки. Лес становился все гуще, собака, как и вчера, впереди не шла, боялась, плелась сзади своего хозяина. След зашел в молодой густой пихтач, видимость упала до десяти-пятнадцати метров. Георгий как ни посылал Соболя идти вперед, собака не шла, повизгивая, прижималась к ногам хозяина. Значит, медведь

где-то близко. Охотники стали передвигаться осторожно, всматриваясь в каждый темный предмет. Медведь — хитрый, умный и сильный зверь, на человека первым он нападает редко, но раненый очень опасен. Когда его преследуешь, он сворачивает с прямого следа, возвращается назад и, затаившись за какой-нибудь колодиной, лежит. Когда преследователь проходит по следу вперед, медведь нападает на него сзади. Нападение медведя на человека обычно кончается трагически. Друзья хорошо это понимали, они знали такие случаи, и желание идти с одним патроном за раненым медведем становилось все меньше.

92 Пройдя метров двести по глухому пихтачу, они остановились. Никому не хотелось говорить первому: «Давай повернем назад. Ради чего мы так рискуем?», но их опередила собака. Соболю почувствовал неуверенность людей и потихоньку побежал назад по своему следу. Друзья усмехнулись и молча последовали его примеру. Чувства страха не было, но то, что медведь шел, долго не ложась, подсказывало, что он еще очень силен. А вчерашнее невезение во всем шептало каждому из них: «Будьте благоразумны. Зачем так рисковать с одним патроном на такого матерого зверя, хозяина тайги. Решайтесь, поверните назад, так будет лучше для вас». Охотники потихоньку вышли из таежки и пошли в сторону реки, пересекая след третьего раненого медведя. Постояв около следа и определив, что местность здесь не очень покрыта лесом, решили попытать счастья. А вдруг, ведь все равно делать нечего. Там, в Междуреченске, в Камешках, не знают о случившемся, все равно вертолет прилетит не раньше намеченного срока, теперь уже через пять дней. Медведь шел по периметру гор, зверь часто останавливался, садился. Наконец попалась ночная лежка. Снег под медведем был весь в крови. По очертанию лунки можно было определить, что рана была в задней части, поэтому ход зверя был тяжелым. Охотники приободрились и прибавили шаг. Преследование длилось часа два, зверь чувствовал погоню и начал хитрить: уйдет вверх по горе, перейдет увал и за гребнем спустится вниз параллельно своему следу, ляжет и наблюдает, как преследователи поднимаются вверх по его следу. Когда охотники поднимутся вверх, медведь уходит дальше и продвигает тот же финт. Охотники только на третий раз поняли хитрость медведя и пошли его обходить. Наконец увидели его идущим метрах в ста от себя. Геннадий начал в него целиться, но Георгий остановил его: «Не надо. Полной уверенности нет, что попадешь, а нам еще жить здесь целых пять дней. Мало ли что может быть в этом

медвежьем преследовании. Медведь, впрочем, вернулся с гор охотники. Они были поражены различием следов от тлеющих на левую сторону и лежали преследователя.

Преследователи кончились, но делать дальше много колбы, оргия было, дить плот и Бель-су, где зарыто в сна патроны и с

Друзья с плота. Препереправы, тельно тихо на бушующую поглощала ющих со сна делать, предки понимал, наверное, всего только лудок, но с Хотелось бы менад за р знать о себе раскисать, для плота, стволах. К прутьями и на этот раз шие сухие ром, со све голодный ж прошедшие удач. Вроде поскорее у в своей сил нули на пос хой плот, к ном течени

Геннадий гу: «Ты сто гадался вз было тащи

медвежьим углу, а у нас всего один патрон. Давай преследовать еще, возможно, подойдем поближе. Медведь, видимо, почувствовал людей и резко повернул с горы вниз, в сторону реки, где ночевали охотники. Подойдя по следу к Бель-су, охотники были поражены смелостью медведя или уже безразличием от раны. Он прошел в пятнадцати метрах от тлеющего костра, зашел в воду и переплыл на левую сторону реки, где на горе стояла палатка и лежали продукты голодных охотников.

Преследование и поиски раненых зверей закончились неудачно, и снова встал вопрос: «Что делать дальше? Что предпринимать?» Пожевав немного колбы, попив водицы, по предложению Георгия было принято решение попытаться соорудить плот и переплыть все-таки на левую сторону Бель-су, где пахло колбасой, тушенкой, где было зарыто в снегу четыре четушки водки, где были патроны и стояла палатка.

Друзья с настроением взялись за сооружение плота. Прежде всего, было выбрано новое место переправы, на километр выше стоянки, на сравнительно тихом плесе, если его так можно назвать на бушующей и ревущей горной реке, которая поглощала в себя сотни ручьев и речушек, сбегających со снежных гор, окружающих ее русло. Но делать, предпринимать что-то было надо, охотники понимали, что шесть дней прожить без пищи, наверное, очень тяжело и мучительно. Прошло всего только тридцать шесть часов на пустой желудок, но слабость в организме уже появилась. Хотелось больше отдыхать, чем работать, да и променада за ранеными медведями по горам давал знать о себе. Силы постепенно таяли. Чтобы не раскисать, друзья приступили к подбору сухостоя для плота, отбивая камнями торчащие сучки на стволах. К вечеру связанный из шести стволов прутьями ивняка плот был готов. Вместо шестов на этот раз были подобраны для гребли небольшие сухие палки. Переплывать реку решили утром, со свежими силами. Вечером, сидя у огня на голодный желудок, друзья начали анализировать прошедшие два дня, уж слишком много было неудач. Вроде все делалось правильно, но желание поскорее убить увиденных медведей, уверенность в своей силе и большом охотничьем опыте толкнули на поспешное решение соорудить такой плохой плот, которым не смогли управлять при сильном течении горной реки. Это был явный просчет.

Геннадий укоризненно сделал замечание другу: «Ты столько раз бывал в этих местах и не догадался взять резиновую лодку. Поди, ее не надо было тащить на плечах, все равно лететь на вер-

толете, а понадобилась — вот она, под руками. Теперь бы не сидели голодными, а наверняка обдирали шкуры медведей». Но это были только слова оправдания, на самом деле объяснить сложившуюся ситуацию было непросто. Ведь были случаи у Георгия, когда он убивал медведя с одного, двух выстрелов, а тут выпустил целую обойму безрезультатно. Друг принял замечание насчет лодки и плохого, наспех сделанного плота и сказал: «Впредь буду всегда брать лодку, мало ли что, но переплывать реку на медвежьей охоте в такую пору мне еще не приходилось. Мы с тобой просто поздно вато прилетели. Вот все медведи и ушли повыше в горы, за реку».

Наступила третья ночь путешественников. Если бы не пустой желудок, можно было бы, развалившись у костра, любоваться красотой темно-синего неба и загорающимися звездами на лунном пейзаже, а главное — наслаждаться тишиной. Тишина была какая-то неземная, сказочная, и только шум неистовой реки напоминал, что мы не где-то в космосе, на другой планете, а здесь, на родной Земле. Пихты и кедры темными силуэтами, как великаны, покрывали горы, кое-где вырисовывались отдельные березки с уже распутившейся листвой, и вся эта красота стояла на фоне искрившегося снега. Ни днем, ни ночью нет даже писка, не то чтобы пения какой-нибудь птицы. Крысы-сеноставки в этом месте не попадались, им, видимо, не нравилось жить по соседству с рекой, соответственно, не было здесь и соболя. Друзья поглубже зарылись в пихтовый лапник и заснули. Утром предстояла рискованная работа по переправе.

Проснувшись, они подкрепились снова колбой, на которую уже было противно смотреть, и приняли твердое решение переплыть Бель-су, хотя и с большим риском.

Повесив карабины на плечо, на всякий случай не туша костер, друзья стали на плот и, оттолкнувшись, начали усердно грести, управляя плотом. Но усилия их были напрасны: плот от берега отходил очень медленно, он несея стремительно, подхваченный течением, вдоль берега вниз, к камням, торчащим из воды. Охотники гребли изо всех сил, но течение, обхватывая неровности слабенького плота, стало его крутить, как и в первый раз. Геннадий понял безвыходность положения, плот их не слушался, и с криком «Лучше быть голодным, но живым, на берегу, чем утопленным в Бель-су!» прыгнул в воду. Приятель последовал за ним. Через несколько минут оба уже были на берегу. Соболю последовал их примеру. Теперь новая за-

бота — сушить одежду. Постояв немного на берегу, наблюдая, как развалился их плот на пороге, они поплелись к еще тлеющему костру. Будь что будет, но ждем вертолета. Нужно подумать, как они нас будут искать, и где можно его посадить.

Когда друзья собирались у палатки, чтоб перебраться на другой берег за медведями, более осторожный Геннадий вырубил на коре ствола пихты «Мы за Бель-су» и уложил пихту вершиной в сторону, куда они держали свой путь. Это было сделано на всякий случай, а теперь, после неудачи с плотом, указание пихты могло помочь вертолечикам правильно ориентироваться при розыске охотников.

Через некоторое время была найдена единственная подходящая площадка для посадки вертолета, и друзья стали собирать и натаскивать в кучу сушняк для сигнального костра. Когда вертолет, теперь уже через четверо суток, прилетит за ними и, не обнаружив охотников на месте, начнет их искать, они и зажгут этот костер. После окончания работы Георгий устроился у костра и, лежа, обнял собаку. Соболь, который не ел колбу в отличие от хозяина, вообще не проявлял никакой активности. Живности, которую он мог бы поймать для своей пищи, в этом месте не было никакой.

Геннадий любил птиц, он хорошо знал все их повадки, места обитания, где вьют они свои гнезда, сколько несут яиц, и по пению или крику мог определить любую из них. Когда они таскали сушняк для костра, он вроде слышал знакомый крик кулика. Но он больше не повторился. Геннадий отошел подальше от костра, уселся на камень и начал внимательно прислушиваться, но пока было тихо, только ревела беспокойная река. Кулики живут всегда у воды, и охотник решил медленно идти вдоль реки в ту сторону, где ему послышался крик птицы. Пройдя несколько сот метров, на удивление он действительно согнал серого кулика. Если есть одна птица, значит, есть и другая, она наверняка сидит где-нибудь поблизости на гнезде, высиживая яйца. Полчаса поисков — и вот гнездо с четырьмя желто-коричневыми остроносими яйцами найдено. Но что такое четыре небольших яйца для двух взрослых голодных мужчин! Геннадий решил дожидаться ночи и попытаться поймать на гнезде самого кулика. Подобрал две хорошие ветки, чтобы ударить ими по кулику, сидящему на гнезде, он вернулся к костру и рассказал все Георгию. Настроение приподнялось, в желудке от таких мыслей сладко заныло, и охотники стали ждать ночи. Как только стемнело, пошли на охоту.

Два здоровенных мужика с палками на какого-то крохотного кулика, да еще на гнезде. Но голод — не тетка, одна мысль о пище вызывала слюну, вместо еды вот уже трое суток только колба да глоток воды.

Подошли к гнезду с приготовленными ветками очень тихо и только хотели ударить ими по гнезду, как где-то рядом раздался пронзительный, тревожный крик кулика-самца, и вмиг гнездо опустело. Делать было нечего, и эта охота не удалась, 150 граммов диетического мяса улетело из-под ног, оставив свои уже запаренные яйца. Взяли по два яйца, обмыли их в реке и проглотили содержащийся в них белок, не обращая внимания на то, что они были насижены.

Колбу есть не хотелось, от нее горел желудок и казалось, что организм настолько пропитался этим вонючим запахом, что он шел из ушей и глаз. Поужинав не первой свежести куликовыми яйцами, охотники пошли к костру отдыхать, так как крепкого сна у них не было.

Утром, еще не вставая с постели, кто-то из них услышал шум, похожий на рокот вертолета. От неожиданности друзья встали. Действительно, летел вертолет. «Если за ними, то пока рано. Он должен прилететь только через три дня. Возможно, что-то случилось, а может, везет таких же охотников, как и мы, а может, делают рейс с оборудованием для геологов?». Пока друзья задавали себе вопросы, рокот вертолета приближался, стало понятно, что вертолет летит не в то место, где высадил их, а прямо вдоль реки, на них. Охотники бросились к сигнальному костру и начали разжигать, но было поздно: вертолет пролетел над ними в сторону Поднебесных Зубьев. Было слышно, как вертолет начал сбрасывать обороты и вскоре сел. Минут через пятнадцать мотор вертолета снова заработал. Подбросив в горящий сигнальный костер последние дрова, друзья выбежали на берег реки, сняли с себя одежду и начали ждать. Когда вертолет появился над ними, они начали махать одеждой, кричать, бегать по берегу. Но, к большому сожалению, люди с вертолета, видимо, не заметили горящий костер и людей, бегающих по берегу реки. Вертолет улетел в сторону Камешков, вскоре затих и рокот его винтов. Что делать? Прошло более трех суток, надежд и перспектив пока больше никаких не было. О колбе даже думать не хотелось, а не то чтобы есть. Даже собака уже потеряла силы, она все больше лежала, положив голову между лап. И, наверное, старалась понять, почему эти люди, ее хозяйева, не дают ей пищу. У Геннадия, глядя на собаку, стала появляться на-

вязчивая мысль в данной ситуации китайцев это попробовать?» лями он поде Георгий долговетил: «Наверствительно, у есть, убей Соку не буду, хо Геннадий изв дошел к Соб нул ему руку исчерпан. Г знаю место вертолета, в туда хода час вертолет там геологов, но, по времени там охотников продуктов и то, и Георгий всякий случа когда приле Если все бу нуться часо собака оказ века. Как х вяло помахи за, отказыва

Погода б стое небо, я покрытых с зубья», в пр рядом, но ч пройти не м не случила бы к этим чего, и Ген на сигналь толет обяза Натаскав с лись на кап чам еще в лось, орган и постепен своих внутр низме был ввалились

Стоящу камня, св Геннадий

вязчивая мысль: «Чтобы выжить, надо есть, а съесть в данной ситуации можно только собаку. Ведь у китайцев это лакомое блюдо, почему и нам не попробовать?» Этими тяжелыми варварскими мыслями он поделился с Георгием, хозяином собаки. Георгий долго молчал, потом, тяжело вздохнув, ответил: «Наверное, предложение правильное. Действительно, уже не вмоготу, хочется жрать. Патрон есть, убей Соболя, но ешь один. Я есть свою собаку не буду, хоть умру с голоду». Все было понятно, Геннадий извинился за свою несдержанность, подошел к Соболю и погладил его. Тот в ответ лизнул ему руку и помахал хвостом. Инцидент был исчерпан. Георгий сказал: «Я приблизительно знаю место нахождения посадочной площадки вертолета, возможно, он там и сядет. От нас туда хода часа три, давай я туда схожу. Возможно, вертолет там садился разгружать оборудование геологов, но, учитывая, что стоянка вертолета была по времени небольшой, скорее всего он высадил там охотников. А если это так, то я оттуда принесу продуктов и патронов. Предложение было принято, и Георгий ушел, предварительно рассказав на всякий случай, если не вернется, где его искать, когда прилетит вертолет. Друзья распрощались. Если все будет в порядке, Георгий обещал вернуться часов через пять-шесть. Удивительно, но собака оказалась в этой ситуации слабее человека. Как хозяин ни звал ее с собой, она только вяло помахивала хвостом и стыдливо прятала глаза, отказываясь идти.

Погода была прекрасной. Голубое-голубое чистое небо, яркое солнце и бескрайняя гряда гор, покрытых снегом. Особенно выделялись «белые зубья», в прозрачном воздухе они казались совсем рядом, но чтобы вступить на их снега, надо было пройти не менее пяти-шести километров. Если бы не случилась беда, друзья обязательно сходили бы к этим манящим вершинам. Делать было нечего, и Геннадий решил натаскать еще сушняка на сигнальный костер, ведь через трое суток вертолет обязательно прилетит и будет их искать. Натаскав сушняка, Геннадий с собакой развалились на камнях, подставляя свои тела мягким лучам еще весеннего солнца. О еде уже не думалось, организм, видимо, свыкся с пустым желудком и постепенно приспособивался, поедая запасы своих внутренних жировых ресурсов. Во всем организме была слабость, и чувствовалось, что щеки ввалились и тело стало намного легче.

Стоящую космическую тишину нарушил стук камня, свалившегося где-то на вершине скалы. Геннадий невольно повернул голову в ту сторону

и увидел следующую картину. С горы на окаты, местами уже покрытые зеленой травой, осторожно спускался козел. Подойдя к большому разросшемуся кусту, он начал пощипывать травку. До козла было метров двести пятьдесят. «А что если нарушить принятую установку не трогать последний патрон до особого случая и попытаться подстрелить козла?» Голод заставлял думать о провианте, такую возможность упускать было нельзя. «Надо стрелять, — решил охотник, — но только не торопиться». Он осторожно подошел к костру, взял карабин и начал подкрадываться к пасущемуся козлу.

95 Задача была непростая. Козел находился на высокой горе, и к нему надо было подползать снизу вверх по окату сравнительно мелких камней без единого кустика или дерева. Геннадий полз очень медленно, буквально сросшийся с серыми камнями. Через некоторое время он попал в створ куста, за которым находился козел, это дало возможность подползти к животному метров на сто. Дальше продвигаться было опасно, можно спугнуть дичь. Выбрав удобную позу для стрельбы, Геннадий начал целиться. Для карабина сто метров — это небольшое расстояние, и если правильно прицелиться и очень плавно нажать на спусковой крючок, то козел будет твой. Но неубитые медведи, утащенный водой марал, трехдневный голод и вся эта полоса невезений делали свое дело. Волнение передавалось на весь организм, руки охотника потрясывались, уж слишком дорогим мог стать последний патрон. Но охотник был опытный, и бывалая твердость его рук и зоркость глаз — а он имел первый спортивный разряд по стрельбе — подсказывали, шептали ему: «Успокойся и стреляй. Все будет хорошо». Наконец чувство неуверенности прошло, он прицелился и нажал на спусковой крючок. Прогремел выстрел, козел дернулся и исчез из вида, видимо, упал. Соболю от выстрела наконец встал и подошел к подножию горы, уткнувшись носом в след охотника. Геннадий тоже встал, положил уже ненужный карабин на камни и стал карабкаться по валунам вверх, к кусту. Козла из-за куста не было видно. «Значит, лежит», — не покидала мысль охотника. Но пока не увидишь жертву своими глазами, полной веры в успех нет. Наконец куст, за которым стоял козел, достигнут. Но вдруг из-за него, сильно хромя, выбежал козел, пробежав метров двадцать, он остановился. «Раненый, — промелькнула мысль у охотника. — Но пуля карабина очень сильная для слабого козла, он не должен уйти». Козел стоял, Геннадий во весь рост шел к нему, взяв в руки камень. Козел, не подпуская охотника, поти-

хоньку передвигался к вершине скалы. «Что делать? Еще метров сорок, и животное скроется за вершиной горы, туда уж не добраться». И вдруг Геннадий вспомнил про собаку, которая продолжала стоять у подножия горы. «Соболь, Соболь, мать твою так, наберись сил, иди ко мне! Ты ведь тоже голодный, помоги мне догнать раненого козла!». Соболь нехотя пошел вверх, постепенно набирая скорость. Козел тем временем постепенно взбирался по горе, и вот он скрылся за последними камнями. Теперь попробуй найди его в тайге.

У Геннадия от досады пересохло в горле и подступили слезы: «Ну, где же ты, Соболь? Неужели ты так ослаб, что уже не можешь залезть на гору?» Наконец охотник услышал внизу рычание и лай собаки. Но чудо, он кого-то рвал ниже, метрах в тридцати от стоящего куста. Геннадий кинулся по камням вниз. Соболь, рыча, терзал козла, один рог пантов был уже обглодан, собака продолжала грызть нос козла.

Что же произошло? Надо разобраться. Значит, было два козла, один, хромой, лежал под кустом, а другой вышел пастись. Геннадий выстрелил, убил козла наповал, и тот скатился вниз по горе в другой, невидимой охотнику, плоскости. Геннадий после выстрела стремительно лез к добыче, которая должна лежать за кустом, и не обращал внимания на происходящее вокруг. Когда он подлез к кусту, выскочил другой, хромой козел, который и ввел охотника в заблуждение. Теперь можно думать и говорить что угодно, главное — цель достигнута, добыта еда.

Геннадий нашел оставленный карабин, взял козла за рога и потащил его вниз к реке. Соболь рычал и хватал зубами козла, мешая тащить его, но Геннадий на него не ругался, входя в положение голодного пса. Положив козла около воды, охотник, не обращая внимания на собаку, которая продолжала глотать мягкую часть носа животного, начал соображать, чем же разделать тушку, ножом ведь нет. Наконец решение было найдено. Охотник достал из карабина пустую обойму от патронов и начал быстро расплющивать ее на камнях. Когда одна пластина была заточена, он ловко распилил кожу животного и быстро ободрал переднюю лопатку. Буквально оторвав ее от тушки, быстро обмыв в воде, он побежал к костру.

Голод толкал охотника поест сырое мясо, но он взял себя в руки и начал жарить его на углях, разделив предварительно на несколько мелких кусочков. Вскоре появился приятный запах, вызывающий слюну, но Геннадий не поддавался соблазну, зная, что поспешность может повредить

кишечнику и желудку. Мясо надо было хорошо прожарить и потом медленно есть. Через полчаса мясной шашлык был готов, и голодный охотник, тщательно прожевывая каждый кусочек, начал есть. Какое это было наслаждение проглатывать горячую вкусную пищу и сознавать, что ты теперь будешь жить. Съев граммов двести мяса, Геннадий оторвал себя от этого пиршества и пошел обдирать козла. Ободранную тушку хорошо прополоскал в холодной воде и, разбивая кости камнями, разделил ее на несколько кусков.

Соболь, наевшийся до отвала потрохов, закрыл глаза и, кажется, заснул. Геннадий взял несколько кусочков самого нежного мяса и пошел к костру готовить ужин товарищу. Увлечшись приготовлением мяса, он не услышал, как подошел Георгий, который еще издали крикнул:

— Стрелял ты?

— Да, — ответил Геннадий.

— В кого?

— В козла, но промахнулся.

Но шутка не удалась. Навстречу хозяину, помахивая хвостом и облизываясь, бежал веселый Соболь, и от костра пахло жареным шашлыком. Друзья обнялись и похлопали друг друга по спине.

— Будем жить, теперь уже вертолета дождемся на сытый желудок. Давай скорее есть, — подбегая к костру, сказал Георгий.

Геннадий рассказывал процесс непростой охоты, а друг, слушая, уплетал прожаренное аппетитное мясо. Несмотря на то, что не было хлеба, мясо не соленое, обед был настолько вкусным и желанным, что о нем сохранились воспоминания на многие годы.

Георгий рассказал, что его поход был неудачным: под горой, на которой, как он предполагал, высадили людей, путь преграждал разлившийся бурный весенний ручей. Но эта неудача уже не волновала охотников, когда рядом, в холодной воде лежала, отмачиваясь, тушка козла. Теперь можно было строить другие планы. Во-первых, надо приготовить хорошо и вкусно мясо козла, для этого пригодился проверенный охотничий способ. Была вырыта ямка, на дно которой уложен предварительно помытый каменный плитняк, на него листья травы и колба, и на все это задняя лопатка козла. Сверху мясо закрывалось так же листьями с колбой и каменным плитняком. После этого кулинарного колдовства сверху был разведен костер, который горел непрерывно остаток дня и всю ночь. Утром, осторожно убрав угли костра и все то, что сверху, охотники достали килограммов шесть пропеченного в собственном соку души-

того диетического мяса. К этому блюду не хватало только соли и по сто граммов водки, которая стояла в трех километрах от них, в снегу у палатки, дожидаясь своего часа.

Настроение у охотников поднималось как на дрожжах. Отлежавшись за ночь, Соболь также стал подавать голос. Все неудачи остались позади, надо было интересно провести время, дожидаясь вертолета. Охота была закончена. Карабин и замоченный фотоаппарат за ненадобностью висели на сучке пихты. Силы у друзей восстанавливались с каждым часом, и было принято решение просто с биноклем сходить в горы, поближе к Поднебесным Зубьям, посмотреть на эту девственную красоту, понаблюдать за зверьем, уже приходящим с алтайских и монгольских степей.

Проснувшись утром с хорошим, бодрым настроением, позавтракав, друзья двинулись в путь. Шли медленно, беззаботно, налегке, привычного груза рюкзаков и карабинов за плечами не было, а главное, шли без напряжения и сверлящих мыслей встретить и убить медведей. Часа через два вышли на гору, которую отделял от Поднебесных Зубьев только глубокий распадок и небольшой ручей, пробегавший по его дну. Уселись на кривую, прижатую к скале ветром кедр и начали по очереди в бинокль разглядывать склоны главного хребта Кузнецкого Алатау.

Южный склон горы уже очистился от снега, и кое-где виднелась молодая зелень, поперек по нему явно виднелись террасами какие-то полосы.

— Что это за полосы? — не понимая, спросил Геннадий друга.

— Да это набитые зверьем тропы, — ответил Георгий. — Вон, смотри, по третьей тропе снизу друг за другом идет табун коз. Это как раз место перехода, по которому звери — лоси, маралы, козы — идут со степей в горы, чтобы произвести потомство и все лето пастись на свежей молодой траве. А на зиму они снова уходят подальше от больших снегов. На зиму здесь остаются только уходящие в спячку медведи да соболь, который питается крысой-сеноставкой. В это время сюда забираются охотники-шорцы, неумолимые соболятники, иногда им удается убить запоздалого лося или марала себе на пропитание. В зависимости от этой добычи, то есть на какое время им хватит пропитания, столько они живут здесь и промысляют соболями. Иногда живут месяцами, практически весь охотничий сезон.

Справа, на отдельном окате, охотники увидели под пихтой лежащего медведя. Руки дернулись искать карабины, но их, к счастью, не было, а то

опять стрельба, погоня. Лучше сидеть и наблюдать в бинокль, любясь сказочной красотой гор, а они здесь вокруг, на сколько хватает глаз, стоят с торчащими белоснежными вершинами. Да, правильно сказал Высоцкий: «Лучше гор могут быть только горы». Наблюдая за спящим медведем, охотники заметили, как он поворачивается с востока на запад, прячась от ярких солнечных лучей. Вот стервец, все понимает, даже лишние лучи солнца ему не нужны. Просидев три часа, в то же время загорая под июньским солнцем, охотники насчитали около пятидесяти движущихся точек — зверей, переходящих хребет. Подчиняясь инстинкту, животные столетиями мигрируют на летний период с засушливых степей в горы, где прохладно, много свежего разнотравья, где они отдыхают от назойливого гнуса и комаров. Возвращаясь на стоянку, к костру, охотники видели еще медведицу с двумя малышами и двух маралов, которые мирно паслись на склоне горы. Да, охота в этом сезоне для друзей была закончена, прямо скажем, неудачно. Утром, дай бог, чтоб прилетел вертолет да быстро нашел охотников. Ведь это тоже для летчиков будет проблемой.

Рокот вертолета послышался часов в десять утра. Он летел прямо на гору, где были высажены охотники. Значит, это за нами. Вертолет не увидел охотников, облетел два раза гору и сел. Друзья ждали у сигнального костра и были готовы в нужное время его поджечь. Они надеялись, что летчики прочтут вырезанное на пихте послание и поймут, где искать людей. Минут через десять после приземления, не глуша двигатель, летчики поднялись и прямоком улетели обратно в сторону Камешков. Настроение упало. Значит, экипаж вертолета, не обнаружив людей, почуял какую-то беду и поспешно улетел на базу с плохими новостями. Георгий высказал свое мнение: «Прилетят, найдут Петра и будут советовать, что делать. Возможно, возьмут нескольких опытных охотников для нашего розыска и часа через три вернутся назад. Наверно, это будет так». Во всяком случае, друзья надеялись на это и вернулись к костру в ожидании вертолета.

Заканчивался седьмой день неудачного путешествия охотников. Медведей не убили, но видели и стреляли много, зато сколько неожиданных получили испытаний, которые останутся в памяти на всю жизнь. Друзья последний раз легли на свои таежные постели, которые грели их шесть ночей и дней, и начали составлять планы повторения охоты в этих же местах на следующий год. Геннадий твердо заявил, что без надувной резиновой лодки

он больше не поедет, тем более что лодка геологов с двойным надувным дном есть в наличии. Ведь будь она у них, и итог охоты, и все шесть дней, прожитые в этом прекрасном диком месте были бы иными. Наверняка охота была бы удачной и без этих приключений. Как говорят, век живи, век учись.

Вскоре зарокотал вертолет. Он снова сел на гору, куда высаживал охотников, и заглушил двигатель. На этот раз прилетевшие люди, видимо, разбирались, исследовали, что же случилось с охотниками. Друзья с нетерпением снова ждали у сигнального костра. Минут через тридцать мотор вертолета заработал, и машина, поднявшись, полетела вверх по течению реки, потом развернулась и полетела по ущелью вдоль реки Бель-су.

Вертолет летел прямо на охотников. Сигнальный костер быстро разгорался, создавая огромное облако дыма. Наконец летчики заметили костер, и машина начала делать круги, выбирая место посадки. Охотники стояли на площадке, заранее выбранной для посадки, и приветливо махали куртками. Покружив, вертолет завис, но садиться не стал, летчики боялись задеть винтами верхушки высоких пихт. Была сброшена веревочная лестница, первым полез Георгий, держа в руках Соболя. Кое-как он добрался до люка, где его подхватили сильные руки, и он в вертолете. Вторым полез Геннадий, прихватив завернутую в куртку оставшуюся половину трофейного козла. Наконец погрузка была закончена, и вертолет, набрав нужную высоту, полетел в Камешки.

Как и предполагали наши герои, кроме двух летчиков в вертолете было еще три человека. Один опытный охотник, знающий эти места, председатель Междуреченского горисполкома Я. М. Панчишин и начальник геологической партии Петр. Он обнял охотников и, показав на уши, прокричал: «Подождите рассказывать, вот приземлимся, тогда». Вскоре вертолет начал снижение и сел на косу одного из островов реки Томи, в том месте, где в нее впадала Бель-су. Двигатель был остановлен, и все пассажиры вышли на твердую землю.

— Ну, теперь рассказывайте, робинзоны, что с вами приключилось и где ваши медведи. Вы, ребята, здорово почернели от горного солнышка, а еще больше похудели.

Охотники, улыбаясь, заговорили наперебой.

— Сначала вы расскажите о вашей реакции, когда нас не застали в намеченном месте около палатки, а то нам рассказывать долго.

— Когда мы подлетели к намеченному месту, — начали летчики, — первое удивление было, что вы

нас не встречаете. Когда посадили вертолет, не глуша двигателя, увидели странную картину. Палатка лежала, из снега торчали четыре чехушки водки, валялись вытаявшие из снега продукты, консервы и т. д. Следов нигде не было, значит, охотники здесь не живут, в голову полезли самые разные плохие мысли. Первая — вас задрал медведь. И с этими мыслями, ничего не трогая около палатки, мы вскочили в вертолет и полетели в Камешки доложить обо всем начальнику партии. Тот внимательно нас выслушал и сказал, чтоб мы пока не поднимали паники в поселке, начал звонить руководству Междуреченска. Через пару часов вот в этом составе мы полетели искать вас. Если честно, то живыми мы вас встретить уже не думали. Но надежда умирает последней. Зная, что Георгий имеет большой опыт охоты на медведей, мы все-таки надеялись на хороший исход. В голову лезли разные мысли. Петр за десятилетия работы геологом знал много случаев, когда раненый медведь задирает охотников. А если попадал счастливчик и оставался жив, то это, как правило, глубокий инвалид.

Я. М. Панчишин, как ему и полагалось по службе, сказал дипломатично:

— Я этих ребят знаю давно, и просто так они медведю не попадутся. Ведь Георгий уложил уже более десятка медведей, а Геннадий очень предусмотрительный и практичный человек. Кроме того, они оба опытные, заядлые охотники, а опыт и практика в этом деле имеют большое значение. Живы, здоровы, и слава богу. Вот я и предлагаю выпить первую за этих загорелых, обросших, помолодевших прекрасных друзей и охотников. Помоему, голод им очень на пользу. Посмотрите, какие они стройные, а самое главное — сколько жизни в этих карих и голубых глазах!

Все с удовольствием выпили водку из сохранившихся чехушек. Геннадий и Георгий по очереди рассказывали все подробности своих приключений и закончили тем, что предложили не торопиться с отлетом, а развести костер и отведать шашлыков из козлятины без соли, с колбой. А еще твердо заверили, что на следующий год с помощью Петра они снова полетят за медведями, но обязательно возьмут с собой резиновую лодку. Но полетят не второго июня, это немного поздновато, а неделей раньше, чтоб медведи еще не ушли вверх к Поднебесным Зубьям, за такую буйную и коварную реку Бель-су.

Вот так, слава богу, благополучно для друзей закончилась недельная охота на медведей в горах Кузнецкого Алатау.

п. Кедровка

Геннадий ЮРОВ

КАК РОЖДАЛАСЬ «РАБОЧАЯ МЕЛОДИЯ КУЗБАССА»

1.

Вначале о том, как я не стал поэтом-песенником. Жил в Кемерове хороший музыкант Георгий Григоренко. Он был единственным в Кузбассе членом Союза композиторов. Мы звали его Григом. У Грига были белокурые волосы, падающие на лоб, добродушный нрав, тяга к товариществу. Как многие талантливые люди, был он беспомощен в житейских вопросах, не смог за много лет добиться квартиры, где его композиторский рояль не тревожил бы соседей. После бесплодных хождений по инстанциям уехал в Новосибирск. Оставил нам серьезную инструментальную музыку и несколько песен на стихи Буравлева, Махалова, Небогатова.

Ему понравилось мое стихотворение «Весенняя улица», и он подобрал к нему мелодию. Песня была отмечена на каком-то областном конкурсе. Впрочем, кемеровчане знают несколько песен о Весенней улице разных композиторов и разных поэтов. В нашей с Григом песне были такие строфы (куплеты):

*Куда идешь ты, улица Весенняя?!
Шаги твои воздушны и легки.
Качельное, шальное, карусельное
Движение к реке и от реки.*

*Твои маршруты мне близки и любы.
С собой побольше спутников зови.
Здесь молодые солнечные губы
Пронесут объяснение в любви.*

*Здесь тополя исполнены значенья.
Им дай сигнал — и мигом зацветут.
Здесь детские коляски по теченью,
Как синие кораблики, плывут.*

Тополя, как известно, на главных улицах областного центра повырубили, заменив их «элитными» породами деревьев. Так что же, менять строфу? Нет, я делать этого не стану. Просто мое стихотворение, и песня тоже, принадлежат моему времени — началу шестидесятых годов.

Позднее о нашей с Григом песне вспомнили музыканты областной филармонии. Одолевали меня телефонными звонками:

— Приходите к нам, у нас есть готовые мелодии. Нужны тексты, стихи. Предлагаем сотвор-

чество. Вместе получится — прозвучим на всю страну.

Я отвечал, что мне это поприще незнакомо. И вообще, медведь на ухо наступил.

Композиторы продолжали звонить, и однажды я сдался:

— Ладно, сейчас приду.

Филармония тогда располагалась во Дворце труда — памятнике кемеровской архитектуры, построенном в 1927 году (сейчас там училище культуры). В назначенное время, изрядно волнуясь, я вошел в парадные двери и очутился в просторном фойе первого этажа. На втором этаже гремел оркестр, шла репетиция. Я хотел подняться, но уборщица преградила мне путь ведром с грязной водой, из которого свисала мокрая тряпка:

— Посторонние сюда не ходят. Вот вечером придешь — купишь билет. А сейчас никого пускать не велено.

Я пытался что-то объяснить, но тетя Маша и слушать не захотела:

— Давай, выметайся отсюда!

Она оттеснила меня к «черному ходу», распахнула двери, за которые меня и выставила. Следом выплеснула воду из ведра.

Я очутился во дворе здания. Постоял, ошеломленный. Потом пожал плечами и побрел домой.

Больше композиторы мне не звонили. Должно быть, обиделись.

2.

Теперь о том, как я не поджигал Кемеровского цирка.

Пожар на перекрестке Советского проспекта и улицы Кирова начался 2 марта 1971 года в 10 часов утра. В нем сгорело старое деревянное овальное здание Кемеровского цирка, построенное еще в начале тридцатых. Оно отслужило свой век, артисты давно покинули арену. Тогдашняя газетная реклама вещала: «Кемеровский цирк продается на слом». Но никто не захотел купить и разобрать (хотя бы на дрова) деревянное строение в центре города. Председатель горисполкома Евгений Алексеевич Залесов предупреждал столицу об угрозе грандиозного пожара в Кемерове. Предупреждал неоднократно. Однажды цирк загорелся:

*...И, как от вздоха исполина,
Над площадями,
Над домами,
Над потускневшею долиной
Багровое восстало пламя,
Перегибаясь телом длинным.*

.....
Бушует пламя стоязыко,
Гудит предсмертно
И спасенно.
Свои торжественные блики
Бросает в город потрясенный.

Переступив границу риска,
Созвал нас цирк
На представленье.
Была, должно быть,
Божья искра
Причиною воспламененья.

Поэма «Последнее представление Кемеровского цирка» родилась в конце семидесятых. Летописец города Иван Алексеевич Балибалов выделял ее среди всего мною написанного. Не скрою, что он присутствует в поэме...

Иван Алексеевич узнавал себя. И предавался воспоминаниям. Старый деревянный цирк был для него миром, неведомым обитателям галерки — моему поколению послевоенных мальчишек. В частности, цирковой буфет был доступен (и от редакции недалеко) старой гвардии кузбасской журналистики и словесности. Сюда наведывались Александр Волошин, Геннадий Молостнов, Владимир Измайлов, Александр Ивачев, Николай Зелен, Валентин Калачинский...

Кемеровский цирк был дорог великому русскому артисту Юрию Никулину. Здесь он начинал свою цирковую карьеру, ассистируя Карандашу, знаменитому клоуну послевоенных лет. В одной из своих книг вспоминает о Кемерове тепло и сердечно. Присутствие Юрия Никулина в моей поэме естественно и закономерно. С него поэма и начинается.

Отдать, отпылать — и не страшно
Исчезнуть.
Вершите свой суд.
Пусть дворники пепел вчерашний
В багровые кучи сметут.

Не верьте в назначенность часа,
Когда истощатся дотла
В душе золотые запасы
Любви, доброты и тепла.

И там, где скрестились дороги
Торжеств, потрясений и бед,
Замрите,
Постойте немного
У цирка, которого нет.
Признательным вспомните словом

Обитель восторгов и слез,
Откуда седеющий клоун
Обрывок афиши унес.

Когда поэма была напечатана в сборнике «Песня о городе» (это произошло в 1978 году), один экземпляр книги попал в столицу — Юрию Никулину. Он прислал в Кемеровское книжное издательство растроганное письмо, сообщив, что «читали всей семьей во время обеда».

Иван Алексеевич Балибалов вдруг заподозрил, что я сам поджег ветхий Кемеровский цирк, исключительно для того, чтобы написать поэму. Свое подозрение он обосновал моими же строфами:

Что я подспудно понимал
И прятал,
Пламя обнажало.
Спасибо вещему пожару
За то, что я ему внимал.

Что я касался ваших плеч,
Вам руки жал,
Во взглядах грелся...
И если б цирк не загорелся,
То я б хотел его зажечь.

Версия Балибалова, высказанная, как я понимаю, в порядке шутки, была тем не менее подхвачена. Капитан пожарной охраны Александр Кириллович Василенко вовсе не шутил, когда пробовал завести на меня дело о поджоге. Мотив казался ему убедительным, ибо был он человеком творческим, автором многих телепередач и газетных публикаций о пожарной опасности (или безопасности?). Если эти публикации собрать воедино, получится своеобразная летопись чрезвычайных происшествий, связанных с огнем.

Четверть века спустя (срок давности!) встретился мне полковник в отставке Василенко на рынке. Я ему говорю:

— Александр Кириллович, клянусь, я не поджигал.

— Так я тебе и поверил, — смеется полковник. — Мотив был, репутация была, доказательств не было.

В 1988 году в Кемеровском книжном издательстве вышла книга о кузбасских пожарных. Называется «Огонь на себя». Подготовил сборник Александр Кириллович Василенко. Когда я убедился, что в этой книге нет ни слова о сгоревшем Кемеровском цирке, я очень возмутился и, встретив полковника в очередной раз на рынке, устроил ему склоку:

— Как же ты мог? Это же был самый замечательный пожар в истории города!

— Но этот пожар не был бедствием, — оправдывался Василенко, — он не принес городу никакого ущерба. Даже наоборот...

Что ж, это верно. Именно так и я воспринял пожар в своей поэме:

*Когда заговорила память —
Не погасите это пламя.
Оно, всходя на пьедестал,
Нам дарит опыта кристалл.*

*Не вопль отчаянья
«Спасите!»,
Не огненной стихии страх,
А тихое «Не погасите» —
В моих доверчивых губах.*

*Вот так, сменяя время года,
Решив запеть в последний раз,
Уходит буйная природа
Осенним пламенем от нас.*

*Когда весь мир багров и красен,
Стремителен полет листы,
Мы пламени того не гасим...
И разве в этом не правы?*

*Живой огонь,
Который, грея,
Зовет стать лучше и добрее,
Огонь распахнутой души
Не потуши!
Не потуши!*

Освободившуюся площадь заасфальтировали буквально за два-три дня, как будто готовились заранее. А какие замечательные цветы здесь потом продавали. Да и теперь продают.

Вначале для цветов были установлены деревянные торговые ряды через всю площадь. В это время в верхах — административных и градостроительных — думали над тем, что именно следует построить на месте сгоревшего цирка (не придумали до сих пор). Новый цирк вырос за Искитимкой на прекрасной строительной береговой площадке, приподнявшей купол над городом. А здесь, на перекрестке Советского проспекта и улицы Кирова, пылали астры и гладиолусы, сибирские розы и тюльпаны. Диковинные цветы из солнечных республик Союза тоже продавали здесь. Торговые ряды были зовуще нарядны и праздничны. Последнее представление Кемеровского цирка продолжалось.

Потом был сооружен просторный павильон, чтобы укрыть цветы от летних дождей и зимних мо-

розов. В павильоне продавцов, как правило, было больше, чем покупателей... Но однажды, майским днем 1977 года, цветочный павильон был закуплен весь и в одночасье. И связано это с рождением «Рабочей мелодии Кузбасса» и с женщинами Кемеровского книжного издательства, которым эти цветы были подарены. Но обо всем по порядку.

3.

В семидесятых годах руководители культуры были озабочены песней о Кузбассе. В этом отношении Кузбасс проигрывал другим регионам. Звучали тогда мелодии «Давно не бывал я в Донбассе», «Песня о Свердловске», «К северу от Томска широкие просторы» и другие. У нашего края своей песни не было.

Заместителем председателя облисполкома, в чьем ведении находилась культура, в том числе и песенное творчество, был тогда Георгий Васильевич Корницкий, человек горячий и предприимчивый. Раз песня не рождается сама, надо ее инициировать, решил он. И обратился к поэтам-кемеровчанам с просьбой, чтобы каждый написал свой вариант. Несколько человек откликнулось. Тексты были добротные, профессиональные, и Корницкий повез их в Москву показать столичным композиторам. Среди них была моя «Рабочая мелодия Кузбасса». Но в столице она никого не вдохновила.

Другим человеком, с именем которого связано рождение песни, был Виталий Васильевич Банников — директор Кемеровского книжного издательства.

Родной брат известного московского писателя, критика и литературоведа Николая Банникова — составителя и редактора эпохальной книги «Три века русской поэзии», Виталий Васильевич преломлял веяния духовной жизни столицы на нашу провинциальную почву, полагая, что кузбасские писатели имеют неоспоримое преимущество — глубинное знание жизни. Он и сам был незаурядным публицистом, имел неординарный взгляд на события, которым был свидетелем и которые тщательно фиксировал в своих записных книжках. Замышляя и осуществляя такие коллективные книги, как «Были земли Кузнецкой», «Кузбасс — фронту», «Вашим, товарищ, именем», «Свидание с природой», «Звезды Запсиба», «Шахтеры», Виталий Банников брал на себя их летописную историческую канву.

Он хорошо знал и любил литературную братию и умел вовлечь нужных ему людей в свои за-

мысли, которые поначалу казались авантюрными. Вот как это происходило.

Виталий Васильевич приглашает меня в кабинет и вкрадчиво спрашивает:

— Чем занят? Над чем трудишься?

Я настораживаюсь, сразу понимая, что директор ищет исполнителя какой-то новой своей идеи. Готовый к сопротивлению, перечисляю уже имеющиеся заботы с такой плотностью, чтобы между ними не оставалось места для новых. Директор слушает лишь из вежливости. Затем перебивает:

— Вот, уже и название есть — «Рабочие плечи Кузбасса». Книга о рабочем классе. Очерки, стихи, повести, документы, свидетельства, воспоминания, фотографии... Все писатели, все журналисты, лучшее из написанного, под одной обложкой... Чувствуешь?

— Чувствую, — говорю. Меня действительно увлекает перспектива собрать вместе доменщиков Геннадия Емельянова с горняками Владимира Кузнецова, знаменитые стихи Владимира Маяковского о Кузнецкстрое с рабочими стихами Евгения Буравлева, «Эрниту» Теодора Драйзера, где повествуется о членах АИК «Кузбасс», и «Землю Кузнецкую» Александра Волошина, заставить снова «работать» яркую и умную публицистику Петра Ворошилова, Владимира Мазаева, Олега Павловского, Юрия Котлярова, дать слово академику Ивану Петровичу Бардину и комсомольскому руководителю Анатолию Садовикову, а также представителям ведущих профессий нашего индустриального края.

Эта книга вышла в 1977 году, и в ней впервые зазвучала «Рабочая мелодия Кузбасса» — строфы моего стихотворения, ритмически организующего иллюстративный материал издания.

Я и сейчас часто перелистываю этот красочно оформленный том. Какие прекрасные стихи посвятили мои товарищи рабочему человеку! «Возьми, Запсиб, меня в ученики» Игоря Киселева, «Домна Запсибовна» Валентина Махалова, «Машинист Иван Петрович» Виктора Баянова, строки из фронтовой тетради Михаила Небогатова... Созданы поэтические портреты Кемерово, Новокузнецка, Междуреченска, Мариинска, Березовского...

При Виталии Васильевиче Банникове Кемеровское книжное издательство стало одним из лучших региональных издательств страны. Оно давало нам уверенность в завтрашнем дне.

На многих книгах издательства читатели видят эмблему — в ладонях кусочек угля, излучающий свет. Свет в ладонях — и люди тянутся к этому свету. Для меня это символ духовного поля про-

винции и нашего товарищеского круга. Мне довелось писать об этом в поэме.

*Вступили мы в товарищеский круг,
Античными поэтами воспетый.
У стариков-наставников из рук
Мы приняли огонь как эстафету.
Огонь товарищества...
Встанем перед ним,
Пусть мало нас и голоса негромки.
Но если мы его не сохраним,
То нашу память проклянут потомки.*

4.

Рождение «Рабочей мелодии Кузбасса» связано с творческим поиском артистов областного драматического театра. Заслуженная артистка России Галина Николаевна Кузнецова организовала своеобразную студию чтецов-декламаторов. Это был «театр в театре», исполнительское творчество с совершенно самостоятельным репертуаром, обращенным к мировой и отечественной поэзии.

Галина Николаевна в детстве жила на Красной Горке, дружила с моей старшей сестрой Мартой. Ее родители, Николай Петрович и Мария Захаровна, были учителями, работали вместе с моей матерью Ксенией Трофимовной. Может быть, поэтому, став известной актрисой, Галина Николаевна внимательно следила за моими стихами и, когда задумала программу о городе Кемерове, обратилась именно ко мне. Я передал ей верстку поэтического сборника «Песня о городе», который готовился в Кемеровском книжном издательстве.

Началась работа над композицией. Меня приглашали на репетиции. Ими руководил режиссер Борис Соловьев. Участвовали Виктор Мирошников, Лидия Цуканова, Лилия Семенова... Особенно мне нравился Леонид Титов, читавший главы о Мартемьянове — абсолютном чемпионе мира по высшему пилотажу, навсегда оставшемся в небе и памяти Кузбасса.

*Когда он взмыл над Томью круто
С зенитом самым по соседству,
Спросило небо:
— Ты откуда?
И он ответил:
— Я из детства.*

Мы рассуждали с режиссером Борисом Соловьевым, что не надо читать все стихи композиции громко и пафосно, что многие из них требуют раздумья, соучастия, сотворчества, задушевной интонации. Опирались на такие строфы:

Арти
циальну
«Рабочу
мой тек
му дире
оперетт
Галин
мне пот
глазами
вопросы
щавшис
В нач
партийн
гих важн
ся очере
са. Спи
строите
утвержд
После
впервые
Музыка
зун, впо
тогда ра
также хо
Участник
уреатов
здателей
ния были
Утром
сын Ярос
— Пап
Я оты
очень уд
знал, что
меня пре
стоялась
дней сп
Вот к
лауреато
рове, с н
облсовпр
сил не об
200 рубл
тель, а п

Мне до-

*Друзья мои, не в первый раз
Я будто ковш пустил по кругу,
Пусть он объединит всех нас
С рекою, лесом и друг с другом.
Кто опытней,
Кто бит и гнут,
Знал больше счастья и страданий,
Пусть мною созданный сосуд
Своим наполнит содержанием.*

Артисты спросили меня, не напишу ли я специальную песню для композиции? Я передал им «Рабочую мелодию Кузбасса». А они показали мой текст Евгению Михайловичу Лугову, главному дирижеру и руководителю оркестра Театра оперетты.

Галина Николаевна Кузнецова рассказывала мне потом: музыкант буквально впился в стихи глазами. Начал волноваться. Невпопад отвечал на вопросы. Потом внезапно поднялся и, не попрощавшись, помчался домой — к инструменту.

В начале 1977 года был не то пленум, не то партийно-хозяйственный актив, где, помимо других важных для области вопросов, рассматривался очередной список лауреатов премии Кузбасса. Список, куда вошли шахтеры, металлурги, строители, передовики сельского хозяйства, был утвержден и передан в газету для публикации.

После пленума состоялся концерт, на котором впервые прозвучала «Рабочая мелодия Кузбасса». Музыка Лугова, стихи Юрова, солист Борис Мазун, впоследствии народный артист России. Он тогда работал в Кемеровской филармонии. Пел также хор Театра оперетты. Песня понравилась. Участники пленума решили дополнить список лауреатов премии Кузбасса тремя фамилиями создателей песни. Первый случай, когда этого звания были удостоены работники культуры.

Утром следующего дня меня разбудил младший сын Ярослав с номером газеты «Кузбасс» в руках:

— Папа, поздравляю, ты лауреат.

Я отыскал свою фамилию на первой полосе и очень удивился. Песни я не слышал. И даже не знал, что Лугов так быстро сочинил музыку. Для меня премьера «Рабочей мелодии Кузбасса» состоялась в ресторане «Солнечный» — несколько дней спустя.

Вот как это было. Когда несколько десятков лауреатов премии Кузбасса собрались в Кемерове, с нами вначале побеседовал председатель облсовпрофа Борис Иванович Окушко. Он просил не обижаться на скромный размер премии — 200 рублей. Главное не деньги, сказал председатель, а почет и уважение. Мне-то, не избалован-

ному высокими заработками, сумма показалась внушительной. (Я ее воспринял как вознаграждение за свой труд, что-то вроде гонорара.) Один из новокузнецан успокоил Окушку:

— Ничего, на обратную дорогу хватит.

Все засмеялись. Вообще народ в этот раз подобрался веселый, ироничный, воспринимающий случившееся как приключение. В ресторан мы попали после того, как нас поздравил секретарь обкома КПСС Филипп Васильевич Попов, вручивший каждому удостоверение, железную медаль, конверт. Время банкета было ограничено полутора часами.

После нескольких традиционных тостов застолие оживилось, загомонило и возжаждало какого-нибудь зрелищного или песенного действия. Вспомнили про «Рабочую мелодию Кузбасса». Кто слышал? Из присутствующих никто. Надо услышать. Исполнитель здесь? Здесь. Пусть поет. Борис Мазун пробовал объяснить, что для этого требуется хоровое сопровождение и оркестр. Ему сказали:

— Пой так. Мы пойдем.

И Мазун запел. Его густой баритон заполнил зал. Официантки так и застыли с подносами.

*Вы видите? Горят огни в ночи —
На землю небо звездное упало.
Вы слышите? Мелодия звучит —
Поет земля восточнее Урала.*

*Где города по берегам реки
Тепла и света создают запасы,
Ее добыли в шахте горняки —
Рабочую мелодию Кузбасса.*

*Мелодия, звучи с сердцами в лад.
Мелодия, наш путь велик и труден.
Земля открыла людям свой талант,
И свой талант земле открыли люди.*

Ко мне подошел горняк. На пиджаке иконостас орденов и медалей. Рукопожатие мужское, крепкое:

— Ты написал?

— Я.

— Приезжай к нам в Прокопьевск, мы тебя в почетные шахтеры примем.

Я воздерживался от спиртного (по стечению обстоятельств). Прокопчанин это дело строго осудил, выплеснул из моего фужера минеральную воду, налил «Столичной». Мы чокнулись. Между тем артист пел:

*От пламени не прячем мы лица,
Когда металл рождается в горниле.
Натруженные руки кузнеца
Мелодию надежно закалили.*

*Она в пролетах заводских гремит,
И поезда несут ее по трассам.
Об отчем доме с нами говорит
Рабочая мелодия Кузбасса.*

Новокузнецанин, слышавший наш разговор с шахтером, тоже захотел выпить со мной:

— Приезжай к нам на Запсиб, мы тебя в почетные металлурги примем.

*Когда в предгорьях выпадет роса,
Когда восходит солнце над долиной,
Таежный шум и птичьи голоса
В той музыке могучей различимы.*

*Распахнут мир дыханию весны,
И ждет любовь назначенного часа.
Вплетается в напев родной страны
Рабочая мелодия Кузбасса.*

*Мелодия, звучи с сердцами в лад.
Мелодия, наш путь велик и труден.
Земля открыла людям свой талант,
И свой талант земле открыли люди.*

Пока Мазун это пел, я стал почетным железнодорожником, почетным строителем, почетным колхозником и ощутил себя способным на подвиги.

Из ресторана вышли все вместе, расставаться явно не хотелось

— Куда теперь? — спросили меня лауреаты.

— Вот здесь на площади, — говорю, — где цирк сгорел (и не я его поджег), цветы продают. Так я хочу купить цветов и подарить их прекрасным женщинам Кемеровского книжного издательства.

— Поэт, мы с тобой!

За мной увязалось человек пятнадцать-двадцать. Купили цветов — много. Заглянули также в гастроном, набрали вина. На третий этаж «Дома печати» поднимались шумно, как девятый вал штормовой стихии. Вы бы посмотрели на наших издательских женщин, когда к ним в гости явилось два десятка великолепных представителей ведущих кузбасских профессий. Лауреаты были широкоплечи и мужественны, великодушны и остроумны, при галстуках и «свежевымытых сорочках», при орденах и медалях... Цвет нации, можно сказать.

В библиотеке издательства (она же «красный уголок» состоялся светский прием, была мобили-

зована вся посуда из всех отделов. Обменивались впечатлениями и комплиментами. Говорили о политике и о любви. Читали стихи, рассказывали анекдоты. Спели вместе несколько песен... Потом пришло сообщение, что подали специальный автобус, идущий на юг, гости пообещали, что непременно придут еще. Враз исчезли. Можно было бы подумать, что приснились, если бы не букеты подаренных ими цветов.

Женщины издательства и сейчас помнят замечательный визит лауреатов премии Кузбасса 1977 года. Лет десять спустя всемогущий Банников перед уходом на пенсию взял да и к празднику 8 Марта оформил всех своих сотрудниц на звание «Ветеран труда». В качестве подарка. Своим трудом женщины, конечно, это заслужили. Однако подарок директора был воспринят неоднозначно. Иное женское самолюбие сопротивлялось понятию «ветеран». Лишь с наступлением перестроечных лет («смутного времени») все поняли, как Виталий Васильевич был дальновиден, заботлив, внимателен. Недаром его за глаза (да и в глаза) звали «Батя».

104

5.

«Рабочая мелодия Кузбасса» звучала потом на многих концертах, которые давались филармонией и Театром оперетты, на праздничных демонстрациях, различных манифестациях, во время Дней культуры Кузбасса в Иркутске, Томске, Москве. Ее слышали в Будапеште и венгерском городе Ноград, нашем побратиме. Фирма «Мелодия» выпустила пластинку. «Рабочая мелодия Кузбасса» — так назывался сборник кузбасских поэтов, оформленный как подарочная миниатюра. Один из всесоюзных праздников «Песня года» в начале восьмидесятых состоялся в Кемерове. Он продолжался два дня, открывался и закрывался «Рабочей мелодией Кузбасса» (меня не позвали).

После расстрела Белого дома в Москве в 1993 году (я был среди его защитников), в период, когда губернатором в Кузбассе президент Ельцин назначил Михаила Борисовича Кислюка, «Рабочая мелодия Кузбасса» не исполнялась. Напомню, что тогда же стали опальными всенародные праздники 1 Мая и 7 Ноября. Митинги ветеранов и кемеровчан, не принявших гибельный для России курс новой власти, переместились с площади Советов на площадь Пушкина и проходили в миллионном оцеплении. В день 50-летия великой Победы, 9 мая 1995 года, красное знамя взметнулось над куполом нового цирка. Здание тут же

оцепили автоматчики, специальный наряд милиции знамя снял...

На эти черные годы пришлось пятидесятилетие Театра оперетты Кузбасса. Его директор Владимир Юдельсон пригласил меня на юбилейный концерт.

Концерт был замечательный. Со всей России съехались примадонны, чье артистическое становление проходило здесь, в Кемерове. Из Москвы прибыла Наталья Грюнберг-Цагина, когда-то блиставшая на кемеровской сцене и долгое время бывшая женой Евгения Михайловича Лугова — дирижера и композитора. Народный артист России Александр Константинович Бобров потрянул стариной и блестяще выступил на сцене. Показали свое мастерство молодые артисты. А сколько знакомых взволнованных лиц я увидел в переполненном зале!

Директор Юдельсон объявил «фирменную» песню театрального коллектива — «Рабочую мелодию Кузбасса». Представил меня как автора. На сцену вышли все артисты театра и все гости юбилея.

Когда прозвучали слова: «Ее добыли в шахте горняки, рабочую мелодию Кузбасса», весь зал, как по команде, поднялся. Я видел слезы на глазах своих соседей. Полагаю, ностальгические. Ибо песня вернулась из того времени, когда мы могли гордиться своей державой.

*Распахнут мир дыханию весны,
И ждет любовь назначенного часа.
Вплетается в напев родной страны
Рабочая мелодия Кузбасса.*

*Мелодия, звучи с сердцами в лад.
Мелодия, наш путь велик и труден...*

Мне думалось о том, что из трех песенных лауреатов я один присутствую на торжестве. Состояние души было созвучно стихам, написанным ранее:

*Что даровано от бога?
Только родина да мать,
Только память да тревога.
Только жажда даровать.*

*Только странствий зябкий климат
Да утраты за спиной...
Но однажды люди примут
Сотворенное тобой.*

*Звук и отзвук различая,
Божьим даром назовут
После долгих лет отчаянья
Счастья несколько минут.*

В конце 2000 года власти решили, что нужен гимн Кузбасса, объявили конкурс. Мне звонили хорошие люди, спрашивали, не приму ли я участие в конкурсе, не напишу ли новый текст. «Рабочая мелодия Кузбасса» очень сложна, по их мнению, в исполнении. Нужен хор, нужен оркестр, нужна профессиональная подготовка исполнителей. А гимн должен быть простым и доступным народу. Я же вспоминаю, как Борис Мазун пел без хора и без оркестра в ресторане «Солнечный», пробую в памяти воспроизвести мелодию, и у меня получается.

Дорогие мои! Я не буду участвовать в создании нового гимна области. «Рабочая мелодия Кузбасса» никогда меня не предавала. И я никогда ее не предаю, как, впрочем, не отрекись ни от одной строки, мною написанной.

*Декабрь 2000 года
г. Кемерово*

ОТ РЕДАКЦИИ:

В конце 2002 года «Рабочая мелодия Кузбасса» официально утверждена гимном Кемеровской области.

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Геннадий ЯРЫГИН,
потомственный горняк

ПИОНЕРЫ «КРАСНОГО БРОДА»

55 лет назад в Кузбассе впервые началась разработка угольных месторождений открытым способом. Первенец открытой добычи — разрез «Краснобродский» (сегодня — дочернее предприятия холдинговой компании «Кузбассразрезуголь» ОАО «Разрез «Красный Брод») тоже отмечает в

культурным учреждениям. Одним словом, у поселка и разреза общая биография и судьба.

А начиналось все в 1947 году. Эти воспоминания Геннадия Григорьевича Ярыгина, сына Григория Константиновича Ярыгина — одного из первых экскаваторщиков разреза — были записаны в декабре 2001 года. Автор всего несколько месяцев не дожидаясь юбилейного Дня шахтера и 55-летия с того дня, как его отец на дизельном экскаваторе вскрыл первый пласт краснобродского угля.

Контора разреза «Красный Брод». Фото 1947 г.

этом году свое 55-летие. Это действительно целая история, созданная тремя поколениями горняков, людей нелегкой, порой опасной и мужественной профессии. И вот «Красный Брод» сегодня один из сильнейших среди разрезов холдинговой компании, который добывает около 4,5 миллионов тонн угля в год. В этих тоннах труд почти трех с половиной тысяч людей. Вместе с разрезом строился и рос — от деревянных домиков до современных многоэтажек — горняцкий поселок. Сегодня, как и много лет назад, разрез вновь содержит коммунальное хозяйство Краснобродского, помогает развиваться спортивным и

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Все началось с того, что моего отца, Ярыгина Григория Константиновича, вызвали в трест «Канановичуголь» в Киселевске и сказали: «Открывается разрез в Красном Броде, поедешь туда работать машинистом экскаватора».

Дело в том, что до войны в Киселевске был один-единственный паровой экскаватор, который работал на шахте № 3 (ш. «Киселевская») на погрузке угля в вагоны. Отец еще до войны окончил

курсы м
этом э
этом. С
стояло
на пар
полезн
трактор
доть за
ли отли
эти дв
разреза
вскрыти

На К
ска вме
Борови
25 мар
семьи г
(мне бы
дик) и м
стол, же
виковых
ли на тр

Выех
рассчит
получил
и приби
Солнце
настоящ

Отец
сравните
кабрь 19
У него б
шую раб
два об о
нажды б
фоне эк
ватора Я
постоян
иногда п
лось вып
года на
А раб
на экска
завода —

XXXX

XXXX

у по-
та.спомин
на Гри-
из пер-
писаны
ко ме-
тера и
ельном
бродс-

1947 г.

рыгина
ст «Ка-
Откры-
шь тудаске был
оторый
на по-
окончил

курсы машинистов и некоторое время работал на этом экскаваторе. Вот в тресте и вспомнили об этом. Отец начал было отказываться, ведь предстояло работать на дизельном экскаваторе, а не на паровом. Но в те времена спорить было бесполезно. Пообещали ему подобрать в помощники тракториста, который знает дизель, а отца посадить за рычаги. Тракториста-дизелиста подобрали отличного — Юдина Петра Васильевича. Вот эти двое и стали пионерами Краснобродского разреза. Это они проходили первую траншею по вскрытию угольного пласта.

На Красный Брод мы переезжали из Киселевска вместе с семьей первого директора разреза Боровикова Владимира Трофимовича в один день 25 марта 1948 года. Отцу дали для перевозки семьи полуторку. Мы ехали втроем: я с братом (мне было одиннадцать лет, брату шел третий годик) и мать. Из мебели — несколько табуреток, стол, железная кровать и узел с вещами. У Боровиковых «добра» было побольше, поэтому они ехали на трехтонке ЗИС-5.

Выехали из Киселевска рано, до рассвета, и рассчитывали приехать еще по заморозку, но не получилось. Машины начали буксовать в слякоти, и прибыли мы в Красный Брод только к вечеру. Солнце клонилось к закату, а Ускатик бушевал, как настоящая река.

129 ПРОЦЕНТОВ — НОРМА!

Отец работал на разрезе «Краснобродский» сравнительно недолго, с ноября 1947-го по декабрь 1951-го. И, судя по всему, работал хорошо. У него было несколько почетных грамот за хорошую работу за подписью В. Т. Боровикова. Раз два об отце были заметки в газете «Кузбасс», однажды была напечатана фотография, где он на фоне экскаватора, и подпись: «Машинист экскаватора Ярыгин Г. К. выполняет нормы выработки постоянно на 129 процентов». Когда я подросток, иногда подшучивал над отцом: «Как тебе удавалось выполнять норму каждый день все четыре года на 129 процентов?»

А работать П. В. Юдин и Г. К. Ярыгин начинали на экскаваторе Костромского или Воронежского завода — точно не помню. Вскоре появились экс-

каваторы ОМ-201 и ОМ-202, затем пришли два дизельных экскаватора чешского производства «Шкода». Осенью 1948 года пришел американский драглайн «Марион». Его собирали рядом с нашим домом, прямо за огородом. Это была серьезная электрическая машина с объемом ковша 3 х 3 м. Позже стали приходить наши, отечественные экскаваторы уральского завода (УЗТМ) — СЭ-3. На этих машинах отец уже работать не мог, не хватало грамоты (учился три зимы в сельской школе), а старая техника выходила из строя. И пришлось нам возвращаться в Киселевск, где отец еще с 1932 года, до отъезда в Красный Брод, работал в шахте. Там же он и доработал до самой пенсии.

10 ЛЕТ СПУСТЯ... 55 ЛЕТ СПУСТЯ...

В последний раз мы с отцом были в Красном Броде в конце июня 1958 года. Это был выходной день, и я уговорил отца съездить посмотреть места, где жили. Там, где был наш домишко, зияла огромная траншея разреза. Побывали мы у Зотовых (Александр Германович Зотов когда-то был главным механиком разреза), там и пообедали, зашли к Ивану Ивановичу Шиленкову (в прошлом — начальник участка), отец повстречал еще двоих-троих знакомых мужиков, с кем когда-то начинал строить первый в Кузбассе разрез. Я помню фамилии многих, кто с конца 1947 — начала 1948 годов работали на «Краснобродском», чьи-то имена я забыл, но самих людей помню хорошо. Вот лишь небольшой список тех, кто был в числе первых: Драмбян (главный инженер), Тюрничков Николай (механик гаража), Иван Сарин (начальник снабжения), Тюрничков Николай Николаевич (водитель) — сын механика гаража, Тюрничков — брат механика гаража (тракторист), Язовский (начальник стройуправления), Пимченко (начальник конного двора), Танько (кузнец), Байков (молотобоец).

Скоро у разреза юбилей. Хочется пожелать всем ветеранам «Краснобродского» доброго здоровья, а молодой смене — продолжать замечательную историю предприятия — первенца открытой добычи.

Подготовила
Ирина МЕЖЕННИКОВА

Геннадий ЕМЕЛЬЯНОВ

МЯТЕЖНИК

Александр Никитич Волошин родился 31 августа 1912 года в Петербурге. Девятнадцатилетним юношей приехал на строительство Кузнецкого металлургического комбината. Работал грузчиком, землекопом, бетонщиком, потом запальщиком, отбойщиком на шахтах города Осинники, был секретарем Осинниковского горкома комсомола, литературным сотрудником в газетах Кузбасса.

Александр Никитич Волошин — участник Великой Отечественной войны. После демобилизации работал корреспондентом газеты «Кузбасс». С 1948 года — профессиональный литератор. В 1949 году в Москве и Новосибирске был издан первый роман писателя — «Земля Кузнецкая», удостоенный Сталинской премии. В 1950 году Волошин был принят в Союз писателей.

Умер в 1976 году в Кемерове.

(Официальная справка)

«За ненависть ему платили ненавистью, за любовь забывали платить любовью».

«Самое, конечно, трудное — это ночь, когда хочется выйти в лес, в темь и спросить: «Эй, рассвет, ты скоро?»»

(Из дневников писателя)

...1967 год.

В Новокузнецке стояла жара. Пахло горячим асфальтом. Пегое небо, поникшие тополя, слабый ветерок гонял по дорогам серую пыль. Шли мы медленно. Я подумал: «Огрузил ты что-то, Никитич, дорогой! Старость — не радость».

На черном ремешке, перекинутом через шею, болтался у него маленький транзистор, исторгая песню: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня»...

— Хорошо поет! Русская песня-то. Теперь мало поют такие. А жарко у вас! — Он остановился и вытер широкое лицо платком.

— А у вас не жарко?

— Тоже жарко. У нас еще химией пахнет, будто тухлым яйцом. У вас железом отдает.

— Дерьма хватает и у нас, и у вас — тяжелая индустрия...

— Тяжелая, да. Труб-то вон сколько, и не считешь. Раньше гордились дымом, теперь помаленьку стыдиться начинаем — дышать нечем. Ты знаешь, я ведь не только на шахте чертоломил, еще ваш Кузнецкий комбинат строил, вкалывал будь здоров, да.

Он часто наезжал в мой город — делал пьесу для драмтеатра по мотивам «Земли Кузнецкой». Устроившись в гостинице, звонил обязательно — не выносил одиночества:

— Подбегай через часок, я тут мизансцену заканчиваю, немного осталось.

Я, конечно, подбегал.

— Давай маленько разомнемся, на улице-то благодать.

— Давай разомнемся.

Вот мы и разминаемся.

Идет он тяжело, шаркая по асфальту ботинками, часто останавливается, с прищуром разглядывая новые дома в лесах.

— Это что там у вас водрузили? Воо-он на перекрестке, не вижу отсюда?

— Памятник Суворову. Давно стоит.

Качает головой, слышно сопит:

— Суворов — мужик куда с добром, но при чем здесь Сибирь, он вроде не воевал в наших местах. Своих героев навалом, вот своих и выпячивай на здоровье — И неожиданно: — Знаешь, здесь ведь сплошь болото стояло, уток стреляли, американские спецна на спиннинг (для нас этот инструмент был в диковинку) из Томи тайменей таскали — воо-от таких. — И распаивает руки. — Больших тайменей. И хариус водился. Теперь ничего такого нет, так?

— Так.

— Вспоминается многое. Я вот иду и пишу, иду и пишу. — Кокетничал, пожалуй. А может, только у меня так не получается — писать на ходу?

За стеклом газетного киоска я увидел книгу, купил тут же:

— С тебя автограф.

То был роман «Все про Наташку», выпущенный Кемеровским издательством. Никитич подержал томик в блеклой обложке на ладони и вздохнул опять с затыгом:

— Сколько я с ним мыкался, с романом-то: никто не решался печатать — я же запятнанный, нехороший и всякое такое. — Потом вынул из кармана рубашки ручку (чернила расползались на дешевой газетной бумаге), написал несколько теплых слов и поставил дату.

Жить ему оставалось десять лет.

В 1950 году я поступил в Московский полиграфический институт на редакционно-издательский факультет. Институт располагался на Садово-Спасской улице. Позже я вычитал у великого кукольника Сергея Образцова, что когда-то в этом

трехэта
в довол
для инс
подсоб
биринт
Сталин
крупное
копной
ный тов
китич В
ники Ке
войне,
«Земля
упирал
мужик,
поддел
шиты. Б
уже тог
риям, с
ной жиз
Ну, к
Ново
Пада
он шеле
и задум
для того
и провс
У ки
в Кемер
ная елк
улицу, б
мерках
греться
ким ра
народ в
ногах у
шана ко
фантик
— Па
Угош
Весело
Или
В од
Никити
его при
тарая в
ми. И х
мании
напитко
новень
знаком
рядилс

трехэтажном доме была элитная гимназия. Потом в довольно большом дворе понастроили бараки для институтской библиотеки, читального зала и подсобок. В одном из узких переходов этого лабиринта были развешаны портреты лауреатов Сталинской премии, среди других выделялось крупное лицо с тяжелой челюстью и волнистой копной волос, длинная подпись гласила, что данный товарищ есть не кто иной, как Александр Никитич Волошин, строитель, шахтер из города Осинники Кемеровской области, фронтовик, сапер на войне, писатель. Премии он удостоен за роман «Земля Кузнецкая». Я останавливал студентов, упирал палец в фотографию и говорил: «Это наш мужик, земляк мой». Я был в те минуты полон неподдельной гордости: и мы, дескать, не лыком шиты. Больше я ничего добавить не мог. А ведь уже тогда о нем ходили легенды. Теперь же историям, связанным с мятежной, а временами и шальной жизнью Александра Никитича, несть числа.

Ну, к примеру, такая.

Новогодний вечер.

Падает разлапистый снег, и чудится, будто, падая, он шелестит. Такими вечерами, полными благостью и задумчивой тишины, награждает нас Всевышний для того, чтобы мы встречали грядущее с надеждой и проводили минувшее с легкой грустью.

У кинотеатра «Москва», самого крупного тогда в Кемерове, росла, может, и сейчас растет, огромная елка. Публика, истекающая после сеанса на улицу, была слегка ошеломлена, рассмотрев в сумерках следующее: под елкой топчется, чтобы согреться, крупный мужчина в дорогой шубе и таким раздольным жестом приглашает честной народ выпить и закусить по случаю праздника. В ногах у человека ящик водки, на ветках же развешана колбаса, лимоны, а для детей — конфеты в фантиках.

— Подходите, земляки! Волошин угощает.

Угощались, благодарили, хвалили за щедрость. Весело было!

Или еще.

В один из приездов в Москву зашел Александр Никитич в буфет Дома литераторов. На этот раз его привлекла новая, довольно внушительная батарея винных бутылок с иностранными этикетками. И хотя во время войны в разных городах Германии вдосталь вкусил он разных иноземных напитков, но показалось ему, что есть тут что-то новенькое и раньше непробованное. Собрав всех знакомых, оказавшихся в ту пору в зале, он распорядился: «Будем пробовать все. Открывайте по

одной разного сорта!» Вскоре почти все бутылки с буфетной стойки перекочевали за столики. Желающих приобщиться к заморскому питью оказалось довольно много, но и бутылок было достаточно. В общем, пили все и выпили все, что смогли. Ну, а расплачивался, естественно, Никитич.

Когда деньги кончились, до глубокой ночи угощались еще и в долг: кто в ту пору не знал Волошина — всюду ему шли навстречу.

А вот еще одна история, которую рассказал мне сам Волошин.

Дело было в Москве. Получив довольно большой гонорар за очередное издание «Земли Кузнецкой», Никитич по совету приятеля купил «Москвич». Но поездил на нем очень недолго. Как-то возвращался он из гостей, где, конечно, было немало выпито. Сознывая это, ехал Никитич медленно, осторожно, поближе к обочине. Но в какой-то момент отключился и очнулся от удара: машина прямоком въехала в фонарный столб и заглохла. Сам, к счастью, не пострадал. Вышел из машины, остановил проезжавшее такси и поехал в гостиницу «Москва», где тогда жил. Утром, ни свет ни заря, в дверь раздался требовательный звонок. Открыл. Батюшки-светы, милиция! Что такое? Вроде бы накануне вел себя прилично и общественного порядка не нарушал. «Инспектор ГАИ такой-то, — представился милиционер. — Вы владелец «Москвича», государственный номер и т. д., и т. п.?» Ах, вот оно что! Про машину Никитич и думать забыл. В общем, сообщил ему инспектор, что «Москвича» отбуксировали в какое-то отделение ГАИ на окраине города и что его владелец, то есть Александр Никитич, может получить его в любое время. Однако столичная жизнь — дело суетное: встречи с друзьями, хождение по редакциям, посещение Союза писателей и проч. Так и не собрался Никитич поехать за машиной. Оставил в подарок москвичам.

В то время он наверняка ощущал себя только что вышедшим из тайги старателем, золотишником, щедро делившим фарт и с друзьями, и с незнакомыми... А может быть, он, как многие тогда, только что вышел из страшной войны? И постоянно помнил о другом своем великом везенье — остаться в живых.

Однако пора кончать с легендами.

Только сейчас, когда пишутся эти строки, я сделал открытие, пусть небольшое, но, тешу себя надеждой, существенное: литературу Кузбасса, особенно на первых порах, делали не гуманитарии, а люди, так сказать, от станка. В качестве иллюст-

рации к моему этому утверждению назову лишь несколько имен. Александр Никитич, повторяю, был шахтером, Евгений Сергеевич Буравлев — строителем, Виктор Михайлович Баянов, отличный поэт, до пенсии водил тепловоз; бывший в войну водоплазом, прозаик Анатолий Соболев по специальности механик, Виктор Чугунов — тоже шахтер, Анатолий Ябров — машинист турбин. Ну, и так далее. Лишь на перевале шестидесятых годов начали подавать голос выпускники Новокузнецкого педагогического института, Томского, Ленинградского, Московского университетов, направленные в Сибирь по распределению. Это были в основном филологи, журналисты, дерзающие выдавать не только репортажи о передовиках производства.

Вот здесь-то я и хочу подчеркнуть особую, высокую и благородную заслугу Александра Никитича Волошина. Она, заслуга, состоит в том, что именно он, и никто другой, начал собирать вокруг себя литературную рать — дерзкую и честолюбивую молодежь. Рать составляли солдаты, жаждущие стать генералами. Не все, разумеется, обзавелись золочеными погонами, но камень был брошен, по воде разбежались круги.

Замечу, что я редко встречал людей, которые так бескорыстно радовались успехам молодых литераторов, как это делал Волошин. А он не только радовался, но и как только мог помогал им: редактировал рукописи начинающих авторов, приглашал их на литературные вечера и встречи, где предлагал выступить со своими, еще никогда и нигде не печатавшимися произведениями, и довольно часто предлагал их редакциям журналов и издательствам. В связи с этим расскажу одну историю.

В 1955 году из Москвы в Новокузнецкий (тогда еще Сталинский) педагогический институт приехал заведовать кафедрой литературы молодой кандидат наук Николай Якушин. Человек, горячо и преданно любящий литературу, он довольно быстро вписался в литературную жизнь Новокузнецка: стал много печататься в городской газете «Кузнецкий рабочий», выступал с лекциями на шахтах, в цехах Кузнецкого металлургического комбината и т. п. Под его руководством активизировалась работа городского литературного объединения. Произведения его участников стали довольно часто появляться на страницах «Кузнецкого рабочего», областной газеты «Кузбасс», а потом в альманахе «Огни Кузбасса» и даже в «Сибирских огнях». Обо всем этом Волошин, конечно, знал, но как-то не удавалось ему с молодым кандидатом позна-

комиться. Умудрились они не встретиться даже на I Учредительном съезде писателей РСФСР, на котором Волошин был делегатом, а Якушин — гостем: к Никитичу было не подойти из-за роившихся вокруг него московских дружков. Познакомились они вскоре после возвращения со съезда на совещании в обкоме КПСС. Там, кстати, всегда любили продемонстрировать свою заинтересованность развитием литературной жизни в Кузбассе. «Как всегда много говорилось правильных слов, ставилось множество задач, но когда дело доходило до решения конкретных вопросов и помощи, прежде всего начинающим авторам, то дело ограничивалось, как правило, туманными обещаниями. Там, на этом совещании, Якушин поделился с Волошиным замыслом написать книгу о пребывании Достоевского в Сибири. Никитич горячо поддержал идею и с присущей ему энергией стал убеждать разные инстанции в необходимости издания такой книги. Начал с обкома. Там к этому отнеслись довольно сдержанно. Имя Достоевского, несмотря на недавно отмеченное 75-летие со дня смерти писателя, у многих вызывало настороженное отношение. Ну как же, и Ленин ведь не любил «архискверного» Достоевского, да и Горький его не очень жаловал. К тому же книг о Достоевском тогда почти никто не издавал, если не считать вышедших к юбилею монографии В. Ермилова и повести М. Никитина «Здесь жил Достоевский». Но ведь жил он — пусть короткое время — и в нашем Старокузнецке... Никитич делал все возможное и невозможное. И ведь добился-таки своего: книгу Якушина включили в план Кемеровского издательства, и уже в конце 1960 года она вышла в свет.

Надо сказать, что при всей открытости характера Никитича, при всем том, что вокруг него постоянно крутилось множество народа, близких друзей рядом с ним я не видел. Мы же (я говорю о себе, Гарики Немченко и некоторых других) в ту пору были слишком молоды и о дружбе с Никитичем и не помышляли. Для нас он был патриархом и человеком, если и не старым, то довольно пожилым. У нас тогда были свои интересы. Что же касается Якушина, то он был постарше нас, да и жизненного опыта у него было побольше (во время войны он четыре года проработал на военном заводе). В общем, стали они друзьями. И теперь в каждый свой приезд в Новокузнецк Никитич прямо с вокзала отправлялся к Якушину, благо жил он недалеко от вокзала. А тот в свою очередь, приезжая в Кемерово, всегда останавливался у Волошиных.

Так уж случилось, что недолго прожил Якушин в Кузбассе, теперь он профессор одного из московских педагогических университетов и при наших, теперь уже очень редких встречах, когда мы вспоминаем Волошина, всегда говорит о нем тепло и проникновенно.

Прибегну к дневниковой записи Лауреата:

«Мы берегли своих поэтов, а разве их убережешь?» Какая это грешная неправда! Когда и кто берег своих поэтов на Руси! Загляните в наши нынешние авторские «права» — это свод скотского бесправия».

И еще:

«Было сказано когда-то (Г. Гейне, по словам А. Кони), что человек в разгаре своей деятельности похож на солнце, чтобы его рассмотреть как следует, надо видеть его при восходе или закате».

Я познакомился с Никитичем, и довольно близко, при его закате. Легенды об этом человеке приутихли, хотя кое-кто еще излагал их на мужицких пирушках, опять же с нелюбезным подтекстом, но как бывает, мало кто помнил добро и бескорыстие.

Никитич (да и не он один!) на своей нетолстой шкуре испытал, как больно падать с большой высоты, как неприятно остаться одному со своими невзгодами. Однако он был тогда еще деятелен и полон замыслов.

...Квартира на четвертом этаже по улице Весенней, где жил Волошин, напоминала заезжий дом, народ там толпился с утра до вечера. Заваливались без спроса и предупреждения, обвешанные, само собой, бутылками. И начиналось! Хозяин обычно сидел за письменным столом и беспрестанно вытирал платком большое свое лицо. Жена его Зинаида Ивановна несла свое бремя безропотно, она обычно сидела на кухне и смотрела в окно пустыми, скучными глазами: ей эти сходы надоели, но и что делать, если муж во славе и чести. Терпеть надобно! И она терпела. Каждому ведь свое. Под высокой рукой Никитича в те поры издавался литературно-художественный альманах, где печатались в основном начинающие и не лишённые дарования. Мастер их направлял, благословляя на труд нелегкий и мучительный. Он умел направлять, поскольку был начитан и глубоко эрудирован. Я удивлялся и удивляюсь до сих пор: как и когда он успел сделать себя настоящим интеллигентом, без всяких скидок.

Многие сходятся на том, что Александра Никитича Волошина, почитаемого нами глубоко и искренне, погубила слава, потому что, можно утвер-

ждать, он не был к ней готов, она свалилась на него обвально, враз. Его погубила еще и плебейская зависть тех, кто после ошеломляющего успеха смотрел на него, задрал голову, как на Эйфелеву башню. Потом, когда фанфарный шум вокруг имени этого человека притух, от него отвернулись многие по старому закону подлости: «Деньги есть — Иван Петрович, денег нет — горбата сволочь».

Отвернулись еще и потому, что удача покинула его. Как только Волошин стал лауреатом, его стали торопить: «Давай, пиши! Ты же самородок, талант!». Не знаю, чего уж ждали от него. Наверное, новую «Землю Кузнецкую» или что-нибудь в таком же роде. Уговорили. Завезли куда-то в глушь, подальше от собутыльников, которых великое множество крутилось вокруг. Пить не давали, ну, если только самую малость. И ведь собрался Никитич, и написал роман «Дальние горы». Напечатали его весной 1951 года в журнале «Сибирские огни». Но ожидаемого успеха не получилось. Новое произведение прошло незамеченным. И тут не было никакого заговора. Роман действительно не удался, и сам Волошин это понимал и никого не винил. Но свою неудачу воспринял как нечто случайное и надеялся, что сумеет собраться с силами и написать нечто стоящее. Но писалось трудно. И иногда в отчаянии он швырял старенькую пишущую машинку на пол, видя в ней источник своего творческого бессилия.

Однако патриарх наш образа жизни не менял, по-прежнему бражничал, теперь уже на чужие, теряя гордость. А «Землю Кузнецкую» все печатали — в Москве, Иваново, Иркутске, Магадане, Ростове-на-Дону и за рубежом — в Китае, Венгрии, Чехословакии, Польше. Однако тиражи не приносили доходов. По себе знаю. Издался я как-то «там, у них», получил конверт с сертификатами, обрадовался:

«Ну, забогател!» Жена поехала в Москву на курсы, побежала сразу в валютный магазин. Моего гонорара хватило лишь на кофточку, самую дешевую. Нашего брата обдирали как липку, рвали кусок изо рта любыми способами. Ну, да то к слову пришлось.

На какое-то время наш первопроходчик воспрял духом, потому как увидел свет в конце тоннеля: журнал «Новый мир» взял роман «Все про Наташку», договор подписал Константин Симонов и даже распорядился выдать аванс — девять тысяч рублей. Несколько спустя рукопись вдруг вернулась с туманной припиской насчет того, что планы редколлегии изменились и прочее такое.

Поскольку сделка не состоялась, надо бы вернуть аванс. Это был удар ниже пояса! И где взять пресловутые девять тысяч — солидную по тем временам сумму?

События излагаю не в хронологическом порядке, но то не суть важно. Подозреваю, и не без оснований: кто-то копал под сибиряка яму с усердием крота. Объективности ради стоит признать с тяжелым вздохом: Александр Никитич давал немало поводов для праведного гнева власть имущих и чиновников СП. Один умный приятель сказал мне как-то: «Когда ты пьешь, это кому-то выгодно».

«Литературная газета» напечатала статью Федора Гладкова, авторитетного тогда литератора, о моральном разложении сибирского Лауреата: не успел, дескать, опериться, а худой славы за ним хоть отбавляй, да к тому же и писатель невесть какой, ему учиться еще да учиться ремеслу, а он впал в разгул. Следом сокрушительный удар нанес Кемеровский обком партии: тамошние крысоловы выкопали документы, свидетельствующие о том, что отец Волошина, Никита Лукич, — бывший поручик Семеновского полка. В 1919-м он перешел на сторону Красной Армии, воевал храбро, но пресловутая тройка, судившая бывшего поручика, не придавала этому важному обстоятельству никакого значения: отца расстреляли как заговорщика в августе 1937 года. Только через двадцать лет сын получил справку (буквально выцарапал ее у «органов»!) о том, что Волошин-старший поставлен был к стенке по ошибке. Но все это было потом, а по горячим следам писатель был исключен из партии и несколько спустя был вызван в центральный Союз на разборку. Может, Александр Никитич проявил малодушие, скрывая изъясн в своей биографии, но его и понять можно: изложи он в анкете правду, не видать ему ни книг, ни, конечно, лауреатства. Он знал это и потому молчал с надеждой, что как-нибудь пронесет. Ан не пронесло!

На правлении Союза писателей председательствовал Александр Фадеев. Заседали тогда со смаком, подолгу — до сонливого измождения. Когда настала очередь кемеровчанина, лица мастиных враз изобразили официальную строгость. Было зачитано письмо обкома, где выражалось мнение бюро: ответственные коммунисты предлагали лишить виновного во многих грехах лауреата писательского звания. Началось подробное выяснение компрометирующих обстоятельств, посыпались ехидные реплики, осуждающие безмотивную дерзость сибиряка по отношению к вла-

стям, его безмерные амбиции. Потом, конечно, вторая жена, брошенные, понимаешь, дети. Куда это годится! Тогда не всем, конечно, но многим нравилось с пристрастием допрашивать товарища, отданного на заклятие. За оскорбления и сальные намеки никто ведь не наказывал, наоборот, как раз так называемая «большевистская принципиальность» поощрялась, а наветчиков и лизоблюдов боялись даже великие. Никитич не помнит, сколько часов или минут брел он сквозь шпицрутены, били его долго и с оттягом. И случилось неожиданное: мужик богатырского сложения, фронтовик, шахтер, вдруг прикрыл ладонями глаза и зарыдал, как женщина. С партией он распрощался не сказать чтобы легко, но был сравнительно спокоен. А здесь! Вроде свои ребята, но готовы без колебаний вогнать в позор и пустить по миру: не брать же ему, изломанному войной, опять отбойный молоток и спускаться в забой. Он писать хочет. Писать! Ему бы душевного покоя, больше ведь ничего не надо, и ничего больше просить не будет.

Александр Фадеев поднял руку, требуя тишины, и сказал:

— Мы не ханжи. Поезжай домой, в Союзе мы тебя оставим.

На том и порешили.

Самое тяжелое, казалось, уже позади, но нет: тяжкая и унылая травля продолжалась (у нас ведь умеют плясать вприсядку на костях ближнего!): в один распрекрасный день в квартиру позвонили две женщины, похожие на монашек, тихие и строгие, — судебные исполнители — и категорически потребовали вернуть аванс, те самые девять тысяч, выданные «Новым миром». А где их взять, эти проклятые тысячи?! Нет их уже давно и семья перебивается с хлеба на квас. Бедствовала семья, спасу нет. Описали библиотеку, кстати, уникальную, тщательно подобранную по просьбе Александра Никитича в писательской книжной лавке на Кузнецком мосту. Как уж они там считали, исполнители, но до заветной суммы не дотянули, вторым заходом отобрали пишущую машинку. Жена Зинаида Ивановна натурально взбеленилась и отобрала у судьи орудие труда, дома поставила туда, где ей предназначено было стоять, и со слезой сказала мужу:

— Пиши!

Я не юрист, но знаю из собственной практики: если договор заключен и рукопись официально принята к производству, аванс не возвращается. Ну, а машинка — это уже беспредел. Объяснение всем наскокам простое: то, представляется мне,

была целенаправленная травля, имевшая конечную цель — сломать человека, уронить, чтобы уже не встал. И тихие каратели почти добились своего: классик наш заметно опустился — сшибал трешки на бутылку (без отдачи), в кармане носил заветную фляжку с зельем, из которой отпивал глоток-другой — для поднятия тонуса. «Пусть неудачник плачет»... Остались, правда, друзья, но они по-прежнему несли водку — для сочувствия и утешения души.

Как-то при встрече в Кемерове Александр Никитич рассказал мне такое вот:

— Звонят: приезжай пировать. И адрес назвали. Далеко ехать, а гололед страшный, я со своим батожком и двинулся (незадолго до того он пострадал в автомобильной катастрофе). Приехал, а там и дома за таким номером нет. Разыграли меня!.. Купили... — И тяжело вздохнул.

И так шутили над ним, так пинали совсем уже ослабевшего льва.

...Гроб из квартиры на четвертом этаже мы несли натужно — тяжелый был Волошин, точно из свинца отлит.

Гражданская панихида состоялась в каком-то клубе. Запала мне в память одна деталь: в закутке, подальше от придирчивых глаз, сидел незнакомый мужичок и, высунув язык, будто детсадовское дите, на водочные бутылки клеил этикетки от

минеральной воды, поскольку тяжелой волной катилась очередная антиалкогольная кампания. Мужичок являл собой советское лицемерие в чистом виде. Высокомерное руководство предпочло не заметить этого мелкого жульничества, а пишущая братия успела уже поглотать «минеральной воды». Многие плакали, не стесняясь слез.

Покинул нас мятежный Никитич, и никто его не заменит. Незадолго до смерти он выпустил очень крепкую повесть о войне. Называлась она «Зеленые дворики». Вся суровость фронтового бытия встала без прикрас, строки пропахли солдатским потом и кровью. Зароились сразу разговоры о том, что Волошин еще не исчерпал себя и способен выдать нетленное. Да вот не выдал — лежит, скрестив на животе тяжелые изработанные руки, лицо желтое и суровое. Лежит и не встанет! Не скажет, не напишет.

Прощай, Никитич!

Не поминай лихом.

Мы зарыли его глубоко в Кузнецкую землю.

От земли поднимался белый парок. Вот и все!

...На угловом доме по улице Весенней висит мемориальная доска с профилем, как положено. Я всегда снимаю шляпу, когда прохожу мимо.

Будут ли снимать шляпы наши дети и внуки? Вряд ли! Ведь в своем отечестве пророков нет.

г. Новокузнецк

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Любовь НИКОНОВА

СОКРОВИЩЕ ТИШИНЫ

1. ЗАХОЛУСТНЫЙ СЮЖЕТ

Отчего так привлекательны захолустные церкви? Где-нибудь в глухомани, в срединных равнинах русской земли, порой ничего и нет, кроме церкви. В каком-нибудь почти несуществующем месте вдруг явится зеленый куполок, блестящий на солнце православный крест...

Мне кажется, есть какое-то древнее счастье в том, чтобы выйти по лесной дороге именно к церкви; есть особая радость в том, чтобы в весеннюю непогоду в расплывчатом заплаканном мире вдруг увидеть перед собой Божий храм; есть пронзительный смысл в том, чтобы хотя бы с поезда, с колес, с перекрестка, с «телеги жизни» мимоходом глянуть вокруг — и задержать взгляд на белой, окруженной белыми облаками церквушке...

Много значения и в часовенках, которые еще и по сию пору попадают кое-где на средне-русских пространствах, на перепутьях, при дорогах.

Маленькие сестрички больших храмов, когда-то многочисленные, а теперь единичные, неизменно стоят они в святыне православной веры, обозначая либо целебный родничок, либо некогда памятное и чтимое событие, либо место чьей-то внезапной кончины.

Я рано узнала часовни, как и храм.

В заволжской глухомани, где я росла, сохранилось несколько часовен-памятников. Наиболее часто посещала я часовенку, которая была выстроена на пустоши, где умерла на ходу молодая сельчанка Маша Савельева. Эта часовня — как промежуточное звено — входила в тот близкий мне мир, который начинался с обычной

домашней «божнички», с иконы в «красном углу», с домашней церквицы — и продолжался великолепной белокаменной церковью, беспрепятственно возносившейся в небо. И вот в середине был мир часовен, была Машина часовня, была старинная часовня над чудотворным источником в соседней Дубровке...

С некоторым удивлением смотрю я на это триединство большой, малой и домашней церкви, дарованное мне от младенчества щедрой родиной, смотрю из зрелой своей жизни — и убеждаюсь, что тогда-то и было полное воцерковление души, и всего существа, и всего существования. Бог одарил сокровищами сразу и вдобавок послал в нашу затерянную в степях Владимировку доброго и мудрого батюшку Василия, который и приглубил мою детскую душу...

Многое потом было растеряно на огромных пространствах, далеко от родины, в раскаленных городах, в смоге духовном, среди шлака взрослой жизни, в заблуждениях, соблазнах, искушениях.

Но пришло время, когда исходная подоплека всей этой странной затеи, называемой жизнью, начала проявляться снова с первоначальной чистотой и ясностью.

И выступили из многолетнего затенения не-вредимые святыне очертания родной сельской церкви, заволжских часовен и скромной домашней полочки с образами и лампадкой...

2. ЦЕЛОВАНИЕ

Таинствен церковный поцелуй, и нет на земле более духовного прикосновения. Отступает в церкви тварность наша, рассасываются рубцы застарелых грехов, падший ветхий человек преобразуется в христианина. Происходит то, о чем просит верующий в молитве Святому Духу: «...прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякий скверны, и спаси, Блаже, души наша».

И в
действи
щении с
мент це
чистой л
«В бл
чтобы т
касаешь
но и уст
Кроншта
Поцел
дца к Бо
«Цел
души, —
зая свят
и сердце
Так п
вершени
ловать кр
Таинс
ем Свящ
ки, прия
край евр
стово реб
В цер
устам чел
стных му
ловании
беду»: «Р
Кресте Го
пропяти
Правос
Поклоня
сострада
рится в н
слезами
«Пресв
це слыша
ху ко кре
мя, еже
Рыданием
ного плач
оружие у
И част
лование с
Как ди

И в православных таинствах, и в священнодействиях, и в общении собравшихся, и в обращении со святынями непременно наступает момент целования, момент чистого выражения чистой любви.

«В близости тебе Господа будь так уверен, чтобы тебе чувствовать, что ты, молясь Богу, касаешься Его не только мыслью и сердцем, но и устами», — писал святой праведный Иоанн Кронштадтский.

Поцелуй как движение одухотворенного сердца к Богу постоянен в церкви.

«Целование уст соответствует целованию души, — разъяснял отец Иоанн, — и мы, лобызая святыню, должны лобызать устами, душою и сердцем».

Так прикладываются к иконам, так по завершении службы подходят к священнику поцеловать крест.

Таинство покаяния заканчивается целованием Священного Писания и креста. А причастники, приившие Тело и Кровь Христову, целуют край евхаристической чаши — «как самое Христово ребро, из которого истекла кровь и вода».

В церковном поцелуе, в прилагании креста к устам человека всегда присутствует память о крестных муках Господа. И всегда дышит в этом целовании вера в «оружие мира, непобедимую победу»: «Радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняй бесы силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа...»

Православное сердце любит Божию Матерь. Поклоняясь ее святыням, переполняется оно состраданием, нежностью и трепетом — и творится в нем сверкающая, фотонная, осыпанная слезами молитва:

«Пресвятая Владычице моя Богородице, горце слышавшая биение млата, егда пригвождаху ко кресту Сына Твоего и Бога нашего, спаси мя, еже не слышати скрежета зубного во аде. Рыданием твоим у креста Спасителя моего, вечного плача исхити мя. Тебе самой душу пройде оружие у креста...»

И часто именно Богородице отдают люди целование со слезами.

Как дивны все ее праздники...

Вот Успение. Церковь в голубых небесных одеждах. На поклонение выставлена плащаница, убранная цветами. Поток людей движется к святыне: подходят, целуют, кланяются...

В цветах лежит Она, Всемиловитая, Всеблаженная, Всесветлая, Всепрекрасная, Всепетая...

Приближается и твой черед — укорачивается и укорачивается вереница впереди идущих людей — и ты вдруг оказываешься прямо перед Ней, утопающей в свежайших лилиях и в чистейших горящих свечах... Над Нею реет прозрачное облачко: это зыблется растворенный в воздухе след сгораемого воска.

Пройдя испытания Успенского поста, стоишь ты теперь на свету, в пронизывающем сиянии Ее чистоты. Ты шла сюда совсем не гладко, со срывами, огорчениями, с неотступной житейской запыленностью, с приклеившимися к душе паутинками греха, с ежеминутной подверженностью искушениям. Ты и сейчас не более чем «образ, истлевший страстями», и уповать можешь только на незаслуженную милость, которую по благодати своей дарует недостойным Пречистая.

«Всемиловитая Владычице моя!
Пресвятая Госпоже Всепречистая
Дево,
Богородице Марие Мати Божия,
Несумненная
И единственная моя Надежда,
Не гнушайся меня, не отвергай меня,
не остави меня.
Заступись, попроси, услыши, виждь,
Госпоже, помоги, прости, прости,
Пречистая!»

И замирающим молитвенным целованием приникаешь ты к плащанице, к святому изображению почивающей Богоматери.

Когда же ты ставишь свечу перед Ее образом, твоей руки случайно касается пламя соседней свечи. Это пламя не причиняет ожоговой боли. Ты даже не отдергиваешь руку от огня. Опаленное место не только не болит, но сохраняет как бы ощущение запечатленного целования. И это — уже область частных тайн сокровенной церкви. Как огонь христианской свечи, светится там связующий религиозный поцелуй...

3. МОЛЕНИЕ

Я равно люблю находиться как в переполненной, так и в полупустой церкви.

Когда молишься в переполненном храме (таким он бывает по праздникам, по воскресеньям), ты почти не совершаешь ничего индивидуального (даже свечу иной раз не сама ставишь, а передаешь через других прихожан). Ты полностью принадлежишь всеобщему торжеству, ликование сердец человеческих и сил небесных. Ты — среди множества молящихся. Молитва эта — огромна. Она вместе с ладаном непрерывно поднимается к Богу. Она не помещается в храме, растекается и стелется над землей, пропитывает атмосферу и биосферу. Недаром святые отцы говорили, что одно-единственное «Господи, помилуй», произнесенное собранием молящихся в храме, равняется по значению целой Псалтыри, прочитанной в келейном уединении. Общественная молитва передается от человека к человеку, от сердца к сердцу, от веры к вере. Она всех соединяет. Все охвачены этой молитвой. Велика духовная сила многолюдных служб.

А в полупустой церкви ты чувствуешь возможность индивидуального обращения к Богу. К тебе лично приближены все орудия Божие, все иконы, все светильники. Батюшка с тобой. Он служит как бы специально для спасения твоей души.

В полупустом храме выразителен отдельный человек. Я заметила: среди богомольцев иногда являются совсем особенные люди. На них будто почиет лучезарная тишина. Их обыкновенные лица так любовны, так невыразимо светлы, как будто обретено уже ими Царствие Небесное. Я видела девушку лет семнадцати с таким лицом, и женщину зрелого возраста, и юношу, и мужчину. На улице, в транспорте, в учреждениях, в телепередачах, в потоке бытовой и небытовой жизни таких людей нет. Откуда же, из какого мира попадают в храм эти «алмазы Господни»? Откуда их Бог приносит и куда уносит? Где живет эта чистота и радость? Не знаю. Догадываюсь только, кто они. Это те, которые блаженны: нищие духом, чистые сердцем, кроткие, жаждущие правды... Но если это так, тогда понятно, где и как они живут... И снова наступает воскресение, и снова ты видишь в храме не

отдельных многочисленных богомольцев, а в целом народ. Ты видишь его с какой-то забытой, простецко-русской стороны. Мимо проходит старушка — приложиться к иконе праздника. Идет сосредоточенно, углубленная в сердечную молитву. А из кармана ее халата так откровенно и трогательно выглядывают два пирожка. Идут, поддерживая друг друга, две старушки в одинаковых белых платочках, одинаково повязанных. Идут отцы семейств с младенцами на руках. И повсюду видишь плат, платок, платочек, полуплат, козыночку, шаленку — видишь Россию в традиционном головном уборе. У тебя на глазах собирается в церкви типичный русский народ.

И вот все они, эти женщины в платочках, эти православные мужчины, тихие редкостные отроки и отроковицы, поют здесь вместе «Символ веры», «Отче наш», «Царю Небесный, Утешителю...» Поют, как райские птицы. Поют, привлекая ангелов.

А что же творится с ними в обычной жизни? Как живут? Чем пробавляются? Кругом хаос, зло, темницы, обнищание, распри, бедствия, неизвестность, преступность, грязь, болезни... Теперь еще обещают и голод... Голод и мор...

И среди всего этого в Кузнецкой яме, под вечным смогом, стоит твердо Божий храм.

Слезы наворачиваются на глаза, когда эти старушки, кроткие женщины и дети звенят мелочью, жертвуя храму драгоценные копейки. Цены нет этим народным взносам, этим скорбным пятакам, этим слезным копеечкам.

Может, в храме бывают и богачи. Я не знаю. Среди молящихся я вижу лишь самый что ни на есть «простой» народ — в морщинах, с печатью трудов и забот на лицах, с пустыми хозяйственными сумками, которые вечно с поломанными замками...

Но это народ — молельник. Народ — жертвователь. Народ — богоносец.

Грехи его и страдания — это все есть, этого много.

Но он исповедуется.

Он причащается, приложив крестообразно ладони к груди.

Он осеняется благодатью Святого Духа.

Он любит своего сладчайшего Иисуса и Его Пречистую Матерь.

И он отдаст последнее из своего тощего кошелька, лишь бы стоял храм, лишь бы распространялся из кадила сизый дымок чудесной пахучей смолки, лишь бы возносились к Господу соборные молитвы.

Какие бы противоречия ни раздирали его Церковь, какие бы модные ереси ни возникали в смутном Отечестве, какие бы лжехристы и лжебогородицы ни вторгались в его духовную жизнь, как бы близко ни подступали к сокровищу веры врата ада, все равно семьею верных будет стоять этот народ в православном храме, отмаливая свои и чужие грехи, черпая силы из древней литургии и причащаясь Святых Христовых Тайн.

4. АД

Как-то летом растворила ночью окно. Казалось бы, что может быть естественнее! Но не тут-то было.

Адский первобытно-технократический пейзаж полыхал заводскими топками во тьме. Бурый чад, перемешанный с копотью и пламенем преисподнего цвета, клубился в каких-то 500 метрах от моего жилища. Начеку стояли высочайшие трубы, через которые алюминиевый завод выпускал в город своих ночных джиннов.

В сгустках газа, освещенные пламенем факелов ферросплавного завода зависали торжествующие демоны, окрашенные в черный и багряный цвет. Ядовитое невидимое существо с химфармзавода испускало приторный отравляющий запах.

И во всем — именно первобытное, грубое, агрессивное торжество неживого над живым. В природе этого нет. Это что-то антиприродное, поднявшееся над природой, над биологией по воле некоего смрадного чудовища, обитающего в низших слоях земли или в низшем отделе человеческого подсознания.

Если бы это делалось не против жизни, а для жизни, то этот воздух, полный видимых и невидимых страшилищ, очищался бы; расселение людей, строительство целых новых жилых районов вокруг исчадий ада было бы немыслимо.

Здесь же преисподние котлы и топки как бы специально окружены цветущим людским ма-

териалом: детскими садами, школами, многочисленными семьями молодоженов. Питайся, Исчадие! Пожирай свежее здоровье, чистые легкие, румянец, блеск глаз, упругость мышц... Это тебя, великое Исчадие, обносим мы живой изгородью из человеческих существований, тебя кормим, тебе служим...

А где же среди всего этого находится благодать, стяженная на литургии? Где свет Божества? Где голубые одежды и небесный покров? Где частички Святых Даров?

Это уже в нас, в человеках.

Это не для Исчадия.

Это для жизни вечной.

И не будь этого, как знать, может, и нас уже не было бы...

5. МЛАДЕНЕЦ САКРАЛЬНЫЙ

В Новокузнецкой церкви Михаила Архангела обратила внимание на настенную роспись, изображающую Пресвятую Богородицу с новорожденным Иисусом. Обыкновенная роспись — с тем оттенком милой христианской сентиментальности, что свойственна рождественским открыткам. У ног Богородицы изображен, конечно, ягненок. Это так естественно: Пречистая Матерь, предвечное Дитя и с ними райская нежность — овечка, агнец Христов. Да ведь и сам Христос — Божественный Агнец.

Я огляделась в храме, желая увидеть среди прихожан женщину с младенцем. Это всегда прибавляет радости. И всегда есть в храме мать с ребеночком.

На этот раз она стояла в первых рядах молящихся, с девочкой на руках, в лучах света, лившегося из церковного окна. Девочка была в розовой кофточке и повязана платочком и как бы купалась в благодати богослужения. Она лучше взрослых знала, что это такое! Не сознанием знала, а всей своей младенческой близостью к Богу, к Агнцу, который и будет сейчас заклан во время непостижимого сверхъестественного таинства... Что видит она своими незамутненными глазками? До чего дотрагивается своими невинными ручками? Ангелы, исполненные многих очей, переглядываются с ней, или овевают ее славою невестственных крыльев Божьи херувимы?

дей: жадная, клокочущая, искусственно подогреваемая слава приверженцев гордого миродержца, Князя мира сего, и чистая, невозмутимая слава кротких людей Божиих.

Слава последних распространяется как бы сама собою, без всяких человеческих усилий, без шума и без сенсаций.

До меня донеслась такая слава об Осиповне.

Я нашла ее в одной заволжской церкви, куда усердная молещница, несмотря на глубокий возраст, ходит за 9 верст всякий раз пешком, с тросточкой, в любую погоду, в любое время года.

Жизнь ее давно вся превратилась в молитву. И существует немало местных рассказов о большой силе ее молитв. Даже и храму помогла уцелеть во время очередных гонений, в конце 50-х годов, ее молитва.

Я разговаривала с ней в зеленом церковном дворике.

Впрочем, разговора почти и не было.

Просто я видела перед собой человека, У КОТОРОГО НА ЗЕМЛЕ НИЧЕГО НЕТ.

А слова ее были тихие, христианские, ласковые — совсем немного слов — и в заключение обычное «Спаси Вас Господи».

Отказ от лишнего говорения идет от самой Пречистой, от девы Марии: она воздерживалась от слов, а о тайне Благовещения ничего не сказала даже своему обручнику, праведному Иосифу.

Заволжская бессребреница поразила меня: малоречие, ласковый облик — и полное неимение чего бы то ни было, полное несуществование в обычном житейском мире.

(До этой встречи я видела ее домик в отдаленной от храма деревеньке. Говорят, зимой ее заносит в нем снегом по самую крышу. Говорят, не бывает в этом домике порой ни муки, ни соли, ни дров...)

Осиповна — может быть, одна из последних подвижниц Христа-ради, последняя из «духовных бедняжек», которыми была богатавятая Русь. Она — из тех смиренных странников духа, которые предпочитали по возможности ничего не брать на земле, жить «ничем», Божиим даром, Святым Духом.

В зеленом церковном дворике я стояла перед ней, с замиранием сердца узнавая утраченные

в веках святорусские черты. Никакая мгла не замутила их в этой молитвеннице.

Тщательно вписала я в свою память ее простые драгоценные слова, будто молвленные самой Святой Русью.

И, когда ехала из Заволжья поездом в Сибирь, в места своего постоянного проживания, все повторяла мысленно эти слова — и не могла насытиться...

Наконец я уснула на своей верхней полке в тусклом плацкартном вагоне.

Мне приснилась стоящая на возвышенности церковь необыкновенной красоты, почему-то голубая, которую в жизни я никогда не видела и к которой приближалась теперь по крутой дороге, в направлении с запада на восток. Я шла в восточную церковь.

От голубизны ее, высоты и сияния захватывало дух.

— Ангела Хранителя Вам в дорогу, — донесся из заволжских пространств голос молещницы.

Не без связи с нею продолжался теперь путь.

8. ВОСПОМИНАНИЕ О ГОСПОДСТВЕННОЙ ПАСХЕ

Господственная Пасха 91-го года — событие превысшее. Силились воедино два великих праздника — Благовещение и Пасха. Двойной праздник охватывал начало земной миссии Христа и апофеоз ее. Это было торжество торжеств. Неимоверная милость Божия излилась на нас. В таких масштабах и в таком виде она редка. Зато благодать ее, сила и слава переходит на целые поколения, передается через века. Такова, например, Кириопасха (Господственная Пасха) 1054 года: тогда в Софийском соборе в Киеве митрополит Иларион произнес воскресную проповедь, которая известна как «Слово о Законе и Благодати». Совпадение двух великих христианских праздников дало нам тогда величайшую проповедь, настоящее спасительное слово на века.

В 1991 году отсветы Кириопасхи трансформировались в «Пасху среди лета» — в праздник второго обретения мощей преподобного Серафима Саровского; радость пасхальная, радость воскресения озарила Донской монастырь, Новгородскую Софию и другие главенствующие святыни,

возвраща-
сад, сер-
наконец
ном наз-

Но ка-
в ощуще-
вославно-

Задол-
уже дон-

поны и з-
сил. Она
лею в ви-

В Но-
ром и ме-
хангельс-
Десятки
куличах.

кви для

Я не м-
ме, но д-
ной всео-

И нас-
во и еди-
ром тож-
снежок.

В цер-
ду. Освя-
Христосу-
янием од-
ры право-

— На-
гих, стра-
могут да-

В Кре-
кой церк-
мала оба-
тыя Бого-
священни-
ковского
хипастыр-
ской Пра-

Добро-
было стр-

возвращенные в этом году церкви; Сергиев Посад, сердце православного Духа, освободился наконец от псевдонима и воскрес в своем истинном названии.

Но какая же она была, Кириопасха 1991 года, в ощущениях обыкновенного «единичного» православного человека?

Задолго до полуночи она была уже слышна; уже доносилось сквозь наши человеческие препоны и завесы движение несметных бесплотных сил. Она уже разливалась, расходилась над землею в виде сверхъестественного приближения...

В Новокузнецке это был сырой вечер с ветром и мелким летящим снегом. В Михайлово-Архангельскую церковь спешили люди с куличами. Десятки свечей были уже зажжены и горели в куличах, выставленных на столах во дворе церкви для освящения...

Я не могла провести пасхальную ночь в храме, но даже и дома чувствовала себя причастной всеобщему ликованию.

*Христос воскрес!
Воистину воскрес!
«Пасха непорочная,
Пасха великая...»*

И наступило Светлое Воскресение Христово и единовременное с ним Благовещение. Утром тоже было ветрено и полетывал мелкий снежок.

В церкви — множество праздничного народа. Освящают куличи, пасхальные яйца, снедь. Христосуются. Сладостным праздничным подаванием оделяет народ у врат церкви нищих. Щедрый православные.

— На! Возьми! — и суют, суют в руки убогих, странников и просто попрошайек все, что могут дать.

В Крестильном храме Михайло-Архангельской церкви я отстояла литургию. Служба обнимала оба праздника — Благовещение Пресвяты Богородицы и Пасху Христову. Под конец священник прочитал Послание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II пастырям, архипастырям, инокам и всем верным чадам Русской Православной Церкви.

Доброе это было Послание, и заложено в нем было стремление внести свет Христов в ожесто-

ченное, обуянное ядовитыми страстями общество. Особо остановился Святейший Патриарх на учении и подвигах преподобного Серафима Саровского и привел незабвенные слова старца: «Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен — и тогда тысячи душ спасутся около тебя».

В завершение службы, как всегда, подходили ко кресту. Священник кропил нас святою водою.

Мне хотелось запомнить подробности праздника, уловить настроения, принять к сведению какие-либо заметы, хотя бы и незначительные, субъективные, случайные.

Вот в храм зашли после службы маленькие цыгане — мальчик и девочка. Пришли-то они, видимо, за подающим. Уже что-то и получили от прихожан на улице, сложили к девочке в сумку. А в храм забрели, может быть, от любознательности. Кто-то показал им, как нужно творить крестное знамение. И они старательно и непривычно попытались перекреститься перед иконами.

Выйдя из храма, я встала с куличом за стол во дворе и зажгла свечу. Свеча прекрасно горела на ветру, обжигая пламенем сыплющиеся сверху кристаллики мелкого снега.

Я ощущала чудесную внутреннюю теплоту: она сообщила мне еще до литургии, еще по дороге в храм, и так и сохранялась в душе и в теле.

Как счастливо пасхальное разрешение поста: радостные и усталые батюшки поминутно освящают куличи, благословляя верующих на употребление скоромной пищи.

Живо струится огонь свечей — никакой ветер со снегом не может задуть его. Особенно же нежно и сладко горят свечи в струях святой воды, которой окропляются куличи. Вода и огонь, отказавшись от своей противоположности, сливаются в эти моменты в единое прозрачное целое, в жидкое светящееся вещество, в живое сияние.

Горела и моя свеча под каплями святой влаги. Горела и потом еще... Я медлила — не хотелось уходить.

И тут подошла к столу цыганочка. Я подала девочке несколько крашенных яиц. Мы улыбнулись друг другу от души. Запомнилось, как старательно, серьезно и совсем-совсем неумело крестилась она. Маленькая цыганская бродяжка,

что же она такое в лучах света Христова? на этом вселенском празднике? среди этой ликующей Пасхи?

Невзрослая озадаченная язычница?

Древняя таинственная душа, побуждаемая православной благой силой к каким-то безотчетным пасхальным переживаниям и восторгам?

Некрещеное существо, смутно влекущееся ко кресту?

А может быть, она «крещеная»?

Конечно, ее прагматическая «задача» состояла в том, чтобы насобирать здесь побольше еды и денег. Но бросалась в глаза ее удивленность и невольная подчиненность всесветному торжеству.

«Что это, такое большое, прекрасное и любвеобильное? — как бы вопрошала она с изумлением и в храме, и в церковном дворе. — Как радостно здесь, как хорошо!»

И раскрылась Светлая Седмица сплошная. Вся она была полна сладких свечей, которые сотнями истаявали в ласковом горении во время многолюдных дивных богослужений или чудно теплились на ветру, когда каждый день после литургии мы проходили с ними крестным ходом, торжественно обнося вокруг храма большой квашеный хлеб АРТОС.

В предпоследний день пасхальной недели, который совпал с прославлением иконы Божией Матери «Живоносный источник», Божественную литургию в Михайлово-Архангельской церкви служил преосвященнейший Антоний, епископ Красноярский и Енисейский, наш святитель. И была в этом для Новокузнецка особая духовная радость Светлой недели.

И постоянно звучал теперь тропарь:

«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

И над алтарем сияли слова «Христос воскрес».

Что мы без света Христова?

Всего лишь «сущие во гробех», то есть полностью смертные могильные язычники. Как только отходим от Христа, так и становится «все глухо» и смыкается «могила повсюду».

Но есть выход из земных гробниц.

2000 лет назад смерть испепелилась Божеством Христа, смерть на кресте была поглощена Жизнью. И «сущим во гробех» была дарована возможность войти в Царство Небесное.

В знак этого всю пасхальную неделю остаются открытыми в церкви царские врата. Есть путь. «Аз есмь воскресение и живот. Веруй в Мя иметь живот вечный».

В субботу, в последний день Светлой Седмицы, был роздан верующим АРТОС. Тихо приняла я завернутую в салфетку частицу его. Это был освященный хлеб Господственной Пасхи, хлеб Жизни.

Пред лицом торжества его, на исходе Светлой Седмицы, вспомнила я о другой, мифической, антиподной стороне этих дней, о той стороне, которую не признавал ни один истинно верующий и которая бесславно провалилась... Имею в виду домогательства испортить праздник с помощью разговоров и слухов о якобы неблагоприятности сочетания Благовещения и Пасхи. Змеиный соблазн этого провокационного нашептывания означал попытку «отменить» Праздник Праздников, посеять в человеках недоверие к Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери.

И мы, люди 90-х годов, были свидетелями как самого торжества, неостановимого и неуязвимого, так и тщетных болезненных попыток сорвать его.

Все это происходило у нас на глазах. И мы еще будем возвращаться к этому событию спустя даже годы, потому что прочесть его значение хотя бы во фрагментах, доступных человеку, удастся не сразу.

В целом же глубину мировой радости, вскрывшейся 7–13 апреля 1991 года, нам никогда не измерить человеческим мериллом.

Мы можем только верить в Промысел Божий и полагаться во всем на Господа нашего и Его Пречистую Матерь.

9. ПЯТАЯ ПЕЧАТЬ

Похвально стремление к стяжанию Божией благодати. Но само понятие о ней у нынешних некоторых христиан, особенно неопитов, довольно одностороннее. Иногда это просто ожидание повышенных земных благ для себя.

К тому же нет числа подделкам под христианство, уловкам приспособить Бога (!) к требованиям человеческого практицизма, сделать Его

удобным и полезным для текущих дел, извлечь из Него выгоду. Это все напрасно. Вся эта мишура осыпается и ветшает уже на земле, а перед Небом и вовсе Обращается в ничто. Бог не может быть ни поругаем, ни используем: от кощунников он отворачивается, от потребителей, которые смотрят на него, как на все исполняющую золотую рыбку, скрывается навеки.

Что касается счастья, благодати и блаженств, которыми Он одаряет, то это особенности внутренней жизни человека. А внешне они чаще всего не только не тождественны богатству, здоровью и удобствам, но, напротив, состоят сплошь в испытаниях, бедности, болезнях, преследованиях.

На земле, контролируемой падшей иерархией, Спаситель и сам не имел где преклонить главу, был предан и распят. И Его последователи, имеющие, как говорит Новый завет, от Него свидетельство, проходят через то же самое.

Поэтому и блаженства христианские весьма отличаются от понятий расхожего земного счастья.

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...»

Всмотримся попристальнее в горькую судьбу блаженных мучеников и новомучеников.

Сейчас многие читают Апокалипсис. Откроем и мы Откровение святого Иоанна Богослова и найдем то место, где говорится о снятии Ангелом пятой печати с книги, «написанной внутри и отвне»:

«И когда он снял пятую печать, я увидел под

жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели.

И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святы и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?

И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число».

А теперь оглянемся вновь на землю: не участь ли это России — «дополнять число» своими христианами? Ведь поток мучеников за слово истины идет именно от нас.

Что же это за космическое число, возрастание которого вынимает из России все новых и новых сыновей ее и дочерей? Причем ведь так прямо и говорится: будете убиты за правду Божию. Бог лукавить не станет.

123 Как же должно быть велико непостижимое число? Каков его предрешенный предел?

А самое главное: как долго еще нам дополнять его? «Доколе, Владыка святы и истинный?...» Ведь у нас уже почти никого нет! Мы уже пытаемся по второму кругу пустить прежних мучеников, заменяя живых мертвыми! Мы обороняемся их подвигами, не совершая в свое время своих! Но этим мы не отделаемся. Любовь Твоя выделит и отметит еще многих, хотя и слабых, уже вырождающихся, уже не лучших, уже генетически поврежденных, уже с лейкемией в крови...

Самое трудное, опасное и чистое дело на земле — быть христианином в России.

1991 г.

Заволжье — Новокузнецк

СОДЕРЖАНИЕ

Любовь Никонова. Богослужение в кузбасском городке.....	2
--	---

Беседа писателя Иосифа Куралова с генеральным директором ОАО «Холдинговая компания «Кузбассразрезуголь» Анатолием Приставкой	3
--	---

ПОЭЗИЯ

Александр Курицын. Почувствуй над собой Кузбасс!.....	7
Дмитрий Клёстов. Вздохнёт под тобою земля.....	27
Иосиф Куралов. Монархия души.....	41
Виктор Коврижных. В пространствах судьбы своей.....	51
Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Виктор Баянов, Владимир Шумилов. Улягутся страсти-мордасти.....	61
Валентин Махалов, Владимир Щелканов, Семен Печеник, Александр Катков, Анатолий Иленко, Алексей Патшин. Далеких пращуров тепло.....	73

ПРОЗА

Владимир Мазаев. Я забуду тебя. Элегическая повесть.....	10
Анатолий Кругляков. Три рассказа.....	29
Юлия Лавряшина. Королевна. Рассказ.....	43
Екатерина Дубро. Дежурим. Рассказ.....	44
Леонид Лягов. Три рассказа.....	53
Владимир Иванов. На угольях. Рассказ.....	65
Александр Курицын. Борька. Рассказ.....	72
Михаил Орлов. Иринарх. Рассказ.....	77
Герман Веселов. Последний патрон.....	83
Геннадий Юров. Как рождалась «Рабочая мелодия Кузбасса».....	99

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Геннадий Ярыгин. Пионеры «Красного Брода».....	106
Геннадий Емельянов. Мятёжник.....	108

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Любовь Никонова. Сокровище тишины.....	114
---	-----

Технический редактор **В. И. Труханова**
 Корректор **Л. В. Маренина**
 Компьютерная верстка **М. Ю. Кузнецов**

Тираж 700 экз. Заказ № 360.

Издательство «Кузбассвуиздат».
 650043 Кемерово, ул. Ермака. 7. Тел. 58-34-48.

Internet: www.kvi.bip.ru
 E-mail: 233448@kemtel.ru

Наши
всегда

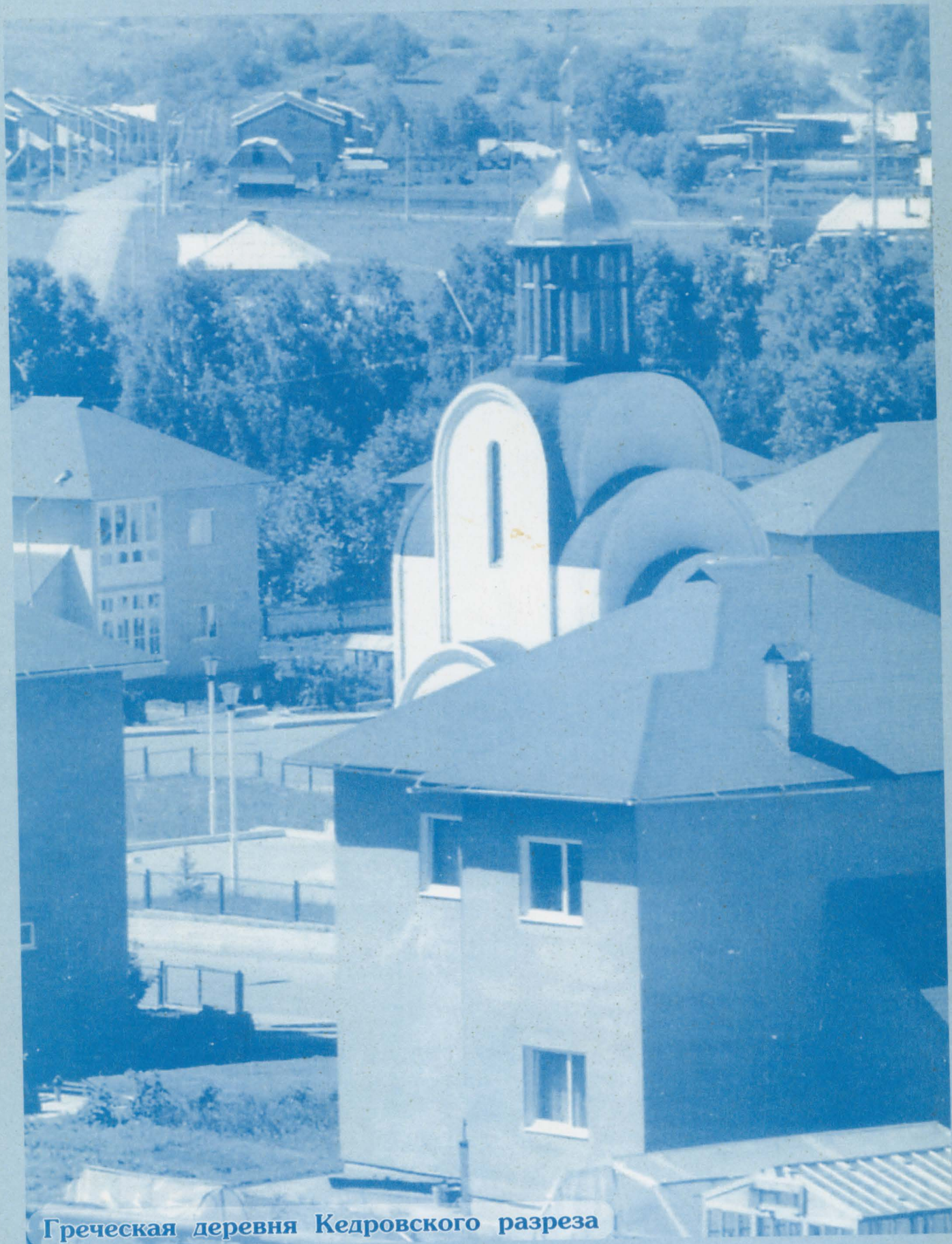

Танцуют
дети шахтеров

Наши ветераны —
всегда желанные гости на празднике

80

Греческая деревня Кедровского разреза